verlag
STELLA·WWW.STELLA-VERLAG.COM·STELLA

© Мастера словесности. Новое время.
Литературный альманах. Коллектив современных авторов.
Выпущено под патронажем
Международной гильдии писателей
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
www.ingild.com

Германия: stella 2020; 327 стр.

Все права защищены.
Редактор-составитель: Л. Баумгартен.
© Дизайн: В. Цветков.

© Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-200-3

Verlag „STELLA“
Deutschland
2020

Новое время

МАСТЕРА СЛОВЕСНОСТИ

Литературный альманах МГП

В качестве предисловия

Настало время, когда любой человек, мало-мальски владеющий словом и письмом, имеющий желание что-то донести до той или иной аудитории, может всего лишь парой кликов мыши опубликовать текст в интернете – на своей страничке, в социальной сети или на литературном сайте. Нет сегодня проблем и с тем, чтобы издать собственную книгу. Но все ли то, что предлагается вниманию читающей публики, – формирует как личность, учит разумному, доброму, светлому?..

В данной книге мы решили не только опубликовать авторские произведения, но и поделиться мыслями по этой теме. Впрочем, и о том, как относятся к книгам сами читатели, что хотят читать и хотят ли вообще – мы узнали из предварительного опроса, проведенного в социальной сети Фейсбук. В итоге мы получили не просто сборник произведений, но книгу-разговор авторов с читателями и наоборот, книгу-напутствие начинающим писателям, книгу-размышление о писательском мастерстве в проекции настоящего времени. А вначале послушаем читателей и узнаем их мнение о том – зачем же надо читать?

Татьяна Попова

Конечно, в ответ на этот вопрос можно написать целую диссертацию. Но я этого делать не буду. Для меня вопрос «Зачем надо читать» равен вопросу «Зачем надо дышать?» И ответ один – «чтобы жить».

Ирина Яворовская

Представить свою жизнь без чтения я не могу. Едва научившись читать, я уже не расставалась с книгой. Никогда. Я убегала на чердак, в сарай, на межу между огородами, где была густая трава, даже в ближний лес, лишь бы меня не трогали и не мешали читать. Я читала так много, что отец стал опасаться за мой рассудок. Книги раскрывали передо мной мир, будили множество чувств, стремлений и помогали

в трудные минуты. В 7-м классе я прочитала «Сагу о Форсайтах» и «Войну и мир». Я читала всё, что попадало в руки. Это были хорошие книги, потому что давал мне их отец, который их всю жизнь собирал и берёг. Это было наше главное богатство. Мне кажется, что книги воспитали меня и помогли мне стать тем, кто я есть. Они и сейчас наполняют мой дом, и я сама пишу по велению сердца. Читать надо обязательно. Тот, кто не читает, обделяет себя. Ни кино, ни театр, ни телевизор не могут заменить книгу. Она наедине с тобой, а ты – с ней.

Вера Гордасевич

Человек не может жить без воды, без еды. Книга – это та же пища, только для души. Книга помогает понять, что нам нравится, а что нет, т. е. определяет наш жизненный и литературный вкусы. Здесь мы знакомимся с мыслями людей, отображенными во времени, слово вечно! Книга – это богатство! Чем больше мы читаем, тем имеем больший доступ к мировым ценностям – знания, как волшебные ключи открывают любые двери в мир! Это уровень нашей культуры, мировоззрения, наш прогресс. Наконец, это наслаждение, которое мы получаем, окунаясь с головой в то, что любим, что нас волнует и наполняет новыми, неизведанными ощущениями, влечет, растворяя в себе!

Ольга Фокина

Человек, который читает качественную литературу, – отличный собеседник, грамотный специалист и успешная личность.

Марина Ламбертц-Симонова

Во время чтения, в отличие от фильмов, мы полностью погружаемся в повествование, мы оказываемся один на один с его героями, а наши сопереживания дают нам массу импульсов для собственных мыслей и действий, и даже важных идей и открытий. За чтением хороших книг мы открываем и самих себя: и для себя, и для друзей. Это и прекрасная тема для разговора в дружеской компании, в обществе. Мы никогда не будем скучными людьми, книга помогает пережить одиночество и даже найти путь к собственному счастью. Мы

учимся на ошибках других людей, о которых мы читаем в книгах и, таким образом, меньше совершаем собственные. Важнейшую информацию мы получаем не в том, переваренном, пережёванном виде, в котором её предлагают фильмы, хотя и фильмы, конечно, тоже нужны, но в них уже группа людей во главе с режиссёром, показывает нам героев и их действия под собственным углом зрения. И ещё хорошо, если это талантливая команда. Книга, кроме того, даёт нам возможность за короткий срок прожить как бы множество жизней её героев, которых мы подсознательно отождествляем с самими собой. Читая, мы как бы делаем «зарядку» для нашего мозга, что держит его в тонусе до глубокой старости. От книги мы можем заразиться... оптимизмом, радостью... Она научит нас легче переживать не только непогоду за окном, но и шторм в... душе. Именно книга может быть тем самым эликсиром, «философским камнем», поиском которого занимались алхимики. «Алхимия слова» – это не только название известной книги, это суть того, что заставляет писателей браться за волшебное перо, а читателей поглощать волшебные строки. Бесценно и чтение книг вслух в семейном или дружеском кругу, которое объединяет и скрепляет союзы, даёт взаимопонимание и приносит мир в любые отношения.

А вот рассуждения о том, какие книги нужны современному читателю.

Вера Гордасевич

Современная книга должна отражать настоящее, но с привязкой к прошлому. Без прошлого нет будущего! Она должна нести свет, не взирая на то, что многих притягивает тьма. Она не должна быть пессимистичной, аморальной, не должна быть пособием для совершения преступлений, иначе в результате мы получим такое же будущее поколение. Книга не одежда, она – для души. Слово должно влиять на поколение, а не наоборот!

Ольга Фокина

Обществу необходимо напоминать о добре, о том невидимом ростке, который внутри нас, и, взрастив который, мы

расцветём как прекрасные цветы, подарим друг другу любовь, тепло и счастье. Необходимы книги, которые напомнят нам о том, что мы люди и должны ими оставаться всегда.

Татьяна Попова

Думаю, современному читателю нужны книги добрые и мудрые. Добрые, потому что слишком много зла и агрессии в нашем мире. Мудрые – потому что книги, как ничто в этом мире, могут помочь научиться думать. А еще мне кажется – книги обязательно должны быть интересными. Да-да, я согласна с Вольтером: книги не должны быть скучными.

Ирина Яворовская

Современному читателю нужны самые разные книги. Но главное, чтобы они «цепляли», т. е. будили интерес к миру вокруг и становились просто необходимыми. Когда-то говорили: Книга – лучший подарок. Я считаю, что так оно и есть. Богатства, которые даёт книга, вечны и не подлежат тлению. Книга должна умно и тонко будить в человеке лучшие чувства, заставлять его думать и действовать, учить его и развивать. Без книги человек бездуховен и похож на сироту или на сытого обывателя, которому всё безразлично. Скажу одно: Виват, книга! Хорошая книга! И пусть это будет всегда...

Максим Сафиулин обобщил все сказанное выше.

Чтение книг для современного поколения – дело важное и нужное. Особенно для молодёжи, которая погрязла в мире гаджетов и интернета, разучившись размышлять, воображать, фантазировать. Чтение расширяет кругозор, обогащает внутренний мир, существенно увеличивает лексикон и даёт возможность наиболее ярко и интересно жить.

Мы перестали удивляться. Для нас информация доступна в любое время, в любом месте и в любом количестве. Поэтому мы к ней относимся без уважения, без жажды познания и желания прозрения. Чтение развивает в нас внутреннюю культуру, воспитывает как личность, пробуждает тягу к прекрасному, необычному, новому, а также учит, направляет, помогает это прекрасное, необычное, новое применять в повсе-

дневной жизни. Человек, читающий книги, находясь в коллективе, будет интересен окружающим, а проводя время в одиночестве, ему никогда не будет скучно. Ему есть о чём подумать, поразмышлять, порассуждать... Ему есть что сказать этому миру. Поэтому книга для современного общества – вещь крайне необходимая. Вопрос только в том, что читать и в каком формате. Кому-то удобнее читать электронные книги – там можно выбрать размер шрифта, фон и сделать чтение удобным конкретно для себя. В небольшом электронном устройстве можно вместить огромную библиотеку из сотен тысяч книг. В один клик можно скачать полное собрание сочинений и также легко его удалить, освободив место для более необходимого издания. Но уважение к этой «библиотеке в кармане» у читателя отсутствует. И отсутствует желание читать и перечитывать. Прочитал – забыл. Нашёл – потерял. Взял новое – выбросил старое.

Более ленивые (или занятые) слушают аудиокниги. Казалось бы, удобная вещь, но возвращаться к наиболее интересным местам (которые в бумажных изданиях помечены карандашом) нет никакого желания. Прослушал книгу внимательно – запомнил часть, невнимательно – только название. Поэтому необходимо пробуждать у современного поколения уважение к книге, тогда, возможно, появится желание читать. И абсолютно не важны название книги, количество страниц, автор и жанр... Важно, чтобы книга очищала и учила добру, побуждала к действию сделать этот мир лучше, затягивала сюжетом, с которым хотелось бы поделиться, заставляла думать, рассуждать, подогревала интерес – а что дальше? Тогда читатель, прочитав книгу и испытав лёгкую грусть, что история закончилась, будет вновь и вновь погружаться в чтение в надежде и желании найти что-то новое, полезное и интересное. И снова будет удивляться, отправляясь в новое приключение; как он раньше жил без всего этого? Главное, чтобы книга была интересная. А сделать её таковой сможет только автор – человек, который старается для читателя и искренне верит, что его труд не напрасен.

Советы бывалых...

КАК СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ

Самое первое: не обольщайтесь. Легко не будет. До славы и почета далеко, а работать придется много. Как говорил Хэнк из сериала «Блудливая Калифорния», «быть писателем – это хреново, это все равно, что до конца жизни делать домашнее задание».

ТАТЬЯНА

БАДАКОВА

ПУШКИНУ

Зазвучат наши степи ковыльные, вторя
Красоте твоих рифм, достигших небес.
Табуны лошадей в гривах вольную волю
Принесут, столь желанную, Гений, тебе.

От любезной калмычки улыбку нежную.
Взор сегодня её совсем уж не дик.
Благодарность потомков, как ширь безбрежную
За увековеченное: «друг степей калмык».

СЧАСТЛИВАЯ

Стою под Богом,
Рукой Всевышнего
Теперь хранимая.
Взлечу немного –
Я под защитою,
Неуязвимая.
Кричу: «Спаси-Бо(г)!»
Благодарю Его,
Ведь я – счастливая.
В старинном парке
На Милесс Гордон
Себя открыла я.

ЖИТЬ

Времена не выбирают,
В них живут и умирают…
А. Кушнер

«Жить!» – такой выпал жребий,
И другого не будет.
Солнца всполох на небе
Яркий день дарит людям.
А рассветы, закаты
И цветы полевые…
Ах! Любимых объятья
Навсегда. Как впервые.
Два бокала вина,
Танго под саксофон.
С орбиты сошла луна…
Сохрани этот сон.
Зов тюльпанов в степи…
Услышь, как поют ветра.
За весной поспеши,
Помечтай у костра.
Расскажи свою боль
Звёздам в летней ночи.
Сердце ты успокой
Под мерцанье свечи.
И друзей береги,
Их осталось чуточек.
Душу кто взбередит
Звонком среди ночи?
Не брани эту жизнь,
Ведь другою не будет.
Снова дню улыбнись,
Будь счастливою в будни.

ЗДРАВСТВУЙ и ПРОЩАЙ

Знакомой тропинкой
От школы до дома
Пройти мне, казалось, пустяк.
Но груз многих лет,
Накопленный мною,
Весомый – почти пятьдесят.

Картина обычная –
По улице сельской…
Но что это? Кто тут чудит?
Ведь это не женщина,
Вполне симпатичная
Девчонка с портфелем бежит.

В фартучке школьном
С огромным бантом,
С подружкою Динкой вдвоём
Знакомой тропинкой
От школы до дома,
Болтая о том и о сём.

Известная площадь.
«Эй, дедушка Ленин!
Любимым ты был детворой.
Узнал меня, вспомнил?
Мы здесь пионерами
Частенько встречались с тобой».
Идём через парк.
А где же скамейка?
Присядем, и времечко есть.

Тут булочку школьную,
Столь аппетитную,
С тобою нам надо доесть.

Скорей, побежали,
Вот и мороженое –
Смотри, тётя Дуся везёт.
Стаканчик бумажный
С чудом прохладным
Тебе, улыбаясь, даёт.

А дальше – качели,
Мечта детворы,
Всё также скрипят и скрипят.
Как быстро взлетели,
И быстро несутся…
Так это же годы летят!

Советская улица.
«Динка, до завтра,
Прошу без меня не скучать!»
А за переулком – моя,
Будённого маршала.
Почему ж мне тебя не узнать?

И ты меня тоже
Почти позабыла.
Полвека никак не отнять.
Всё ближе и ближе
Мой дом, с детства милый,
Со стёршимся номером тридцать пять.

… Молчу и стою…
Внутри всё застыло.
Наш дом, как тебя я люблю!
Но всё же калитку
Я не открыла –
Не выдержит сердце. Боюсь.

Там бабушка, мама,
Тепло там и мило.
Пусть будет не тронут покой.
Погладив заборчик,
В душе помолилась
За всё, что роднит нас с тобой.

Знакомой тропинкой
От школы до дома
Пройти мне совсем не пустяк…
Чудесное детство,
С тобой я простилась.
Останется светлой печаль…

ЕКАТЕРИНА

КОРДЮКОВА

* * *

От всех твоих дорог хочу набраться пыли,
Во всех твоих ручьях хочу умыть лицо
И вырастить в душе размашистые крылья,
Чтобы никто не мог пробить ее свинцом.

По белому листу спускаюсь я построчно,
Цепляясь за бока и локти важных букв,
И каждый новый слог мне кажется неточным,
И я за ним ищу неповторимый звук.

Живу среди людей, зову искать со мною
Божественную мысль в неброской красоте,
И не отдам себя ни лени, ни покою,
Пока душа идет и силится взлететь.

ПРОШЕДШАЯ ЛЮБОВЬ

Прошедшая любовь. И грустно, и смешно,
Когда дают плоды забытые бутоны.
Пусть взгляд летит назад, где все предрешено
И вписано под ключ в нетленные законы.

Там нет нежданных встреч, все видно сквозь года,
Там люди по стеклу гранят узор единый,
И ходят по судьбе, как ток по проводам, –
Не вырвать новый лик из старой мертвой глины.

Нас прошлое не жжет – щемит порой слегка…
Так на ресницах снег мешает видеть вечер.
Я буду вспоминать. Пока течет река,
Она приносит жизнь и уплывает в вечность.

МАЙ

Пробуждая нежность,
Пробуждая силу,
Май сдувает бедность
С улицы унылой.

От больных скитаний
По замерзшей грязи
Мы уходим в пламя
Тополей и вязов.

Утро греет тени,
Птицы дарят звуки,
Каждое творенье
К солнцу тянет руки,

Зелень прорастает,
Силясь отогреться,
Сквозь несмелость мая,
Как любовь сквозь сердце.

ПОЕЗД

Жизнь – это поезд на сцепке со временем,
Время – его паровоз,
Непережитое мнится в нем бременем,
Падает между колес.

Время поет монотонно и буднично,
Мы повторяем за ним,
Вывески блинных, пельменных и бубличных
Мерно вплетаются в дым.

Просто проснулись однажды мы в поезде –
В памяти нет ни следа…
Пишутся дети, рождаются повести
В ночь по пути в никуда.

* * *

Как свет не удержишь в зажатой ладони,
Так время рождает и время хоронит –
Упругое время: удар и отскок,
И жизнь, словно нежности жадный глоток,

Растет семенами, растет именами,
Нутро прикрывая домами, словами…
Но щурясь на солнце иль глядя во тьму,
Ты смотришь лишь в душу себе самому

И видишь в ней небо и черную лаву,
Порок и величие, низость и славу.
Иду. Впереди путеводный клубок.
И жизнь моя – нежности жадный глоток.

ДУША

Куда стремишься ты, душа,
Когда уходишь?
С тобой одной могу я дышать,
С собой одной лишь.

И если ты уйдешь, во сне
Меня покинув,
Чтоб в журавлиной вышине
Прибиться к клину,

Что буду делать, как смогу
Любить любимых?
Не уходи тайком на суд –
Успеешь в зиму.

УТРО НА РЕКЕ

Ночь уходит неспешной походкой,
Завернувшись в туман, как в платок.
Просыпаются влажные лодки,
Зарываясь в холодный песок.

Над рекою склоняется небо,
Чтоб умыться и снова взлететь,
И глядит ей в глаза цвета вербы,
Словно ждет окрыленную весть.

Искупается синее в сером,
Улыбнется река небесам,
Утверждая надежду и веру,
Строя в сердце невидимый храм.

МЕТЕОРЫ

В конечном итоге, в конечном итоге
Слепящее солнце вступает в чертоги,
Смыкаются двери у темного края –
И мы угасаем, и мы засыпаем.

За черные горы, ослепшие горы
Спускается солнце, проходит сквозь поры,
Стекает с камней и уходит из келий
В холодную бездну незрячих ущелий.

Оборваны связи с мирскими делами,
Застывшее время, недвижное пламя,
Свеча и молитва, молчанье и труд.
Отшельники бремя людское несут.

ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминание, воспоминание –
Там, где душа обретает сознание,
Форму и слово для существования
В воспоминаниях, в воспоминаниях.

«Помнишь?» – ключом открывает забвение
Слово живое – и дарит спасение:
Якорь, канат и причал одиночеству,
Времени – имя, а имени – отчество.

«Помню». Шурша облетевшими листьями,
Щелкаю чётками, чувствами, мыслями.
Верю: останутся жить в мироздании
Воспоминания, воспоминания.

У ПРОЗРАЧНЫХ ВОД

В серых шелках реки –
Белые лепестки,
Луч – золотой стежок –
Падает в лепесток.

Ив серебристый строй
Шелка хранит покой,
И над водой обрыв
Не притесняет ив.

Замершей тишиной
Стал мой речной покой,
В бархат песчаных лент
Вшит мой последний след.

* * *

Август дыханье жара
Смыл дождем ураганным.
Город выглядит старым.
Разве не странно?

Ноет сердце, как в мае,
Будто снова рождаясь,
Но уже не мечтая.
Может быть, каясь?

Трудно вылепить осень –
Глина течет как масло.
Но и лета не просим.
Лето погасло.

ТЕЧЕНИЕ

От детей до стариков
Сложен мост из лепестков,
И по этому мосту
Дети бегают в мечту,

За туманами реки
Ходят в детство старики –
Всё и хрупко, и легко
На мосту из лепестков.

А меня несет вода
По теченью в никуда:
Нет ни дна, ни берегов,
Ни моста из лепестков.

НОЧЬ

Откроются глаза у тихих сов,
И выйдет ночь пугающе прекрасна,
Из ближней деревеньки со дворов
Ее окликнет лай однообразный.

И стихнет все. Подолом тишины
Она смахнет мечты мои небрежно,
И будут так глаза ее темны,
Что только звезды в них уронят нежность.

ИЗ ИТАЛИИ

И по стихам нам должно воздаться,
И по любви…
Уходит время в змеином танце
В фонтан Треви,

И незаметно стекает вечер
С лесистых гор,
И нам внезапно закончить нечем
Пустячный спор.

Стихи монеткой бросаю в воду
И жду вестей…
В моей Вселенной есть сотни входов
И нет цепей;

В моей Вселенной я трачу время
На пустяки,
Чтоб вместо сердца любое бремя
Несли стихи.

Играет солнце в колодце пьяцца
На рёбрах плит…
Пусть не по слову нам всем воздастся,
А по любви.

АВГУСТ

Был август. В сентябре холодная дождливость
Напомнила бы нам о доме и плащах.
Но в августе тепло – божественная милость,
И, значит, можно жить, не помня о вещах.

Дождем пропахло все: от спрятавшихся крыльев
До взбалмошной листвы, от парка до волос,
И мы пытались смыть тревогу и бессилье
И шли через поток, не замечая слез.

Был август. В декабре мы наряжали б елку
И бегали, смеясь, сквозь кулинарный чад,
Но в августе легко сбивать друг друга с толку,
Сбивать с былых надежд в карманный тихий ад.

Сплелись сегодня здесь встревоженные нити
Судеб, дождей, лавин, потерянных следов,
Я в августе живу, поверьте мне, коснитесь,
Я не уйду без вас из этих летних снов.

ПЫЛЬ

От стен, разрушенных тобой,
Не оседая,
Клубится пыль над мостовой,
Сбиваясь в стаи.

И через годы напролёт
Без сна и крова
Она, как мёд из мятых сот,
Стекает словом.

Она въедается в глаза
И сушит слёзы,
Она пытается сказать,
Не уничтожив.

Быть может, только эта пыль
И остаётся
Служить надгробьем для могил
И дном колодцев,

Вуалью белого листка
И рамкой света,
Воспоминаньем о строках
Земных поэтов,

И сутью каждого прыжка
Из бездны в бездну:
Родиться, вспыхнуть, засверкать
И вновь исчезнуть.

МОЁ ИМЯ

Меж морем цвета ртути
И небом цвета стали
Лучи скользят как прутья
В заоблачные дали.

И нет песка – теплее,
И тяжести – приятней,
Янтарной карамелью
Смыкающей объятья.

Но вдруг подует ветер,
И сомкнутые тучи
Раздвинутся для света,
Для радости зовущей.

Я здесь – от сотворенья,
Пока земля не сгинет:
Песок – мои мгновенья,
И море – мое имя.

* * *

Сколь я пота ни пью, а всё поле не пахано,
Сколь я в дверь ни стучу – никому невдомёк,
И рубаха моя на локтях перелатана,
И затылок под пеклом июльским промок.

Для чего это всё, ты скажи мне без пафоса,
Для какого пути нас рожает земля,
Что течём мы, как сель, без руля и без паруса,
Чтоб устать и уснуть в бесконечных полях?

Ты прости, что стучу, не даю тебе выспаться,
Только мне без ответа уже не вздохнуть,
Доедает кострище последнюю ижицу,
И молчанье всё яростней давит на грудь.

И присев на крыльцо перед дверью не выбитой,
Я смотрю на поля и вдыхаю их жар,
И латаю собой страхи каждого ирода,
И на крестном пути – каждой плети удар.

Солнце бьёт по глазам золотыми колосьями
И скрипит на зубах то ли пыль, то ли тлен…
Я пишу свою жизнь не мольбами и просьбами –
Я стихами себя поднимаю с колен.

ПОЭТАМ

Сквозь сумрак лунная дорога
Уводит в ночь…
Травинкам, выпавшим из стога,
Нельзя помочь.

Ведь нам, оторванным от дрёмы,
Уже не мил
Уют потерянного дома
И плен перил.

И, даже взглядом прикоснувшись
К огням вдали,
Не будем скорбью о минувшем
Себя травить.

Не в радость выбрана дорога,
Но в поле лет
Травинкам, выпавшим из стога,
Легко взлететь.

ОЩУЩЕНИЕ ВЕСНЫ

На клейкий дух умытых тополей
Мы тянемся из зимних подворотен,
И город дышит легче, и быстрей
Стекает свет по иглам тихих сосен.

На летний голос детства мы бежим,
И плащ потерь соскальзывает наземь,
И оттого, что миг неповторим,
Нам каждый шаг и горек, и отраден.

Так каждый лист, увидев небеса,
Захлебываясь счастьем воплощенья,
По ветру раскрывает паруса
И грудью рвет летящие мгновенья,

Так птицы бьют по воздуху крылом,
И дождь стучит задиристо по лужам…
Так мы по жизни яростно идём
И каждым шагом будущему служим.

ДИАГНОЗ

Слепота или ослепленье?
Кто поставит любви диагноз?
Это сердца немое тленье,
Это дышащий солью парус,

Это вечность в одной ладони,
Что в глаза попадает пылью,
Это ветер, который гонит
И нечаянно бьёт по крыльям.

Можно верить, а можно видеть,
Но потрогать нельзя ладонью
Паутину из красных нитей,
Что художник назвал любовью.

ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Мы с папой вышли на балкон,
И я поймал звезду,
Потом беседовал со львом,
Стоявшим на мосту,

Потом я отыскал в стене
Забытый кем-то клад…
А папа всё смотрел на снег,
Не отрывая взгляд.

ДОЧЕРИ

Прижмусь с мороза
К шершавой печке,
Потянет прозой:
Тушёнкой с гречкой,

Печёным тестом,
Капустой с перцем –
Потянет детством
И чистым сердцем,

И той любовью,
Что, словно крест свой,
Отдам я с болью
Тебе в наследство,

Чтоб ты любила
С шершавой печкой
Мечтать о милом,
Дрожа сердечком,

И чтоб осталось
Храниться в сердце
Такая малость –
Печное детство.

ПОД ПЛАЩОМ НЕБЕС

В зимней колыбели
С пологом небес
Лунной карамелью
Скован чёрный лес.

В белое безмолвье,
В лёгкий снежный плед,
Словно в изголовье,
Льётся лунный свет.

Тихо дышит вечность
Холодом снегов,
И молчанье лечит
Без текучих слов.

Дни мои – метели,
Ночи – чёрный лес…
Мы – седые ели
Под плащом небес.

ТАТЬЯНА **КАЙЗЕР**

САМОУНИЧИЖЕНИЕ

Немного времени минуло с той поры, когда на карнавале, устроенном Завистью для чувств и эмоций, завязался умопомрачительный роман Эгоизма и Страсти. Оскорбленная супруга Гордыня долго делала вид, что все это ее не волнует. Впрочем, она и мысли не допускала, что такая шалость мужа, очередная интрижка, может повлиять на их брак, чересчур уверена была в своем превосходстве. К тому же Гордыню больше занимали собственные новые ощущения от долгожданного плода, зародившегося в ней. Да и свою приятельницу Страсть хорошо знала – уж слишком скоротечны были у той романы, на которые супруг Азарт не очень-то и обращал внимания, даже провоцировал их, подолгу пропадая то в казино, то на скачках. Однако последовавшая беременность Страсти явилась неприятным известием для всех. К тому времени пресыщенному Эгоизму уже стала досаждать излишняя привязанность Страсти, безудержно посягавшей на его волю, желания, время.

Неуемное пылкое влечение подрывало силы, замахиваясь на самочувствие, которое было для Эгоизма первостепенным. И вдобавок стали раздражать терпкие головокружительные запахи окружавших Страсть пионов и орхидей, соперничающих с его любимыми нарциссами. А ведь он в первую очередь ценил свой комфорт и ради прежнего устраивавшего жизненного уклада, подуставший от страстных отношений, повинился перед супругою Гордыней, милостиво простившей измену. В положенный срок появилась у них дочь Высокомерие. А когда через пару месяцев и Страсть преподнесла Эгоизму еще одну дочь, назвав неожиданным именем Самоуничижение, предопределившим дальней-

шую судьбу малютки, это уже мало растрогало себялюбца. Потому рассчитывать на его участие в судьбе этой дочери вряд ли стоило.

Самоуничижение – бастард, и в собственной семье не находила признания. Азарт не одаривал ребенка вниманием и даже наоборот – уклонялся от возможного общения. Мать, поначалу страстно занимавшаяся малышкой, очень скоро переключилась на новый объект обожания, препоручив дитя няньке Критике. И подрастающий ребенок быстро понял, насколько условной являлась любовь в их доме. Малышка боялась не соответствовать предъявляемым к ней требованиям. Вместе с тем у нее росло и укоренялось ощущение себя маленькой и незначительной, может, хоть так удалось бы заполучить пусть малую толику расположения к себе родителей.

Наученная нянькой приносить извинения по поводу и без повода за все, что делает, Самоуничижение, опережая всех, порицала себя за малопривлекательный вид, нерешительную походку, невнятную речь и за всегда потупленный взгляд. Чтобы избегать боли и разочарований, она искала прибежище в бездействии и неприметности, проявляя покорность и застенчивость.

Время шло, и Самоуничижение, обеспокоенная внешностью, неприспособленностью, отсутствием веры в себя, да и возрастом, все глубже переживала свою беспомощность и крушение надежд. Как и отчего возникло неосознанное стремление к принижению собственной значимости? Как теперь уйти от сомнений в нормальности психики и здравости ума, когда угнетена ощущениями никчемности и обреченности? Как избавиться от постоянного обвинения самой себя? Что уж тут говорить о способности к соперничеству?..

Вот уже рассвет на пороге понимающе сочувствует очередной бессонной выматывающей ночи. Даже физическая усталость от круговорота мучительных вопросов не помогает забыться в дреме. Ох, как права единственно близкая ей сестрица Высокомерие: доколе продолжать мучить чувство собственного достоинства вечной неудовлетворенностью собой?

Сама-то она всегда высоко несла голову, выказывая убийственное пренебрежение к самоанализу, горделиво и надменно выглядела на фоне безропотной сестры Самоуничижения, являвшей противоположность униженностью, смирением, ощущением вины. Она постоянно укоряла бедняжку за опущенные плечи, угодничество, покорность и упадок духа, насмешничала над ее единственным положительным качеством, никак не присущим самой – скромностью.

Сколько можно хранить воспоминания о прошлых неудачах, опасениях и быть неспособной даже обратиться за помощью? Гордячка настойчиво твердит страстотерпице о том, что та основывается на ошибочной самооценке. И боязно той признаться себе, что в глубине души звучит-то заносчивый голос, наполняющий ощущением права подвергать осуждению поступки других.

Самоуничижение и сама много думала, можно ли обуздать эти мучающие ее качества, превратив их в источник дополнительных сил и веры в свои возможности. Однако не приходило в голову, что истинная скромность не терзает, а возвышает. По-настоящему скромный человек не испытывает сомнения в собственных силах, оттого и способен добиться всего, что считает для себя достойным. А если ставить себе в заслугу врожденную скромность, значит, позволить губительному яду самоунижения проникнуть в душу.

Надо что-то делать. Во-первых, следует перестать стыдиться себя. Поверить, что интересна для других, способна разрешать вопросы, которые ставит жизнь. Потом научиться принимать похвалу и комплименты и отказаться от привычки приносить за все извинения. Нужно использовать любую возможность, чтобы расправить крылья души, постоянно самоутверждаться, отмечая свои успехи. И уж, конечно, не упиваться чувством правоты, заранее предсказывая себе неудачу.

Лучи солнца добавили алого цвета в зарю, даря подсказку, каким ярким можно сделать день. Стоит только заняться творчеством. Ведь оно вполне станет той основой, на которой можно уже строить здание уверенности в своих силах. Совсем неважно насколько могут быть развиты творческие способности, ибо главное – удовлетворение от их применения, помогающее подняться с колен и посмотреть вверх.

* * *

Маня выросла в большой семье с многочисленными тетками-дядьками, двоюродными и троюродными сестрами-братьями. У родителей она была первенцем, но очень скоро один за другим появились сестренка и братик. И на Маню легла ответственность за малышей, пока родители были на работе. Не только носы вытирать, но и покормить, нянчиться с ними до прихода матери.

С родственниками жили по соседству в доме, поделенном на трех хозяев, а потому прилежной няньке поручали доглядывать и за маленькими кузенами-сорванцами. Целый день ответственная хлопотунья ждала вечера, чтобы можно было вырваться на улицу, где давно носились неугомонные приятели и подружки,

совсем не обремененные присмотром за малышами. К вечеру все устраивались возле опустевшей песочницы, и начинались дивные рассказы-страшилки, пересказы фильмов, книг. Среди ребят были такие, кто читал книги запоем. Они были завсегдатаями школьной библиотеки и даже ездили несколько остановок на автобусе в ближайший городской читальный зал – чему Маня очень завидовала. Она тоже любила читать, но помалу, так как едва успевала делать заданные уроки, часто прямо засыпая над книгой, утомленная всеми дневными заботами.

Маня в школе была в середнячках, всегда старалась держаться в тени. Не столько по знаниям, сколько из-за глухого невнятного голоса, скорее напоминающего шепот. А бегающие по сторонам или опущенные вниз глаза, привычка грызть губы – побуждали учителя думать о ее плохой подготовке к урокам. Наверное, она была смирением в мать. Та всегда молча и терпеливо сносила многочисленные придирки родни, особенно свекрови и сестер мужа, не дававших спуску, возможно, из зависти к красоте и непривычному доброму отношению к ней мужа, который даже в подпитии не поднимал на жену руки. Сам он был далеко не красавцем и среди родни считался неудачником, без нахрапистости, без стремления расчистить себе «место под солнцем», хотя был единственным, имевшим техникумовское образование.

Маня слышала все эти пересуды и не могла понять, как красавица-мама выбрала себе такого серого неприметного, к тому же калеку – у отца на месте левой кисти просто торчали от локтя что-то похожее на пальцы. Она корила себя за то, что стыдилась отца, и испытывала постоянное чувство вины. Маня стеснялась его ласковых объятий, в то время как младшие просто висли на нем. Она же больше любила мать и жалела ее.

Школьные годы пролетели так же, как и детство, – вперемешку с усталостью и заботами о сестре и брате. Неспособная к лидерству, как и к ясному выражению своих мыслей, Маня так и оставалась малопривлекательной тихоней, хотя дружили с ней девчонки яркие, смешливые, неугомонные, воспитанные на книжных романах, которых прочитали много больше нее. Подружки рассказывали ей о своих приключениях с парнями, чем приводили Маню в замешательство и печаль. Оттого все больше развивалась ее неуверенность в себе, усугублявшаяся и неловким, нескладным телом, и частыми возрастными прыщами на лице. Разве могло прийти ей в голову, какая трогательная доброта лучится из ее прекрасных глаз. Впрочем, редко кому удавалось это увидеть из-за постоянно опущенной головы. Молчунья переживала, что не обладает какими-нибудь особыми знаниями, не может красиво изъясняться, даже привлечь внимания, и уж тем более удержать его. И себя она считала недостойной ухаживаний симпатичных одноклассников, позже, когда училась в техникуме – однокурсников.

А время шло. Подросшая сестра, поначалу, полушутя, называвшая ее синим чулком, потом чаще стала пророчить ей остаться старой девой. Больно было слышать такое от обожаемой сестренки, но в душе соглашалась с ее правотой. Маня, даже глядя на себя в зеркало, видела не симпатичную девушку, а малопривлекательную серую мышку с отцовым носом картошкой, только разве что с красивыми вьющимися волосами, как у матери. Сердце, тоскующее по любви, бедняжка просто убеждала, что этого чувства в ее жизни нет, как ранее внушила себе, что таким, как она, очень трудно быть счастливыми.

Непритязательная девушка была уютной жилеткой для рыданий, обжегшихся от любовного пламени, подруг, часами выслушивая их болезненные переживания. Когда же они, окрыленные новыми любовными порывами, надолго покидали ее, оставляя в одиночестве, она, поплакав, с тоской ожидала их очередных слезных излияний. А на работе в Доме малютки ее тихое самоуничижение, крадущее уверенность в собственных силах, прячущее способности, позволяло более расторопным и громогласным коллегам диктовать, на их взгляд, разумные правила в работе воспитателя, оттеснять ее в борьбе за удобный график работы, прибавку к зарплате, льготы и похвалу.

Герой тайных мечтаний Мани появился неожиданно. Степан, отслужив в армии, заехал в их город к другу. Он не захотел возвращаться в село, где жизнь не шла ни в какое сравнение с городскими соблазнами. Робость сельского парня он прятал за нарочитым бахвальством, не всегда к месту шутил и балагурил. Его желание найти покладистую горожанку таки совпало с желанием озабоченной «сидением в девках» суматошной родни Мани. И пора жениховства оказалась слишком быстротечной, как, собственно, и медовый месяц, досадно ограниченный любопытством соседей по коммуналке.

Родители приняли замужество дочери как естественную необходимость, пусть и увеличившую теперь их домашние дела, которых, оказывается, Маня очень даже много исполняла. Молодая женщина, впрочем корила себя, что меньше стала уделять внимания недомоганиям матери, да и отец остался без привычной помощи. Как ни старалась она продолжать жить на два дома,

все же не получалось, как прежде, готовить что-то вкусненькое для сестры и брата, избалованных ее стряпней, следить за ежедневной чистотой их гардероба. Потому что теперь это все она делала для Степана. Так хотелось увидеть в глазах мужа ласковое удивление ее проворностью, хозяйственностью. Скромница безмерно была благодарна за его выбор, желание создать с ней семью. Только вот постоянным чувством вины ни за что и за все сразу она загоняла себя в привычные строгие рамки, не позволявшие наслаждаться замужеством.

Поначалу была горделивая походка рядом с ним, очень скоро опять стала переваливающейся, шаркающей. Незаметно отказалась от туфель с каблуками, от прически с начесом, от коротких юбок, благо дело и мода тоже повернула к миди. А потом как-то, взглянув на свое отражение в витрине магазина, вдруг обратила внимание на сутулость плеч, впрочем, быстро списав на привычную авитаминозную усталость.

Когда потеряла выкидышем первенца, Маня пыталась придумать себе жесткую кару за свою вину. Изо всех сил старалась тащить на себе и свой дом, и родительский, и еще сверх рабочей смены ухаживала за малютками-отказниками. При явном неодобрении мужа. Он как-то не заморачивался особо ее депрессивными переживаниями, считая, что будет черед и для другой беременности.

Очень скоро Маня почувствовала, как он стал отдаляться от нее. Степан мог сидеть часами, молча уткнувшись в телевизор. И только по мельканию переключенных программ она догадывалась, видно, и в ящике мало что интересного находит. Любой разговор с ней заканчивался его гримасой, как от надоевшей мухи. Она видела, как стала ему малоинтересна, корила себя, что

не может заинтересовать его разговором, вспоминала, что так и лежит недочитанный детектив, который он принес для нее. Да и подруги, навещавшие ее, добавляли грустных переживаний: супруг заметил, как выигрывают они на фоне косноязычной и, похоже, глупой жены.

Вторая беременность немного подняла самооценку Мани, чуть распрямила вечно сжатые плечи, добавила округлости бедрам, увеличила бюст на пару размеров. И даже сделала ее желанной для мужа, как вначале брака. Но до самых родов боялась она, что окажется никудышной и не доносит ребенка. И еще очень терзал страх, что ребенок окажется похожим на ее отца, с таким же увечьем. К радости роженицы все обошлось. Если не считать, что муж ждал сына. Дочка родилась совсем не похожей на нее, быстро стала любимицей отца, научившись легко вить из него веревки. А уж как отметила вся родня – совершенно не в безропотную мать характером.

Время быстротечно, особенно, когда прилагаются усилия так заполнить его, чтобы не оставалось искушения для раздумий. Суета – спасательный круг для самоуничижения. Приобрели в пригороде небольшой дом. Родились еще близнецы. А там и у сестры с братом появились свои дети. Только все труднее получалось Мане заставлять себя по-прежнему принимать во всем участие. Уж очень откровенно использовали ее безотказность и привязанность к семье. Проводимые застолья с многочисленной родней стоили все большего напряжения, только не вознаграждались благодарностью или соучастием. С грустью однажды разглядела на своих руках увеличенные вены, припухшие запястья, присмотрелась к себе в зеркале. Сеточка морщин у глаз,

две глубоких – на переносице, да и щеки как-то стали придавливать улыбку. А когда довелось наконец семьей с подросшими детьми выехать к морю, ударом хлыста оказался пойманный разочарованный взгляд мужа на ее ноги, украшенные варикозной сеткой.

Страна тем временем переживала годы разлада: менялись устои, уклад, экономика, прежние лозунги и принципы. Менялись люди и взаимоотношения, да и родственные связи. Из привычной работы воспитательницы не одну только Маню перестройка вытолкнула на рынки. Сначала на свои, потом турецкие, индийские. Сколько Маня настоялась в мороз на базарах, заработав женские проблемы по здоровью. А жара добавила проблем с давлением и одышкой. Жизнь в который раз решила испытать выносливость и крепость женщин, озабоченных выживанием семьи, как некогда в военные годы проверяла их матерей. Да и мужчины – опять за оружие. Разборки, бандитские стрелки, рэкет. Степана бог миловал – пристроился в шоферы к одному разбогатевшему дальнему родственнику.

Мало-помалу жизнь начала входить в проглядываемую колею. И заприметила Маня – стал Степан пропадать подолгу вне семьи. Дети уже достаточно самостоятельными стали, в доме порядок поддерживали, пока Маня челноком километры накручивала. Вроде как меньше за них переживала – на догляд отца оставлены. А оказалось – появился у детей еще один братишка… на стороне…

Маню эта новость сильно пришибла, не ожидала такого предательства по отношению к себе, своим детям. Подруги уговорили сходить к экстрасенсу, чтобы проверить, нет ли на муже приворота. Денег не пожалела,

сходила, вроде как за пару раз освободили от приворота разлучницы. От поездок дальних пришлось отказаться. Только муж все равно день ото дня все более чужим становится. А однажды унес отложенные на покупку машины деньги. Маня же еще больше на себя ополчилась, доколе ее такую несуразную жизнь нагибать-то будет, когда узнала, что Степан уехал отдыхать со своей пассией и ребенком на Кипр.

Больно и стыдно было ловить недоуменные взгляды детей, нести какую-то околесицу в ответ на их расспросы об отце, сушить на перилах веранды мокрые от слез подушки, молча кусать локти. Сомнения начали одолевать и в вере: толку-то от ее молитв. Ну не взрастила она в себе самоуважения! Знала бы раньше, что без него невозможно скреплять отношения и еще труднее поддерживать их на должном уровне. Бедняжка догадывалась, как не достает чего-то для оживления супружеских отношений, но опасалась принятия каких-либо решений, не предпринимала действий, каковые подтвердили бы ее желание что-то изменить в семье, в браке, просто переживала пассивность в отношениях, целиком погрузившись в самоуничижение. И даже убедила себя, что разлучница более достойна Степана, потому как моложе и красивее. В эти раздумья Маня укрылась, как улитка в раковину, чтобы спрятаться ото всего происходящего, от оскорбительного и пренебрежительного к себе отношения, несправедливости, не делая попытки изменить положение вещей, таща на своих плечах весь груз семейных хлопот домохозяйки и считая, что не заслуживает, видимо, ничего большего.

Степан из семьи-то не ушел, но и жил на два дома. Но потом случилось так, что понадобилось взять из села оставшуюся одинокой хворую мать Степана. Некому

больше было доглядывать за ней, кроме Мани. Не нужна была свекровь в той другой семье. Самоотверженность и беспрекословность Мани подействовали на мужа лучше всех уговоров и пролитых слез. Скрепила их растерзанный союз свекровь. Она же и велела невестке спрятать гордость куда подальше. И та простила измену мужу.

Что было его предательство по сравнению с тем, что смиренница совершила по отношению к себе, позволив глубоко погрузиться в самоуничижение, душевное одиночество, погасив свет в себе, укрепиться в безверии, навесив на себя существующие и вымышленные обязанности?

Человек рождается для счастья и может сделать других счастливыми. Однако как такое удастся, если сам не знает счастья? Вот и Мане, положа руку на сердце, следовало признать, что дети-то не впитали той порции счастья от нее, чтобы могли строить свою счастливую жизнь. Да – успешны, да – благополучны, относительно здоровы, но… Где счастье, наслаждение жизнью?.. Сама она только после жесткого болезненного урока поняла, что самоуничижение, завладевшее ее сутью, изводило душу самобичеванием, било по самоуважению, истощало жизненную энергию, вгоняя в депрессии, лишая радости восприятия жизни, заставляя противоречить Творцу, даровавшему жизнь.

Во внутреннем мире непременно должны быть отдушины, дающие выход сдерживаемым чувствам, стремлениям, а главное – исходящим из души свету и радости. В этом случае станет плодотворным время для научения души, реализации заложенного в ней потенциала. А Маня не знала или просто боялась, что жить нужно для своей души, себя, а не класть долгоденствие на алтарь,

возведенный близким. Ведь семья, супруг, дети, друзья – условия для раскрытия душевных качеств и наработки истинных отношений, жизненного опыта.

Маня пробовала вспомнить моменты, когда ее душе было настолько комфортно, что она испытывала счастье, удовольствие от чего-то исполненного. Это были часы, когда она (чаще поздно вечером) занималась вышивкой или вязанием, придумывая узоры, модели. Руки творчеством пополняли силы, разгоняя душевные сумерки. Может, спицы, крючок были теми инструментами, которые вполне во время диалога с душой плели нити и ее судьбы, исправляя грубые, покореженные или затянутые узелки. Тогда гнетущие или суетные мысли сменялись удовлетворением от создаваемого рисунка, предвкушением завершенности работы, но чаще воспоминанием счастливых для нее событий. Оглядывая свою жизнь, Маня поняла, в каких ежовых рукавицах держала свою робкую душу, тогда как ее следовало лелеять, приучать к радости и свободе.

Пришло на ум, что давно не была в храме, и уж вообще ни разу не довелось исповедаться. Мане открылись, наконец, подсказки души, внутреннего существа еще совсем юного, несмотря на зрелый возраст Мани, пугливого, изломанного самоуничижением, но любопытного, готового постигать уроки жизни. Что же – время настало воспитывать собственную душу!

Рано или поздно, но перед человеком возникают вопросы: кто он и каков смысл его жизни? Многие ли найдут, что ответить…

ВАЛЕНТИНА

БЕНДЕРСКАЯ

Поговорим...

...Если природа не наградила человека талантом писателя или поэта, то первые шаги, чтобы стать писателем, – много читать и идти учиться в соответствующие учебные заведения, где можно получить определённую сумму знаний и умений. При усидчивости, настойчивости и упорстве можно стать грамотным журналистом или профессионалом в области прикладной литературы. Но если о писательстве говорить, не как о профессии, дающей кусок хлеба, а как о потребности духовной составляющей, то надо ответить самому себе: тебе в жизни именно этого не хватает? У меня было страстное желание стать балериной, но я поняла, что для этого у меня нет таланта, и самое главное, что без этого я могу жить.

...Можно писать по заказу на любую тему. Но лучше писать о том, что волнует и интересует автора. В противном случае – написанное приобретает налёт надуманности, искусственности, фальши.

...Как донести свое творчество до потенциальных читателей?.. Действовать! Были времена, когда произведения размножались в рукописном виде, на печатной машинке под копирку, распространялись из рук в руки. Сегодня интернет предоставляет необозримые возможности дойти до читателя. Если творчество интересно, творца заметят!

Муза приходит к тому,
кто не ждёт её, а жаждет!!!

РЕТРОСПЕКТИВА

Леониду Колганову

1.

Из чулана на заплечье
Прошлое зовёт на встречу.
Ходит под руку со мной
Чернотропом, как конвой.

Воском от мадам Тюссо
Крутит память колесо…
И ни выбросить, ни сплавить,
Ни убавить, ни прибавить.

Прошлое – оно как есть:
В нём и совесть, в нём и честь,
И слабинки, и грехи
Так и просятся в стихи.

Так и просится на волю
Прошлое из шкафа молью,
Перетруской, перетяжкой,
Дыркой, длинною затяжкой…

Но в душевной канители,
Сидя у моей постели,
Греет сон своей любовью,
Наклонившись к изголовью.

И за то, что, взяв за плечи,
Не лишает дара речи,
Как язычник или гой,
Заклинаю: будь со мной.

2.

Солнце утром поднималось,
Опоясывая день,
И не ведая усталость,
Словно лучник, развлекалось,
Метя в Землю, как в мишень.

А под вечер полоскало
Пряди рыжие в воде
И, накрывшись одеялом,
За горою – в платье алом –
Пряталось… Как конь в узде –

Месяц выезжал на туче
И, трясясь под звёздный стон,
Все поля вокруг окучив,
Своей страстью неминучей
Под гнусавый саксофон

Ублажал души усталость
Той, кому не двадцать лет…
Счастье выпало под старость:
Испытать такую малость –
Что любил меня поэт!

Из цикла «ОСЕННЯЯ КАНИТЕЛЬ»

1.

Поразвесив везде гамаки,
Как, бывало, бельё для просушки,
Оплели вид в окне пауки,
И траву, и деревьев верхушки…

И сверкают как на Рождество
Паутины-гирлянды на ветках.
Предвкушая своё торжество,
Разместились в уютных беседках

Жемчуга искромётной росы.
Не для них душеловные снасти
Приготовил, погладив усы,
Паучок в ожидании страсти…

По ночам совершая обход,
Разбросав разноцветные прядки,
Днём мороз, замедляя свой ход,
С бабьим летом играется в прятки.

2.

Деревья письма шлют
об окончанье лета.
А ветер-почтальон
разносит их по свету.
И речка-телеграф
отматывает ленту –
Всё больше телеграмм
незримому клиенту.

SOS бесполезно слать:
«Спасите наши души!»
Лишь только у зимы
вновь навострились уши.

3.

Как трубы органа, берёзы
Мостятся в ряду по ранжиру.
Позолотили морозы
Ручки им, просеки жилу.

Ветер червонное злато,
Как барин с плеча свою шубу,
С манерами аристократа
В подножье бросает дубу.

Внемля признания знакам,
С поклоном величью органа,
Дуб размахнулся ветвями,
Словно мехами баяна…

И зазвучали листья,
Золотом, медью сверкая:
«Радуйтесь, люди, счастью!»
Вот она, Осень, какая!

ВЕТЕР

1.

Река ведóма берегами.
Хотя, прокладывая путь,
ломает горы, точит камень,
без страха усмиряет пламень,
но жизнь в границах – смерти суть.

В борьбе за вечную свободу
волна морская бьёт о брег,
как океан, подмяв породу
и подчинив себе природу,
едва свершит земной побег…

Лишь ветер вольный неподвластен
границам глаза и Земли.
Его порыв, как жизнь, прекрасен,
его путь сладок и опасен,
как страсти колдовской любви!

Его не беспокоит слава.
И пыл свободы созиданья
не заковать в бетонный саван.
Вода – телесной жизни гавань,
а Ветер – крылья мирозданья!

2.

Ветер – шалун, ветер – повеса,
В ветвях шумишь без интереса…

Ветер – болтун, ветер – проныра
В каждую щель и во все дыры.

Ветер – игрок и балаганщик,
Не посвящённым в тайны – обманщик,

Он же – драчун, он же – задира,
Ему не нужны ни меч, ни рапира!

Заигрывать рад, кому по дороге.
Кто против – скорей уноси свои ноги!

Как шалый пастух, ветер отару
Листьев гоняет с вихрем на пару,

Потоки дождя от его дуновения
Тут же меняют своё направление.

А заиграется ветер-ветрило,
В напасть бездумно раздует кадило!

Ой ветер-ветрище, ветер-дружище,
Ты погаси беду на самом днище.

3.

Запутался ветер в моих волосах.
Он был очарован игрой светотени,
взвивался, сплетался как травы в лесах
с опавшими листьями гривы осенней.

Он нежился в запахах пряной волны,
в их блеске, в их солнечных ярых объятьях,
пьянел от удушья, и – страстью полны –
взлетали с ним вместе оборки у платья.

Он падал к ногам моим, млел у виска,
шептал шелестеньем интимным на ушко.
Он обнял меня и, завыв, как тоска,
понёсся в неведомый мир за опушкой…

4.

Эй, ветер свежий, ветер вольный, ветер буйный!
Твоей была бы я подругою разгульной.
Я полетела бы с тобой за океан,
Ничком прильнула бы, где стелется туман,
Взметнулась к звёздам, разрезая синеву;
Неслась бы пылью по дорогам… И в страну,
Где жизнь кипит вулканом страсти, заглянула б.
И от работы бы твоей не увильнула:
Крутила б мельницы, вздымала паруса,
Гоняла б тучи, очищая небеса.
Я опыляла бы цветы любовью нежной,
Их разбросала б семена, ждала с надеждой
Вкусить плоды. В лесах притихла – отдохнуть.
И снова – в вихрь, и снова – вдаль, и снова – в путь!

ЛЕОНИД
КОЛГАНОВ

РЕКА-АЛЁНА

Распустила речка, как Алёнушка,
Волосы волнистые свои,
И меня до золотого донышка
Утянула на пески любви!
Плыл я только на её причудах,
Был я только на её кругах,
И, как водный шлейф её, – задумчив –
Трепетал в растрёпанных волнах!
В этой жизни, словно свет в оконце,
Лишь она светила и была…
И лежу один на самом донце.
Ну а речка? Речка уплыла…
И лежу на дне совсем по-русски –
Жизнь моя, как песня, прервалась…
Не омоет высохшее русло
Речка – что Алёнушкой звалась…

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Поэты – словно рыбки золотые –
В природе им нельзя существовать,
Их отношенья с бытом непростые –
Один лишь Бог сумеет оправдать!
А для людей мы сущие уроды,
Вуали наши ни к чему в пруду.
Поэты – придурь Матери-Природы,
Написано так, видно, на роду!
И я явился в Мир сей по ошибке,
Ничуть его об этом не прося.
Во всей красе и золотые рыбки –
Уроды для простого карася!
Мы – инопланетяне, что на дрейфе
Случайном! Отлетим – и все дела...
Зачем нужны нам царственные шлейфы?
Зачем нужны нам круглые тела?
Мы и они – идём по общим тропам,
Мы и они – скажу – одно и то ж,
И с золотою рыбкой телескопом
Любой пришелец, словно с братом, схож!
И пребыванье здесь не беспредельно,
Когда земных загоним лошадей,
То сквозь телескопические бельма
Мы – отлетая – смотрим на людей...

СЕВЕРНЫЕ ГУСИ

Раскрылся ледяной Сезам,
И вновь дохнуло Русью,
То прилетели в гости к нам
Хрустальных сказов гуси!
На крыльях зиму принесли
Они, осев на Юге.
На них – все льды родной земли,
Вьюнами вьются вьюги!
Но пригляделся к ним в упор,
Лишь крылья отшумели,
И не нашёл мой южный взор
На них гульбы метелей!
И, кажется, сходил с ума
На тёплом нашем Юге.
Птиц вопрошал я: «Где зима?
Где ныне вьются вьюги?»
И, словно снежный человек,
Что без снегов остался,
Шагнул я в двадцать первый век
На гибель, может статься?!
И хоть на Севере рождён
Июньским Воскресеньем,
На Юге в слякоть превращён
Глобальным потепленьем!
Нет, где б не находился я –
На Севере иль Юге,
Во мне досель зима моя,
И вновь гуляют вьюги!

СИНИЙ ВЗОР

Синела смута в женском взоре,
Весна манила в синь глубин…
Была в нём и зима в разоре,
В последнем буйстве талых льдин!

С тех пор на сердце снег подталый,
Как будто талость зим былых…
Меня в расколе льды достали,
Словно сиянье глаз твоих!

Другие предо мной картины –
Давно я в южной стороне,
Но синие осколки-льдины
Навек останутся во мне!

И лёд в раздолье необъятном
До южной подступил страны…
И синий взор влечёт обратно
Из глаз бездонной глубины!

ЛЁД НА ПОВЕРХНОСТИ КОКТЕЙЛЯ

Лёд на поверхности коктейля
Качала женская рука,
И расширялся он, хмелея,
Как будто глыба ледника!

Баюкая бока бокала,
Качая, словно колыбель,
Астрал незримо раздвигала,
Взметала над вином метель!

И круглая его поверхность,
Как озеро без берегов,
Пред нами млела, словно млечность,
И расширяла ширь снегов!

И – словно льдяные метели,
Что тают в неземном раю,
Гоняла айсберги коктейля,
В тупик загнавши жизнь мою!

Как лошадь пенную в метели,
В грудь Мирового тупика –
Меня в глубь льдяную коктейля
Загнала женская рука!

Но – как бы льдины не качала,
Забвеньем силясь замести,
Я восставал со дна бокала,
Как мамонт в собственной шерсти!

Хотя – как в ледяную прорубь,
Меня – в себя вместил бокал,
Но бивнями я льды угробил
И льдяный сокрушил Астрал!

Всё это будет после шквала,
Ну а пока, пока, пока
Лёд на поверхности бокала
Качает женская рука!

КОНКУРС НА ПРИЗ ПРЕМИИ ИМЕНИ ЛЕОНИДА КОЛГАНОВА

Литературная премия учреждена в знак уважения к памяти поэта и для стимулирования литературной деятельности в русле заложенных им традиций. Премия не содержит в себе денежного номинала. Главным призом премии становится издание книги победителя, отмеченного учредителями премии, и продвижение издания на книжный рынок. Кроме книги премированному автору вручается диплом и памятная медаль.

На соискание премии Л. Колганова могут быть выдвинуты собственные поэтические произведения и поэтические переводы с других языков (украинский, узбекский, болгарский, иврит, немецкий) на русский.

Вручение премии организуется
как торжественный публичный акт.
Подробности на сайте МГП: ingild.com

ЛЕОНИД КОЛГАНОВ – поэт, прозаик, эссеист, общественный деятель, родился в Москве. Лауреат VI московского совещания молодых писателей, был принят в Комитет литераторов Москвы. В 1991 году рекомендован Андреем Вознесенским на стипендию Фонда культуры. С 1992 года – гражданин Израиля. С 2005 года – почётный гражданин Кирьят-Гата. Лауреат премии имени Анны Ахматовой (2013), лауреат премии Союза русскоязычных писателей Израиля имени Давида Самойлова (2015). В 2017 году удостоен медали «Русская Звезда» имени Фёдора Тютчева за весомый вклад в литературу. Руководил литературными объединениями «Арфа» (Кирьят-Гат), «Негев» (Беэр-Шева), совместно с Валентиной Бендерской – Всеизраильским поэтическим клубом «По-Втор» (Тель-Авив). Был редактором Международного поэтического альманаха «Свиток 34».

Его стихи публиковались в «Московском комсомольце», «Литературной учёбе», «Истоках», «Смене», альманахе «Поэзия», в «Дне Поэзии-1989», «Собеседнике», а также во всех 11 выпусках Всероссийского ежегодника «День поэзии», в «Санкт-Петербургском Дне Поэзии-2007», «Тёплом стане», в трёх антологиях серии «Стихия», в журналах «Алеф», «22», «Юг», «Галилея», «У», «Роза Ветров», «Литературный Иерусалим», в газетах: «Вести», «Новости недели», «24 часа», в антологиях: «Антологии поэзии. Израиль 2005», «120 поэтов», «Русское Зарубежье», «Год поэзии» и многих других.

Леонид Колганов – автор десяти книг поэзии и прозы: «Осеннее Очищение», «Бесснежные метели», «Пламя суховея», «Слепой рукав», «Средь белого ханства», «Вьюга на песке», «Легенда о Водяном столбе», «Океан окаянства», «Беспутный путь», в соавторстве с Валентиной Бендерской выпустил книгу «Выкрутасы эйдоса».

Советы бывалых...

Для начала можно поставить себе задачу: по рассказу в неделю, пятьдесят два рассказа в год, на протяжении пяти лет. Вам придется много писать, многое выбрасывать или сжигать, пока что-то не начнет получаться. Лучше начать прямо сейчас, чтобы быстрее разделаться с подготовительной работой. Потому что я убежден: со временем количество переходит в качество.

Рэй Брэдбери

НАТАЛИ **БИССО**

Взъерошенные мысли...

...Если человек осознанно задумался над книгой, у него есть концепция, сложившийся или даже сырой, но уже вырисовавшийся сюжет, и самое главное – невероятное желание, подталкивающее его к осуществлению задуманного, то надо начинать писать. Можно самостоятельно двигаться вперёд, но лучше предварительно хотя бы начальные азы изучить, чтобы иметь представление о более правильном, понятном и приемлемом для понимания и восприятия читателя, написании произведения.

Но этим надо гореть! Душой и мыслями! Полностью окунувшись в тему, не ленясь, не ища причин, чтоб отложить, скажем, для обдумывания. Другое дело, если страх сковывает! Боязнь, что не получится, получится плохо, кому это надо, кто будет читать и т. д. Выдвигается и крутится в мозгу масса сомнений. Ну тогда вызревайте! Но недолго, иначе затянет в бездну, из которой потом сложно вырваться.

Учитесь! Лучше, если пройдёте курсы романистов или другого жанрового написания, но не сидите сложа руки! Пишите! Листок за листом! Глава за главой! Пере-

читывайте, рвите и начинайте снова! Первый блин часто бывает комом.

Если это поэзия, то она вырывается из человека с такой силой, что удержать невозможно, сколько не тормози себя, сколько не пиши сырые стишата и не прячь в стол – придёт время, когда вам захочется самому понимать правильность написания, когда из вас не ручьём, неосознанно и бурно, будут бежать мысли, складываясь в строки и стихи, а когда вы сами обратите внимание на свои ошибки, когда вам захочется не количества, а качества. Вы будете думать и говорить стихами, рифмуя всё подряд, и умиляться собой, но этого мало! Это только начало, игра.

Дышите вашей мечтой! Дышите стихами, как воздухом, как это делаю я! Мне кажется – я без стихов задыхаюсь. Желание писать стихи – непреодолимо! И тогда у вас получится достойное произведение, затрагивающее души читателей!

...Как завоевать доверие читателя? Терпением и трудолюбием. Но прежде всего – любите читателя, и он полюбит вас за ваши достойные труды и произведения.

ДУША ОКАЗАЛАСЬ ЮНОЙ

Душа оказалась юной,
На диво и даже чудо,
На палубе древней шхуны
Я с ней танцевать буду.

И якорь поднять прикажу,
Поднять паруса на ветер,
И всё, чем я дорожу,
Возьму! Будет путь мой светел.

Душа оказалась нежной,
Доверчивой, как младенец,
В ней тайна мудрости прежней
Соткана из полотенец.

Душа! Излечи все раны,
Залив ощущения ромом,
Болезнь полотенец рваных,
Излечены молнией с громом!

Стремлюсь мою душу лечить,
Добавлю в неё ощущений,
Но мне ли её учить
Высоким устоям мнений?

Душа оказалась юной,
Я рад быть с ней одногодком!
На палубе этой шхуны
Звучит не фальшивая нотка.

КАК БАБОЧКА В ОКОННОЙ РАМЕ

Как бабочка в оконной раме,
Я бьюсь во времени с мечтами,
Мой пульс то слабый, то на взлёте,
То вьётся, то звенит в полёте.

Сквозь россыпь суеты планетной
И расстояния зим несметных,
Лечу к тебе души лучами,
Несу судьбу свою с дождями.

И истончавшую от времени и тени,
Связующую нас с тобою нить
Озябшими мечтами, без сомнений
Пытаюсь все ж соединить.

ОДУВАНЧИК

Затерялся одуванчик
Среди осени холодной,
Словно босоногий мальчик,
Мокрый и всегда голодный.
Под дождём дрожит бедняжка,
Видно, что ему не сладко,
Клонится головка тяжко,
И на сердце так не гладко.

БРИЛЛИАНТОВЫЕ РОССЫПИ

Бриллиантовые россыпи души
В закромах скрывать грешно извечно!
Жизнь, поверь мне, слишком быстротечна!
Вечности свой след дарить спеши!

Разреши сиять на все оттенки
Радуге цветов и жизни чувствам!
И под занавес твоей души искусства
Сделай в жизненном пути переоценку.

Засияй до головокружения!
Изнутри свой яркий свет пролей,
Не стесняясь собственных ролей,
Достигай в самом себе прозрения!

ОБНАЖАЯСЬ ДУШОЙ

Свет в жизнь нести не так легко,
А ты всем даришь озарение.
Деяний ясный тот закон
В веках сияет лишь мгновеньем.

Под небом вечным ловишь смысл
И ценность жизни понимаешь,
И в чувственном полёте мысль...
Зов истин ты ли увенчаешь?

Легко очнуться и понять,
Пустых словес освобождаясь,
Что принимать, а что терять,
Душой пред небом обнажаясь.

ВЕЧНОСТЬ

Облака, купаясь в море беззаботно и игриво,
И не знали сколько тайны скрыто в водах молчаливых.
Дух взывал к душе и телу дрожью по застывшим струнам…
Да кому какое дело под холодным светом лунным

До распятых, до заблудших, до примкнувших к водной рати,
Прораставших снова в душах, растекаясь водной гладью.
Повторялся мир мудрёный, чтобы снова кануть в вечность,
Обозначив жизнь любовью, возвращаясь в бесконечность.

Облака купались в бездне беззаботно и игриво,
В вечном море, с вечным ветром обнимались шаловливо.
Лишь приливы и отливы, лишь восходы и закаты
Отмеряли терпеливо и рожденье, и утраты.

Я БАБУЛЮ МОЮ ПОМНЮ

Я бабулю тоже помню, как она молилась,
Воспитала семерых, ни на что не злилась.
Дедушка погиб в войне, ей достались беды –
Поднимать страну, детей, жить после Победы.

Наши бабушки, на диво, были терпеливей.
Выжили с крапивой, супом, выглядят правдивей!
Мы на всём готовом стали толще, но больнее,
Недовольство, лень и зависть – выживать труднее.

Поучиться надо б жизни у бабулек наших,
Чаще слушать их рассказы да сидеть на кашах,
И кино про Сталинград всем посмотреть бы надо,
Вот тогда бы эта жизнь стала нам наградой!

СИЗИФОВ КАМЕНЬ

Ну вот и всё! Развенчан миф!
Познанья в каменных науках!
Ты распластался в вечных муках
Трудов напрасных. Ах, Сизиф!

Приговорён Богами ты
На гору камень свой тяжёлый,
Что скатывался вниз так скоро,
Вкатить. Но это полбеды.

Ты сам разрушил свой Эдем.
Не покорить тебе вершину!
Все планы рухнули лавиной,
Ты возомнил себя не тем!

Так в чём беда, Коринфа царь?
Истошно, в исступленье вечном
Ты одержим, и так беспечно!
Ведь ты злодей, а не бунтарь!

БУДТО ПТИЦА

Будто птица крылом взмахнула
И по сердцу кончиком бритвы,
Боль пространная полоснула,
Овладев силой мысли без битвы.

Не хватило воды во мне талой
Подточить недоверия камень,
Овладели утробой усталой
Своевременность Догмы и пламень.

Словно в бочке дубовой старинной
Созревали Поэзии строки,
И дорогою строгою, длинной
Всё искали свои истоки.

Но лишь птице, изранившей душу,
Доверялась Поэзии строчка.
Умирала, в мгновение сдюжив,
Чтоб над смертью поставить точку.

ОБРАЩАЕМСЯ К НЕБУ

Небо знает все тайны.
Небо помыслы слышит.
Каждый день неслучайно
Небо радостью дышит.

Нам рассветы в подарок!
Всех прощает – убогих.
День не светел, не ярок
Без мечты на пороге.

Небо шлёт нам надежды
И вершит наши судьбы.
Облачаясь в одежды,
Верим: лучшее будет!

Что в беде не оставит
И вину не осудит,
Нам ошибки исправит…
Небо праведным будет!

Жизнь пытаясь устроить,
За любовью и хлебом
Обращаемся к небу…
ОБРАЩАЕМСЯ К НЕБУ!

УЛИЦА КРАСНЫХ ОКОН

Город счастья, света и любви,
Высота стремлений, нравов, взглядов...
Мысль свою на миг останови.
Этого ли ждёшь? Того ли надо?

Улица с оградой с двух сторон.
Вход не всем приятен и полезен.
Но манит желания дракон
Изощрённым шиком тел и песен.

Подавляя волю, внятность слов,
Силу убеждений и презрения,
Всё за миг «любви» отдать готов,
А потом осмыслить сожаления.

И отвратно самому себе...
Тесен мир и тесен город счастья.
С вечной страстью и с собой в борьбе
Вновь идёшь тропою сладострастия.

Улица с оградой с двух сторон
Ждёт убого. В красных покрывалах
Бодрствует желания дракон,
Наслаждаясь низменным и малым.

УРОКИ СУДЬБЫ

Плакали глазки… капали слёзки…
Девушка в горе у юной берёзки…
Как же любила! Как же ждала!
Мужем любимого не назвала…

Он, позабыв обещания, речи,
Гордо расправив широкие плечи,
Под руку с милой другою шагал,
Чувствами на людях будто играл.

Не был союз тот счастливым и долгим,
Новое счастье разбилось в осколки.
Девушка ж… сразу уехала в город,
Силы искала не помнить, кто дорог.

Время, работа лечили ей душу,
Кот вечерами рассказы все слушал,
Встретила девушка старых друзей,
Будто ждала от них новых вестей.

Птицей порхнула в родные края,
Новое счастье – дом и семья.
Дети звенят голосами весны,
Чувства окрепли, стали честны.

Как же порой нам уроки на пользу,
Чтобы понять жизни чистую прозу,
Истину чувств распознать настоящих,
Не разменять на фальшивых, блестящих.

ЧЕРНОБРОВАЯ НОЧКА МЕЧТАЛА

Разлеглась, разнежилась ночка удалая,
Месяц ей подмигивал, всё плывя по краю,
Звёзды рассыпали в небе золотинки,
Нет красивей видимой для неё картинки.

Бархатистой радостью ночь укроет плечи,
Пышно так прощается с ней парнишка-вечер,
Занавесит суетность, ночь зашепчет снами,
Белыми и чёрными вдруг взмахнёт крылами.

И цикады-мысли, бабочки-желания
Захлестнут восторгом миг очарования,
В ночку бархатистую лягут тонкой гранью
Тьму уймут пугливую этой нежной дланью.

Ночке диво грезится: с белым днём свидание,
Ждёт она рассветного в небе обещания,
Но никак не встретятся... всё земля вращается,
Прежние закаты всем звёздами качаются.

Всё мечтает свидеться с белым днём желанная
Ночка чернобровая, влюблённая, жеманная.
День спешит на встречу, словно на свидание!
Тает тут же ночка от очарования.

ЭЙ, ЦЫГАНЕ

Эх, цыгане! Цыгане! Цыгане!
Вьётся лентою синий дымок.
Эй, цыгане! Цыгане! Цыгане!
Заезжайте в чужой хуторок!

Там девчонка-невеста певунья,
Чёрны косы, глаза, как огонь,
Всем сердца обжигает, колдунья,
Её слово – кремень и закон.

Эй, цыгане! Цыгане! Цыгане!
Ветер свистом, да норов шальной,
Повстречался вчера на поляне
Той девчонке цыган молодой.

Ясный взгляд, словно молнией в сердце.
Он влюбился в неё навсегда!
Расстелила судьба полотенце,
Все печали ушли как вода.

Эй, цыгане! Цыгане! Цыгане!
Свадьбу будем играть на весь мир!
И весна двух сердец не обманет,
Созывайте народ наш на пир.

МИХАИЛ

ЛАНДБУРГ

ТИШИНУ НА ПАМЯТЬ

Ни ты, ни я не хотим встречаться,
Ты оттого что… сама знаешь.
Гарсиа Лорка

Закрыв глаза, он слушал шум прибоя.

Она приподнялась на локте и, поцеловав его в плечо, спросила:

– Уснул?

Он проговорил:

– Кажется, я знаю, как тает мороженое…

Она провела ладонью по его груди.

– А ты знаешь, как тает мороженое? – спросил он.

– Я была замужем, – сказала она. – Он был рыбаком… Три года назад в этом море был сильный шторм, две лодки перевернулись…

Мимо прошла девушка в сопровождении двух сильно загорелых парней. Они громко рассказывали о последней велогонке по Италии.

– Любить одновременно двоих возможно? – спросил он.

– Не знаю!

– Ты бы смогла?

– Зачем? – она поднялась и побежала к воде.

Крепко держась за руки, они теряли себя в набегающих волнах.

– Хорошо? – спрашивал он.

– Господи! – отвечала она.

Они вернулись на берег, и он проговорил:

– Мы не расстанемся?

Она не ответила.

Две чайки, о чём-то прокричав, пролетели совсем близко.

– Хочу, чтобы мне повезло, – прошептал он.

У неё была мягкая задумчивая улыбка.

– Тебе повезёт! – сказала она. – Ты очень молод, и тебе ещё повезёт!

– А тебе?

– А тебе? – повторил он.

Она поднялась и торопливо надела платье.

Он остался лежать на песке.

– Не вернёшься? – спросил он.

Подняв белый плоский камешек, она закинула его далеко в море.

Прошуршал песок.

Он слушал, как она уходит.

Осталась тишина.

НА БЕЛОМ ХОБОТЕ СЛОНА

А когда луна стала большой и высокой, море, будто на него пролили ковш ртути, внезапно просветлело. Пляж опустел, и лишь горбатенькая женщина не уходила, слушала плеск воды.

– Пытаетесь смирить душу тишиной? – послышалось за её спиной.

Она обернулась.

У мужчины была усохшая нога.

– А вы? – улыбнулась женщина. Влажный ветерок теребил подол её длинного тяжёлого платья.

Мужчина поёжился, втянул голову в плечи.

Женщина повернула в сторону автобусной остановки.

– Если не возражаете, то я бы мог… – издали прокричал мужчина.

На асфальтированной площадке стояла одинокая машина. Мужчина достал ключи.

Мимо проскочил мотоцикл.

По обочине дороги шли мужчины с удочками и вёдерками.

Впереди виднелись огни Тель-Авива.

– У вас есть котёнок? – заговорила женщина.

– Нет, – мужчина сморщил лицо. – У меня нет многого. В Тель-Авиве я читал лекцию по истории органной музыки. Утром улетаю домой, в Амстердам.

Женщина посмотрела на руки, обхватившие руль, и, откинувшись на спинку сиденья, перевела взгляд на окно.

Мужчина повернул колёсико приёмника. Передавали концерт из Иерусалима.

– Прошу прощенья, – спохватился мужчина, – я не спросил… – Музыка не мешает?

– Музыка? – женщина поднесла руку ко лбу, потеребила чёлку. – В доме для престарелых людей стоит ужасно расстроенный рояль, и я, играя на нём, зарабатываю себе на жизнь.

– Рояль?

– Да, он очень расстроенный и очень старый. Не думаю, что моя игра возвращает несчастным людям надежду.

– Надежда… – задумчиво проговорил мужчина. – Кому дано знать, в чём она? Может, она в ваших глазах, или вон в том облачке, похожем на хобот белого слона?..

– В облачке? – женщина едва заметно улыбнулась. – Разве такое может быть?

– Почему бы нет? Или ещё в… Что если нам поужинать в ресторане? Вы и я.

Она покачала головой.

– Зачем вам? В ресторане вам было бы со мной неловко, – у неё напряглись челюсти. – Я знаю…

Мужчина хотел было возразить, сказать, чтобы она так не думала, но она опередила его и сказала:

– Разве обязательно ужинать в ресторане?

Они помолчали.

Женщина зажмурила глаза, мысленно перенеслась к себе в ночную комнату и увидела, как, забравшись под одеяло, прислушивается к призывам души, как…

– Однажды, – проговорила она, – я зашла в храм с тем, чтобы спросить у Бога: «Почему у меня такая жизнь?» Он ответил, что знать этого не может, что об этом только я одна могу знать.

– Так Он ответил?

– Да, так!

– Тогда это был не Бог.

– А кто же тогда?

– Бог его знает, только точно не Бог!

Возле киоска на углу улицы Кинг Джордж они заметили свободный столик. Подали большую круглую пиццу с грибами и две банки апельсинового сока.

– Мне так… – смутилась женщина. – Как мне вам сказать, как я…

– Ничего говорить не надо, – попросил он.

Она сказала:

– Примите меня всерьёз, пожалуйста.

Они долго молчали.

Потом она сказала:

– Почему бы нам не вернуться к морю?

– Действительно, почему?

Они стояли в нескольких шагах от воды и, запрокинув головы, смотрели, как при первых сполохах солнца в небе раскрывалась нежная голубизна. От яркого света ночной луны теперь остался жалкий, напоминающий апельсиновую дольку, ломтик.

– Луна уходит, – сказала женщина. – Ещё немного и вы тоже уйдёте.

– Да, ещё немного… – его плечи опали, будто обломились. – Только я уйду не так… И не туда…

Она покачала головой.

– Может, перейдёте на облачко, которое похоже на белый хобот слона?

– Может быть.

– Или в мои глаза?

– Скорее всего. Скорее всего, что в ваши глаза. Мне бы хотелось…

– Я немного пройдусь, – сказала она.

Она бродила вдоль берега, прислушиваясь к шороху песка, а потом, когда она вернулась к мужчине, они смотрели, как море впускает в себя рассвет.

Заглянув в лицо женщины, мужчина спросил:

– Вам страшно не бывает?

– Бывает.

– И что тогда?

– Потом страх уходит.

– Как тоска?

– А взамен тому что приходит?

– Тогда… – женщина замолчала.

Рядом волновалось море.

Мужчина сказал:

– Когда нацисты вошли в Голландию, мой отец обещал соседу-еврею сохранить его старинный клавесин у нас. Барух Ригер за клавесином так и не пришёл… И моего отца давно уже нет… Теперь клавесин ваш. Пожалуйста, приезжайте, заберите его себе. Он будет ждать… А сейчас мне надо успеть вернуть машину в турагентство.

Мужчина уходил, не оборачиваясь. Плечо – вверх, плечо – вниз.

– Постойте!

Он остановился.

– Я могу спросить?

– Спрашивайте!

Женщина молчала.

– Почему же вы не спрашиваете?

Её подбородок лёг на его плечо.

– Разве я не спрашиваю?

Потом она брела по пустынному пляжу, и её взгляд скользил по небу, разыскивая облако, похожее на хобот белого слона.

Ветер усилился.

Глаза женщины стали слезиться, и впервые в жизни она ощутила на себе всю тяжесть неразлучного, верного ей горбика.

ПИВО, СТИХИ И ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

Когда в небольшом городишке одиноких мужчин всего двое, а пивной бар лишь один, то по вечерам вы непременно встретите там меня и Давида.

Мы неторопливо распиваем первую кружку, потом другую, а перед тем, как взяться за третью, Давид поднимает ко мне глаза, и это означает, что наступило время послушать его стихи.

Разумеется, я делаю вид, что слушаю внимательно, на самом же деле думаю о всякой всячине, потому что, пока человек заодно с этим миром вертится, приходится постоянно думать о всякой всячине.

– Ты чего? – в изумлении спрашиваю я, потому что сегодня Давид глаза не поднимает, а его лоб, вдруг побелев, покрывается капельками пота. – Ты чего?

В раскрытые двери заглядывает полицейский, но, увидев нас, на его лице появляется тоскливое выражение, и он, вдруг громко зевнув, исчезает.

– К чёрту! – говорит Давид. – Сегодня глаза у него словно перевёрнутые.

– Читай же, – осторожно предлагаю я, – читай свои стихи!

Молчит Давид, задумчиво смотрит в кружку.

– Мой кот, Мики, умер! – вдруг говорит он. – Утром небо было синее-синее, а Мики взял и умер.

«Бедняга Мики!» – думаю я. Иногда Давид брал его с собой в бар и даже разрешал ему отпить из кружки немного пива. Я думаю, что Мики нравилось сидеть с нами и слушать стихи Давида.

– Мики умер! – говорит Давид снова. – Когда взошло солнце, я решил искупать его, а он взял и умер…

– Не верь! – говорю я.

– Что?

– Не верь! – повторяю я.

– Как же не верить, если…

– Не верь, и всё тут! Может, Микки умер частично?.. Говорят, что тело умирает, а душа продолжает жить ещё…

– Думаешь, что…

– Почему бы нет?

– Глупости! – говорит Давид. – У Мики были усы, хвост, зелёные глаза, а души не было… У котов не бывает…

– Может, у Мики была?

– Ты так думаешь?

– Может, перед тем, как… Может, он знак какой-то подал?..

– Я писал стихи, – говорит Давид, – а Мики лежал на столе и смотрел, как я пишу. И вдруг умер…

– Не верь! – говорю я. – Другого выхода нет… Ты вот запомни, что другого выхода нет… Когда от меня ушла моя девушка, я не поверил, что она ушла; её не было рядом, а я не верил… И сейчас не верю… Скоро тридцать лет, как не верю…

Давид кладёт на стол пачку сигарет, но не закуривает.

– Зачем? – вдруг спрашивает он. – Раз знаешь, что твоя девушка тебя оставила, то зачем?..

– Другого выхода нет! – говорю я. – В парке была «наша скамейка», а вокруг неё – «наши кусты»… И «наша тишина»… И дыхание моей девушки. А когда она вдруг… Я не поверил… Кусты давно уже вырублены, скамейка развалилась, а я всё равно прихожу в парк и говорю са-

мому себе: «Здесь ты… Здесь…» Знаешь, у моей девушки были зелёные глаза…

– Правда?

– Зелёные!

– Надо же!.. – Давид поднимает ко мне голову. – А мой Мики подох…

– Не верь! – говорю я.

Мы молча выпиваем ещё по кружке.

– Надо же!.. – задумчиво говорит Давид и вдруг, взглянув на часы над стойкой бара, вскакивает с места.

– Ты куда? – спрашиваю.

– Пойду я! – отвечает Давид. – Время кормить Мики!

ХАНОХ

ДАШЕВСКИЙ

* * *

Я раньше не писал тебе стихов,
Моя любовь, мой друг, моя опора!
Как лунный свет, твоё мерцанье взора
Не возносил до самых облаков.

Но вот, освобождаясь от оков,
Морями разливаются озёра.
Под яростью весеннего напора
Выходят воды рек из берегов.

И я свои стихи тебе несу,
Как гроздья распустившейся сирени,
Как на заре медовую росу.

А прошлой жизни скользкие ступени
Останутся за мною – и в лесу
Клубящиеся сумрачные тени.

* * *

Нет ничего печальнее любви,
Когда она приходит слишком поздно.
Забудь меня и как цветок живи:
С луной играй под крышей неба звёздной.
А я уйду. И унесу с собой
Твои глаза в предутреннем тумане.
И будет этот сумрак голубой
Напоминать о незакрытой ране.
Сойдутся дождевые облака,
И в день ненастья, в грустный день осенний
Увижу я тебя издалека,
Но не смогу обнять твои колени.

* * *

Когда мерцает жёлтый лик луны,
И распускает ночь над миром крылья,
Когда сияньем небеса полны
От звёздного ночного изобилья,
Прильни ко мне в молчании Земли
И обними как только ты умеешь!
Какие горы высятся вдали,
К которым ты приблизиться не смеешь?
Какая непонятная тоска
Тебя насквозь, как лезвие, пронзила?
Вот на твоём плече моя рука –
Её не сбросит никакая сила.
А над тобою – свет высоких звёзд
И лунный диск, таинственно манящий.
Любовь моя, взойди на тонкий мост
В неведомую бездну уходящий!

* * *

Настанет утро, и взойдёт звезда
Над этим лесом, где зима царит,
И всё пространство инея и льда
Она мерцаньем тусклым озарит.

И побредёт унылая толпа,
Скользя по снегу из последних сил,
И встанет там безмолвна и слепа,
Где ангел смерти крылья распустил.

И раздеваться будут, словно в зной,
И обрести наследный свой удел
Они пойдут, сверкая белизной
Ещё живых, ещё дрожащих тел.

И после них не запоёт певец
Пернатый в этом про́клятом лесу,
И если солнце выйдет наконец –
То лишь собрать кровавую росу.

Ребёнок, мать за руку теребя,
Через секунду с нею рухнет в ров.
Любимая! Сегодня и тебя
Я вижу на развалинах миров.

Я вижу, как идёшь по снегу ты –
Далёкая и чуждая всему –
И прижимаешь мёртвые цветы
К ещё живому сердцу своему.

Я не могу помочь тебе никак,
Не перейду невидимый порог.
Один, всего один неверный шаг –
И бездна раскрывается у ног.

И ты уходишь. Время истекло.
Мы ничего не можем изменить.
И прошлое разбито как стекло,
И не связать разорванную нить.

Проснутся сосны в утренней смоле,
Появится и не исчезнет свет –
И только брызги крови на земле
Останутся как брошенный букет!

* * *

Покажи мне мираж на границе песков,
Покажи очертания сказочных гор,
Чьи вершины парят в небесах без опор
И несут синеватый туман облаков.

Там, где ровный и тихий колеблется свет,
Настоящее гаснет, и прошлого нет.
Там пространство мечты, там иные миры
Открываются в тайне волшебной игры.

Там порог, за которым – глубины глубин,
Но войти в эти двери не может любой –
В золотое сияние звёздных долин,
В голубой океан, где не слышен прибой.

Там, как тайна из тайн, на мерцающем дне
Притаилась янтарною каплей слеза,
И над вечным простором, в алмазном окне,
Изумруды горят, и цветёт бирюза.

Это чудо чудес – твой единственный взгляд,
Где восходит рассвет, и не виден закат,
Где струится вино из серебряных чаш…
Это мир, где становится явью мираж.

Перевод из Федерико Гарсиа Лорки

СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ РОМАНС

с испанского

Зелёной тебя люблю я,
зелёных деревьев кроны,
и ветер, и в море шхуна,
и конь на горе зелёной!

Всю ночь она ждёт на кровле,
у низкой ограды стоя;
Зелёные косы, тело
и глаз серебро ледяное.
Зелёной тебя люблю я!
Как табор, месяц кочует,
и рад ему мир полночный,
и только она тоскует.

Зелёной тебя люблю я!
Как рыба, ночь ускользает.
Созвездьями льдинок иней
рассвету путь пролагает.
Смоковница ранит ветер
зазубренной веткой длинной;
агавы на горном кряже
зелёной грозят щетиной.
Лишь цокот коня не слышен.
И вот, у ограды стоя,
склонилась зелёным телом
она над горькой водою.
– Свояк, я за эту келью
готов отдать вороного.
Отдам за зеркало сбрую,

за шаль – кинжал и подковы.
Свояк, я пришёл из Кабры,
в крови, с нагорья крутого!

– Будь это в моих руках,
сбыться б твоей надежде,
да дом-то уже не мой,
и сам я не тот, что прежде!

– Свояк, дожидаться смерти
хочу среди стен старинных:
в кровати с бельём голландским
лежать на стальных пружинах.
Взгляни же, как чёрной пеной
клокочет у горла рана!

– Три сотни могильных роз
цветут на груди цыгана!
Струится тёплая кровь,
течёт по твоей одежде,
да дом-то уже не мой,
и сам я не тот, что прежде!

– Так дай хотя бы подняться,
на кровлю взойти с тобою!
На шаткую эту кровлю
позволь мне взойти с тобою!
К перилам луны печальной
над вечным шумом прибоя!

К зелёной ограде лунной
они подниматься стали,
и след окрасился кровью,
и слёзы в него стекали.

Дрожали на черепицах
огни фонариков медных,
и ночь раскололи сотни
хрустальных бубнов рассветных.

Зелёной тебя люблю я,
зелёных деревьев кроны!
На кровлю взошли цыгане,
к перилам луны зелёной.
Приносит с нагорья ветер
полыни привкус и мяты…

– Скажи, где девушка эта,
чьи губы всегда горьковаты!
На крыше она ждала,
на море сквозь сумрак глядя,
и ветер лица касался,
и гладил чёрные пряди.

В лагуне она лежала,
приподнятая волною.
Зелёные косы, тело
и глаз серебро ледяное.
И месяц её качает,
блестя замёрзшей слезою.
Ещё дремал переулок
в предутренней дымке серой,
когда сломали засовы
хмельные карабинеры.
Зелёной тебя люблю я!
Зелёных деревьев кроны,
и ветер, и в море шхуна,
и конь на горе зелёной!

Перевод из Ури-Цви Гринберга

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВДАЛИ ОТ ДОМА

с иврита

Дом-гнездо я построил для детей и жены,
и сосну посадил я – нет выше сосны
в том лесу, где стреляют и зверя, и птицу.
И олива пророков посажена мной,
но пришло моё время – войду в колесницу
в предосеннюю пору, когда падает зной,
и умчусь далеко от калитки родной.

Я в тот солнечный лес возвращусь на заре,
где заветное имя любимой моей
тонким лезвием вырезал я на коре,
и оно – словно лезвия первых страстей,
тонко ранящих сердце, рубцы оставляя в груди, –
режут лезвия те, пока жизнь ещё вся впереди.

И приду я к потоку, как в юные дни,
на лесную поляну, где голые пни
вместо сосен стоят, и пошлю поцелуй
дорогому журчанью серебряных струй.
Он коснётся воды, словно рой лепестков,
словно птичье крыло, словно пух облаков,
И божественный свет поцелуем небес
в том ручье засверкает, бегущем сквозь лес
и звенящем прохладным своим хрусталём,
И стихи зародятся и вспыхнут потом
семицветною радугой в сердце моём.

Может, дождь с ароматом бальзама пройдёт,
в то мгновенье, когда я присяду на пне.
И медовую влагу прольёт небосвод,
и рубашка льняная намокнет на мне.
Подожду я, дождём орошённый, пока
разноцветными станут в огне облака,
и счастливые ласточки стаей густой
устремятся к завесе зари золотой.
Не сумеют они одолеть этот путь,
чтобы в золото клювы свои окунуть,
и вернутся – уснувшие ветви встряхнуть…
А любимые будут всё время со мной,
но до них не смогу дотянуться рукой.

Перевод из Ури-Цви Гринберга

ПЕСНИ ЛЮБВИ И СМЕРТИ

1.

И она поняла, что любила его, и корнями врасти
он сумел в её плоть – но ветвям никогда не цвести.
После смерти моей, – он сказал, – при мерцанье свечей
ты искать меня будешь в колодцах бессонных ночей,
и мой голос услышишь, как не слышала голос ничей.

И когда говорил, он и сдерживал чувства едва,
до гортани дошло его сердце, и кровью сочились слова,
как у тех, кто в стремлении к Богу достигают высот.
И она увидала, как птицы прервали полёт,
и в росе, на земле их тела, ибо траур затмил небосвод.

И когда его в саване опускали в могилу,
лишь она не рыдала, точно слёз только ей не хватило.
Но сейчас она плачет, и ей жарко от слёз на щеках,
а в душе её холод – как пасмурный лёд в облаках.

И похожа она на обрубленный ствол – только крону волос
лесоруб ей оставил, а ветви срубил и унёс.
Сядет ворон на крону, крича и пугая бедой,
и ушедший привидится ей, но не мёртвый – живой,
и в пейзажах ночных – лик его, отражённый луной.

2.

И она вспоминает, каким в неге ночи он был вожделенной,
и каким – когда оба сидели они у стола.
А мужчины, чья страсть заставляла звенеть её вены, –
без влекущей мелодии той что ей бычьи мужские тела!

И она одинока над пропастью ночи бессонной.
В каждом взгляде тоска: и когда говорит и молчит.
Не взошло его семя, или Бог затворил её лоно,
но он пел, её муж, и в ушах её снова звучит
его голос, как прежде: не мертвенно-тусклый.
А она – посреди пересохшего русла.

3.

Глаза спелых ягод темнее, и гладкая кожа на веках,
и крепкое тело – как мрамор, и нити волос, будто струны.
А жизнь её – серые ночи: как воды в ноябрьских реках,
как пристань, к которой не могут причалить
фрегаты и шхуны.

Бывало, любила она засыпать в полнолунье одна.
Теперь же не хочет тонуть в море лунном
на вдовьей постели,
и быть как ладья, над которою встала волна,
и нет рядом рук, что направить штурвал бы сумели.

Те руки мертвы, но они обнимают её,
и в комнате воздух лесной с ароматами смол и цветенья.
Как это случилось, что стынет пустое жильё,
и ей не вернуть никогда то, что отнято вдруг у неё:
тот облик живой, унесённый рекою забвенья?

4.

И она говорит: «Если я захочу переплыть океан,
и вернуться к звеневшим в нашей юности колоколам,
прежде чем я прибуду туда – он окажется там.
Ещё раньше, чем в гавань корабль войдёт сквозь туман,
и гудки его дальние будут слышны,
встанет этот умерший в оранжевом свете луны.
Зазвучит его голос, не скроет лицо его мгла.
Существует он в мире – а во мне всё сгорело дотла.

Потому не уйду я отсюда, ведь я – будто ствол,
что срубил дровосек и оставил у свежего пня,
там, где в землю корнями он врос и расцвёл.
Но обрублены ветви его, и он гол.
Ароматами нарда весна окружает меня,
но во мне та же боль и весной, и зимою кричит:
то, что вместе и врозь – эхо всех голосов.
В полночь смолкнут они, только голос один не молчит,
и кукушка кукует из старых часов».

Перевод из Ури-Цви Гринберга

ПЕСНЯ ДВОИХ

Хорошо, когда в нужное время приходят слова,
и когда в своё время деревья цветут;
когда осень вокруг, и шуршит под ногами листва,
когда девочка с мальчиком вместе по саду идут.

Для их свадьбы ещё не готов балдахин,
но зато каждый шаг им сулит чудеса;
омывает их волосы дождь – так на травы долин
с предрассветного неба нисходит роса.

Они дети пока – но в грядущем сольются уста,
и когда освятит их венчальный обряд,
под сиренью желания скроется вся нагота,
и мелодией, лучшей из всех, голоса зазвучат.

Переводы из Переца Маркиша

ТВОЯ СЛЕЗА

с еврейского (идиш)

Меня к земле твой пригибает взор,
И прерывает мой повинный лепет.
В твоих глазах – мой суд и приговор,
А между век – слезы прозрачной трепет.

В твоей слезе есть свет и глубина.
Она – сосуд, наполненный до края.
Не образ мой в ней отражён – вина.
Дрожит слеза, обиду не прощая.

Она не разобьётся как хрусталь,
Но на ресницах будет серебриться.
В ней целый мир растёт и вширь, и вдаль,
Её секрет в твоём зрачке таится.

ГЕННАДИЙ **ЛЕУШИН**

Я считаю...

...Писатель должен быть честным, давать восторг, способствовать через его творчество понимать себя. Книга – отражение души автора. Решился отдать свои труды людям, добивайся. Через союз писателей понял, я не один! Задумался о возвышенном разуме, смысле цивилизации, решении задач – сделать мир крепче, описать добро. Человек должен относиться ко всему бережливо, ценить время, видеть людей, понимать свое Я.

...Книга, как птица, – глаз на весь мир. Беру идею на ходу; взглянул на зимний сад; весь этот удивительный мир – как он прекрасен! Всегда думаю о природе, жизни вокруг меня – сколько всего!

...Вряд ли у писателя нет темы! Дыхание жизни надо понимать сердцем. Неважно сколько людей прочтут мои книги – главное оставить след! Если есть дар, смысл и желание, пиши. Кто-то да прочтёт. Критикуя, усомнишься в себе. Изучая труды, каждый поймёт нужное или нет? Не надо отчаиваться, чтобы знать, иногда надо потерять. Благо, есть честные люди, способные поддержать и понять, к МГП большое уважение – объединить писателей в союз! Честно, я начинал писать для себя, пусть даже с ошибками – так осмысливал быт.

Желание жизни не утомить. Понять себя и свои возможности – благое; передать это другим – честь!

СИЛА ВОЛИ СТОИТ ЧЕСТИ

Считаясь с желаемым, (волей пути), приходит ответ – не увидеть так понять мастерство.
Боевое искусство требует философии, иначе станет разрушать.
Смелый и отважный воин без зла – ответственность на нём.
Сила воли и дух требуют отваги – смысла пути.
Не растратит молодой воин добра, не покажется грубым и невыносимым.
Тренироваться У-шу, быть бодрым и уверенным – честь.
Восторг и счастье не описать, не высказаться иначе, твердыня внутри.
Каждый человек вправе выбирать, думать о будущем, найти себя.
Поддержать силы и здоровье, найденное и мечту, сплотившись, не растратив добра.
Книга «Жёлтый дракон» об истинных мастерах боевых искусств, воли непобедимого духа – как-то сравнится!

* * *

Приходит мечта, с нею настойчивость, сразу ответ.
Касаясь, нужное и необходимое, неугомонное чувство говорит – бери.
Взять тайну сильного, непревзойдённого мастерства – большая честь.
Кто повторится?
Такой смысл, найти в себе мужество, подтверждает мечту.
Цель – овладеть боевым искусством достаточно твёрдо.
Так бывает, у истинно сильных мастеров У-шу всякий недруг переходит с нападения в защиту сам.

Боец из Шаолинь-сы обязан встать против злодеяния и зла.

Смысл – надо любить.
Беречь достояние всего народа.
Тебе дано хранить ценные знания У-шу.
Славь «наш» Шаолинь.
Оставайся с ним навсегда.
Что даётся с большим трудом – истинное.

В боевых искусствах никак нельзя полагать, вновь искать, заново начинать, выбирать?
Борьба оказалась сложной, невыносимой, грубой, вовсе бесчеловечной.
Нет причин, боли, страха, эмоции, нервозности, есть мечта.
Чувство ответственности и долга – почтение через смирение и добро.
Выбор за тобой.
Тебе большее дано.
Ученик будет чтить истинное мастерство, неутомимо искать, стремиться к совершенству, менять мир.
Здесь, оказывается, есть и живёт стойкий дух!
Надо уравновесить силы и взгляды, обрести чистоту, восполнить себя достоинством – мерой возможностей побеждать.
Прийти к согласию с самим собой, видевши внутренний лик, сохраняя полное спокойствие и удовлетворённость!

* * *

Нет крайне важного и необходимого, сложившихся обстоятельств, присутствует только миг, то мгновение – тренировка У-шу!

Нельзя постоянно спорить с собой, думать абстрактно, рассчитывать на потом – молодость зовёт!
Не приходится выбирать, сравнивать положение, чего-то искать?
Одно дело – свободно и успешно тренироваться кун-фу, другое – встать на путь истины, утвердить и совершенствовать мастерство!
Всему правда и воля.
Постоянно чувствуешь ответственность за Шаолинь – приходит стремление и желание!
Надо объять «необъятное», смочь больше, увидеть уверенно своё!

В У-шу нет соблазнов.
Не получится выбирать.
Обмануть.
Можно наработать единый удар.
Слегка или вообще запугать.
Сделать на этом богатство.
Но им можно сильно драться.
Слаженным темпом.
Сильным размахом.
Легко и просто.
Как говорят великие учителя.
Силой решают не «сильные» волей!

Ванг-Лаан всю свою жизнь учился драться.
Во всю силу единой мощи никогда не дрался.
Знал о науке рукопашного боя всё.
Понял и научился ценить труд.
Уважать простых людей.
Всегда восхищался искусством.
Ценил красоту.
Много написал прозы, с детства хорошо рисовал.
Больше всего восхищал небесный закат, синее небо, тишина.

Смысл, тронувший земное дыхание.
Правда, взятая от предков отцов.
Умение своими стремлениями превзойти других.
Это правильные слова – соперничать с «самыми» лучшими.
Быть среди всех самых достойных.
Ванг-Лаан решил утвердить никем непревзойдённое, истинное боевое искусство Богомол!
Мысль об У-шу подтверждает единение разума и творца, достоинство и отвагу, решительность без агрессии, чувство сострадания и добродетели.
Выход из Шаолинь-сы прост, достичь воли, взявши совет!

* * *

Мне это не осилить никогда – вслух наивно и простодушно говорил Ванг-Лаан.
Это невозможно.
Стремления напрасны – но кроена жила-мечта.
Всё было нерасторопно.
Ничего лишнего, не подхватить, не взять.
Придёт твой час – говорили учителя.
Неуверенность в себе нужно подавить.
Смысл дарил покой, единство мысли и духа – царящее вдохновение добра.
Быть в подземном лабиринте, испытывая судьбу, большая честь!

* * *

Все ищут повод туда войти, что-то узнать, дверь никогда не открывается на глазах.

Многие не подозревают, трепетный гул.
Сходить подсмотреть или подсобить не дано, в дверь разрешено войти только наставникам и одному успешному ученику!
Выход откроется, ежели не усомниться в себе.
Не надо ничего спрашивать – всему свои рубежи.
Смущает ненасытность, душещипательный крик, лишние слова.
Научиться хорош драться не просто.
Стать мастером У-шу, оказывается, большая честь!

Истина и доблесть одним лицом.
Смысл, тронувший волю.
Взгляд и радость, «царящие» изнутри.
Шаолинь, сколько в тебе тайн?

Обладает гармония, тишина, лучезарное тепло, смысл.
Приходит восторг, истина, неотвратимый ответ.
Дыхание, переполненное счастьем, – миг радости и поддержки.
Трогает чувство большой любви к Шаолинь, земле, на которой живу!

Корень дерева жизни и силы.
Царство истины процветания.
Возраст, могущество и величие.
Правда и совесть через достаток.
Прийти к согласию через мудрость.

Обязательно сбудется мечта.
Придёт чувство благоденствия, миропонимания, добра.
Созвучие мира природы.
Взаимный разговор, подтверждающий честь!

Дерево будет расти и процветать.
Возвышать и множить искусство борьбы.
Манить взгляды честных людей.
Множить силы и давать плоды.

Оно бесконечно молодое.
Никак нельзя развалить.
Так же за столетие срубить.
Даже слабая ветвь сможет сохраниться в ствол.
Зёрнышки будут падать и процветать.

Шаолинь смог прославить героев.
Идею – применить твёрдые пальцы рук – подсказал благородный воин, Сои-Чен-Юбе, поделившись откровением с совсем ещё «юным» Ванг-Лааном.
Придёт своевременный ответ, будет о чём поговорить?
Не надо искать великий предел – точки Чжень утвердились в глаза.
Воин, прозвищем белая сова, сам спланировал себе будущее.
Говорил – преграда мечте, соблазн.
Истина требует чрезмерности сил, только бы не свернуть?
Смысл это или слова, правдивый ответ.
Не бывает такого, чтоб человек всё время искал.
Не принято много рассуждать, поменять взгляды, потерять цель.
Это тоже правильно, найти сил и уравновесить борьбу.
Его взгляд опрометчивый, добрый, на деле простой.
У-шу надо подхватить, задуманное сохранить.
Тренируйся, пригодится – впереди длинная жизнь.
Ищи особенные, низкие шаги.
Он ушёл не навсегда, больше не возвратился, оставив совсем юной душе слезу.
Честно, не было чувств, боролась интуиция – прощались и уходили лучшие друзья.
Как быть, или отсюда не выйти никогда?
Этот разговор часто среди друзей.
Не одно так другое?

Говорили – научиться драться и бежать?
Ответ обязательно придёт!
Что даёт сил не усомниться в себе.
Теория подхватывает мастерство, никогда не отступать, ни от кого не бежать.
Шаолинь всегда подсказывает возможности.
Всегда открыта тяжёлая дверь, в свободное время можно спуститься к роднику, постоять возле водопада, поразмышлять.
Хочется уединиться ото всех, смотреть на горизонт, питать чарами славы и мудрости крепкий дух.
Твоя воля сближает завет истины и бесстрашия.
Тебе большее дано, целомудрие – смысл истины и правления на земле.
Не останавливайся на «достигнутом», иди.
Ты мужественный воин!

* * *

Шаолинь связывает целую эпоху жизни мастеров.
Нет невозможного.
Приходит своевременный ответ, своё мнение, доказать что-то ещё.
У-шу всегда подтверждает рывок, боец Шаолиня, предвкушая победу, мнёт силой атаку, пробиваясь вперёд?
Нет сил выстоять на единоборствах, а ты не робей.
Не получается атаковать, а ты держись.
Присутствует строгая закономерность, свой черёд, только не стой.

ЯКОВ **КАПЛАН**

Прежде всего...

...Думаю, что надо учиться видеть, чувствовать окружающий мир, людей, себя самого, переживать и сопереживать. И никаких специальных шагов в писательстве, на мой взгляд, не требуется. ЭТО, если суждено, приходит само, когда возникает внутренняя необходимость найти собственную нишу для самовыражения, осмыслить и выразить свое отношение к окружающему миру, к вечным вопросам бытия. Ну и, конечно, это происходит не на пустом месте. Надо достаточно много читать, иметь представление, как это делают другие, то есть большие писатели...

...Писатель должен обязательно быть наблюдательным, любопытным, видеть детали, нюансы, быть готовым к разочарованиям и к необходимости время от времени все начинать сначала. Сомневаться во всем, что делаешь, и в том, что вообще происходит в мире, и все это уметь выражать словами, смысл которых понимаешь, и умеешь составлять из них более менее связные предложения. Мыслить образами, не всегда даже задумываясь об этом...

Очевидно, надо быть в своих текстах честным и искренним. И желательно не выглядеть очень глупым и примитивным.

* * *

Душит горечью терпкой жажда.
Исчезают как тени предания.
Все заканчивается однажды.
Остается одно ожидание.
День зарей разжегся роскошною.
Но настигнет вдруг мысль леденящая –
вместо будущего и прошлого,
наспех скроенное настоящее.
Как снежинки тают мгновения.
Поезд мчится не по расписанию.
Где там станция назначения,
ждет прощение или прощание?

* * *

День восходящий я боготворю,
над далью распаленную зарю,
шум города, вплетенный в тишину,
огней слегка дрожащую струну.
Я прожил ночь. А это не пустяк.
Я в день иду. Я думаю – пусть так,
хотя бы так пусть будет, налегке
я день пройду как по стиха строке.
Шероховатой, нервной, с крутизной,
полуденный превозмогая зной,
с наградой доброй, словно за труды, –
глотком из льдинок выжатой воды.

* * *

Который раз бегущая волна
напоминает, как она вольна.
То пеной изойдет, то крутизной,
то успокоенностью показной.
Как хочется мне ей сказать: прости,
поведай, что ты видела в пути,
трепала ли другие берега,
кого от суеты уберегла
и захлестнула с ходу, с головой…
Но я молчу – немного сам не свой,
тревогой непонятною томим,
как будто к тайнам вдруг проник чужим.

* * *

Я отгоняю мрачных мыслей рой,
бездушных и назойливых порой.
Которые безжалостно дразня,
все яростнее достают меня.
Испытывают разум мой и дух.
И заставляют выбирать из двух,
одно из двух неисправимых зол…
Я слышу их неумолимый зов.
Безверия и веры тупики…
Но сделать выбор как бы не с руки.
Свистит над головой сомнений плеть,
и что с того, что можно не успеть…

* * *

Все тороплюсь. А, собственно, куда?
В душе моей какой-то беспредел…
Оставленные вижу города
и те, где побывать я не успел.
Размытые черты забытых лиц.
Обидных слов сплошной круговорот.
Я в жизнь, как в шахматы, играю блиц,
и возвратить нельзя поспешный ход.
И память раздирает сердце мне.
Видения в дорожной мрут пыли.
Как будто побывал я на войне,
с которой до сих пор не все пришли.

* * *

Ты понимаешь, что давным-давно
все сказано и вновь повторено.
И будет лучше просто делать вид,
что нет души и сердце не болит.
Так что людей наивно не смеши.
Живи в себе, как будто бы в глуши,
за сотни верст от глаз и лиц чужих,
где ты один – вполне нормальный псих.
Закройся словно на глухой засов,
забудь про бой и даже бой часов,
которые берут нас на испуг,
про замкнутый напоминая круг.

* * *

Мысль напрягает ритм,
как тетива лук гибкий напрягает.
Мысль рвется и бурлит,
беспомощной волной на скалы набегает.
И ни себя, ни камень не щадит,
рассыпавшись на брызги, на осколки.
И возрождается, и за бессилье мстит
самой себе… застряв на книжной полке.
Блуждает в лабиринтах слов чужих,
созвучий трепетных исследует природу.
Но смотрит волком. И готово вмиг
все поменять на мнимую свободу…

* * *

Умерли старые боги.
Мы отдышались еле.
Но буквально на полдороге
новые подоспели.
По-прежнему жизнь, как битва.
У каждого своя ниша.
Кто-то шепчет молитву,
которую не услышат.
Ангелы ли бастуют,
некому открыть двери…
Бывает, кричишь впустую,
и все равно – веришь.

* * *

Тают тени минувшей войны.
Бродят призраки той, что случится.
Обрывает предчувствие сны
и бессонницей в сердце стучится.
Но ты веришь в просвет и рассвет,
в день вступаешь не без азарта.
Словно выигрышный билет
ты нашел – без вчера и без завтра.
Живешь жгучим, сегодняшним днем,
в самом пекле прекраснейшей яви.
Перевернуто все верх дном.
Но Господь тебя не оставит…

* * *

Полоса оборвется неверья.
Распрямятся душа и плечо.
Я за лесом увижу деревья –
три-четыре и, может, еще.
Не хотят ни в толпу, ни до кучи.
Путь спрямив, машут кроной тугой.
Да, там рядом никто не канючит,
и приют там находит изгой.
Я пришел… Исчезает завеса,
обнажается новый маршрут…
Не видать за деревьями леса,
только тени бездомно бредут.

ИРИНА САПИР

ПОБЕГ

Однажды я, проснувшись очень рано,
не приготовлю, как всегда, еду,
не покормлю кота, и я не стану
детей будить. Оденусь и уйду.

Сбегу! Во вторник, или лучше – в среду…
И мне не важно, в принципе, куда.
Я поплыву, я полечу, поеду.
Дороги, люди, страны, города…

Мой путь пройдёт зигзагами по карте:
к Пизанской Башне, к Нотр-Дам, к Кремлю…
В Афинах, в Риге, в Люксембурге, в Спарте
я сувениров разных накуплю.

И где-то в Кёльне, в Мекке, в Риме, в Дельфи
для дочки, сына, мужа и подруг
я буду щелкать беспрестанно селфи
и выставлять их щедро на фейсбук.

Я буду пить, как бренди, вереницу
столиц галдящих, тихих городков.
Я буду жадно вглядываться в лица,
витрины, фрески, спины куполов.

И вот, мурлыча песенку беззвучно,
шагая вдоль какой-то мостовой,
я вдруг пойму, что мне ужасно скучно,
что я устала и хочу домой.

Замкнется круг, и я вернусь обратно.
Швырну рюкзак на дальний антресоль,
копну волос приглажу аккуратно
и погружусь в знакомую мне роль:

я приведу в порядок дом искусно,
верну ему уют и чистоту,
сварю обед, затейливый и вкусный,
насыплю корм в паилочку коту,

цветы полью, посуду перемою…
Я… успокоюсь, обнулив отсчёт,
и впредь безумство сущее такое
мне даже в мысли больше не придёт.

СРАВНЕНИЕ

Бельчонок, маленький и рыжий,
взял из руки моей орех.
Но лишь ладонь свою чуть ближе
я поднесла, тотчас наверх

метнулся он. А я тихонько
стояла, шарфик теребя.
В смешном, испуганном бельчонке
я вдруг увидела себя:

копна волос по пояс, летом
в ней солнце ловит рыжий блик,
запал, с которым, как по веткам,
я по делам ношусь; ярлык

пугливой, скрытной недотроги,
тревожный и капризный нрав...
Какая странность аналогий:
я и лесной зверек! Подняв

опавший жёлтый лист, привычно
я взгляд метнула на часы.
И «хвост» поправив как обычно,
вдоль придорожной полосы

я зашагала быстрым шагом
в густой бетонный лес, чтоб там
летать по веткам и корягам
насущных дел, ничьим словам

не верить всуе и, сомнения
свои не в силах превозмочь,
носить как маску отчуждение
и от руки бросаться прочь.

ЗРИТЕЛЬ

У костра чужих талантов
примостилась я погреться.
Молча внемлю музыкантам
и актерам! Скачет сердце,
пробегает дрожь под блузой,
и восторг течет по венам…
Там, на сцене, правят Музы –
Терпсихора, Мельпомена.
Щедро брызжет искра божья
в тёмный зал. Вершится чудо!
Но меня нещадно гложет
несуразная причуда,
полосует душу хлёстко
сумасбродное желание:
мне самой бы – на подмостки!
Мне бы – шквал рукоплесканий!
Мне бы лавры и букеты,
а потом, в гримерке скромной,
молча – кофе с сигаретой,
взгляд – усталый и довольный.
Мне бы сложное до боли
и прекрасное умение.
Мне бы – танцы, песни, роли,
тонких струн повиновение,
клавиш форте и пиано,
гранд жете, пике в пуантах,
альт, а может быть – сопрано…
Мне б хоть чуточку таланта!
Но бессильны эти грезы…
В зале зрительском смиренно
я сижу, глотая слезы,
и смотрю, смотрю на сцену.

Советы бывалых...

Каждый персонаж должен чего-то хотеть, пусть даже стакан воды.

Курт Воннегут

ВИКТОРИЯ **ЛЕВИНА**

СДОМСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Машина катила опасными виражами Сдомского перевала. Руки мужа крепко держали руль. А она просто вросла в кресло справа от водителя. Вросла, вцепившись в подлокотники, и почти не дышала от страха. Почему этот перевал всегда вызывал у неё такой страх? Ведь обычно ничего сверхординарного не происходило. Сначала они всегда ехали по хорошему Южному шоссе, радуясь, что удалось организовать эту поездку в будний день, хотя у каждого работа и ещё сто неотложных дел. Потом радость постепенно сменялась тревогой по мере приближения к опасному участку дороги – к Сдомскому перевалу. Вдоль дороги всё чаще встречались памятные камни с полузавядшими цветами, искорёженными мотоциклами и другими свидетельствами страшных катастроф, случающимися здесь довольно часто.

– Нет, ну ты видела этого идиота-самоубийцу? – закричал муж, когда встречная машина просвистела мимо них на крутом повороте и на огромной скорости, почти нависнув правыми колёсами над обрывом. – Каждую неделю здесь бывают смертельные аварии. Ох, уж этот Сдом! Этот смертельный серпантин, этот Сдом, или Содом, или Содом и Гоморра вошли в их жизнь много лет тому назад.

– Ну, как ты там, работы много? – позвонил муж ей однажды среди ночи.

Звонок показался ей необычным Муж старался не докучать ей, когда она оставалась работать по ночам – кому-то нужно было быть на прямой связи с Америкой. Предприятие разрабатывало новый важный проект, и прямая связь, учитывая разницу во времени, выпадала на ночные смены. Она любила и эти ночные смены, и

свою работу, и срочные технические вопросы, которые ей как дежурному инженеру приходилось решать.

– Я вот сейчас услышал по телевизору – завтра последний день подачи документов на новый проект у Мёртвого моря. Можно выстроить коттедж до трёх этажей на самом берегу! – он захлёбывался от восторга. – Будет место и для нашей галереи, и небольшое гостиничное хозяйство можно держать.

О галерее они с мужем мечтали давно. Жаль было держать дома двести картин музейной ценности, пронумерованных, описанных, готовых к выставочным залам. Не хватало только помещения. А вот про собственную небольшую гостиничку на берегу сказочного моря они както даже ещё и не помышляли.

– Завтра до 12-ти нужно быть с бумагами из банка в местном совете. Рванём? Успеем!

Все самые лучшие бизнес-идеи всегда исходили от мужа. Было у него какое-то чутьё на бизнес. Поэтому она просто сказала:

– О'кей. Рванём.

В банке их рассматривали как диковинных рыб в аквариуме. Шутка ли сказать: решиться на строительство частной гостиницы в сейсмически-опасном районе («Слышали про Содом и Гоморру? Так это там») Причём все деньги на первый взнос на участие в проекте они берут из банка!

– Так меня учили на курсах по недвижимости! – твердила жена в кабинете заведующего. – Ничего из своего кармана, всё из банка. Тогда это можно назвать бизнесом.

Удивительно, но деньги им дали, то есть дали письменное обязательство банка на участие в проекте. И вот они мчались по этой ужасной дороге на встречу с

библейскими местами, на встречу со Сдомским ущельем. На противостояние с ним. «Только не оглядывайся назад, ни в чём не сомневайся, иди только вперёд!» – приказала она себе и вспомнила легенду о Лоте и его жене: – «А то в соляной столб превратишься».

Потом были долгие месяцы хождения по инстанциям, прохождение всевозможных отборочных комиссий, разговоры с подрядчиками. И каждый раз – этот ужасный серпантин, это вжатое в сиденье тело и холодный пот, пока вдруг перед машиной не открывалась лазурная гладь Солёного моря за последним из смертельных поворотов. И каждый раз – внутренний диалог, когда Лот говорил жене: «Иди вперёд, не оглядывайся назад!»

– Я знаю, что у местного совета есть небольшой аэродром для нескольких спортивных самолётов, – она сидит перед очередной комиссией. – Я прошу гарантировать мне стоянку для моего прогулочного самолёта. Это входит в мой бизнес-план: я буду катать постояльцев над Мёртвым морем.

– Только через мой труп! – взвизгивает нынешний арендатор.

– Ну-ну, так уж и через труп. Решим этот вопрос, – глава местного совета дружески касается её руки.

Не думал он в самом начале отбора на кандидатов в будущие хозяева, что эта странная пара окажется одной из явных фаворитов. Она – полная, с расплывчатыми «славянскими» чертами лица, с палочкой, которая необходима ей при ходьбе. Он – типичный «сабр», жилистый смуглый, меньше её ростом. И тем не менее, они – явные фавориты отбора.

– Будет тебе посадочная полоса! – улыбается глава местного совета.

«Только вперёд!» – улыбается она собственным мыслям, вспоминая Лота и его жену.

Часто вспоминались им и психологические тесты, которые пришлось проходить в процессе отбора. Целый день их мучили психологи и экзаменаторы. Это как экзамены в университет. Она-то была давно знакома с этой процедурой-экзекуцией. Приходилось проходить при поступлении на работу в престижную фирму. А потом ещё и ещё раз, когда намечалось повышение инженерной категории. А вот мужу пришлось несладко. Он присутствовал на этом адском испытании впервые. Хорошо ещё, что можно было сидеть рядом и работать в команде. Она помогла ему с английским переводом, зато он очень хорошо описывал на иврите картинки с психологической подоплёкой и помог ей. Были и командные игры, и тесты на устойчивость психики в стрессовых ситуациях – ну просто, как психотест в университет!

– Какова идея вашего бизнес-плана, его общественная ценность? – экзаменаторша с огромными очками на пол-лица впивается глазами в очередную пару претендентов.

– Мы хотим построить бесплатную галерею найденных у мусорных баков картин, – она замечает, как глаза экзаменующей за стёклами очков оживают.

– Муж работает в муниципалитете города рабочим по уборке мусора. Он собрал за время своей долгой карьеры мусорщика огромное количество раритетных находок.

Все заворожено слушают.

– И среди них коллекция картин музейной ценности. Мы их реставрировали, сделали для них рамки в специальной мастерской. Некоторые, самые ценные, обрам-

лены в полотняные паспорту. Грех держать их в домашних кладовках, нужно выставлять в галерее. Вот мы и надумали построить частную галерею, вместе с тремя номерами гостиницы. Галерея будет находиться над номерами, на третьем этаже. Вход с улицы, горный ландшафт позволяет это сделать. А на первом этаже будем жить мы, хозяева, чтобы проводить экскурсии по галерее и, в качестве «вишенки на торте», летать с нашими постояльцами над морем.

Она смеётся, а психологи аплодируют.

– Я сделала описание каждой картины, выяснила, насколько смогла, кто автор, в какой период написана, в какой стране. Для этого даже курсы оценщиков произведений искусства пришлось закончить. А по ходу экскурсии по галерее я расскажу, где, когда, в какую погоду картина была найдена моим мужем у мусорного бака. Люди ведь выбрасывают эти бесценные вещи, не раздумывая особо, не отдавая себе отчёт. Если я назову вам имена художников, которые есть в нашем собрании, вы ахнете!

Дорога домой по Сдомскому перевалу в тот день казалась уже не такой опасной и ужасной, как обычно. В висках стучало: «Мы победили, мы в проекте, нас взяли, нам поверили! А к дороге придётся привыкать – никуда не денешься. Только не оглядывайся назад! Только вперёд!»

А потом были будни. И разочарования. И злость. Все их планы катились к чёртовой матери из-за проволочек, бюрократических и юридических. Год шёл за годом, а участки под строительство всё не сдавались и не сдавались... Галерея, мечтанная галерея, отодвигалась куда–то в будущее на неопределённое время. Они съездили

на лекцию о внутренних размывах соляных почв, которыми их страшили:

– Вот вы вложитесь в строительство, а ваша гостиница в один прекрасный день рухнет в яму, размытую подземными водами.

Да, конечно, чего уж хорошего… Чем тебе не сюжет о Содоме и Гоморре? Но на лекции оптимизм к ним вернулся.

– В настоящее время создана подробная карта пустот в регионе с помощью спутниковых технологий, – говорил уважаемый лектор в известном университете.

Они изучили карту. Их будущая гостиница была расположена в безопасном районе. Ура!

Проект как будто замер. Их никуда больше не вызывали, ничего не требовали, но и не вручали участок. Лишь раз в год банк требовал подписать бумаги на продление денежных гарантий. Это всегда было срочно, истерично, требовалось приехать в тот же день. Но, с другой стороны, давало некоторую гарантию, что проект жив и когда-нибудь…

А деньги, которые планировались супругами на строительство – работали вовсю! Как-то они с мужем пошли на семинар по вложению активов в зарубежную недвижимость. Лекцию читал её учитель с курсов, которые она закончила несколько лет тому назад. Теперь он возглавлял фирму по вложениям в строительство коттеджей в Америке. Лектора она обожала, верила его профессионализму и чутью. И – понеслось!

Раз в два года они вместе с фирмой достраивали очередную виллу в штате Алабама, продавали её, клали заработанные в течение этого процесса деньги на свой счёт и вкладывались опять. Мечта, а не бизнес!

А Сдом молчал, как будто не было ни Лота, ни его жены, ни страшных серпантинных дорог… Все попытки что-то выяснить разбивались о глухую стену молчания. Они кооперировались с такими же страдальцами, ездили на место, прорывались в кабинеты местного совета. Говорить с ними явно не хотели, перебрасывая из кабинета в кабинет, отводя глаза, и даже не пытались настроить на оптимистичный лад.

– Проект заморожен. Идут суды с несколькими организациями. Не знаем. Не известно. Ждите.

Ждать уже не хотелось. В Болгарии, которую супруги обожали и планировали проводить часть времени там, когда выйдут на пенсию, уже закладывался фундамент их будущей галереи.

Адвокат изучал толстые пачки документов, связанных со строительством на Мёртвом море, уже больше месяца. Адвокат уже давно превратился в друга. Как много раз он распутывал для них дела, которые казались неразрешимыми в их не простой стране! Они доверяли адвокату и ловили каждое слово:

– Я возьмусь за это дело, хотя это будет, ой, как непросто! Возьмусь за него, как принимают профессиональный вызов. Терпение, друзья! По-моему, я знаю, на чём сыграть.

Добираться на судебные заседания в центр Тель–Авива, ожидая передвижения по сантиметру в утренних пробках, было непросто. Но проще, чем преодолевать Сдомский перевал. Поддерживаемые адвокатом, они мчались по серпантину досудебных сделок, переговоров, заседаний, как по перевалу. Только вперёд, не оглядывайся! Местный совет сопротивлялся, неустойку за девять лет бездействия платить не хотел, сопутствующие фирмы тоже. Не хотели создавать прецедента.

Ведь тогда и остальные семьи хлынут в суды! А тут вдруг за перевалом началось какое-то движение: тракторы разравнивали горную породу, заливалась набережная, углублялись водные бассейны у района, предназначенного под строительство.

– Может, всё-таки начнёте строительство? – судебный представитель и адвокат местного совета заглядывают в глаза в надежде на согласие. – Мы бы вам первым вручили готовый под строительство участок, соглашайтесь!

«А как же быть с теми девятью годами, что мы простояли соляными столбами за перевалом?» – думает она. – «Нет, только вперёд, и не оглядываться!»

Катит, катит машина по серпантину горной дороги. Перевал сегодня почему-то не кажется каким-то особенно страшным. Агрессивных водителей по встречной полосе сегодня не повстречалось. Ранняя весна. А они с мужем так любят раннюю весну в горах! Всё цветёт. Из окна машины можно рассмотреть и нежную зелень на валунах, и первых разноцветных змеек, выползших на солнышко погреться. Потом всю эту красоту выжжет нещадное солнце. А ранней весной – это просто рай земной!

Внизу заблестела бирюзовая гладь Солёного моря. Строительство когда-то бывшего их мечтой посёлка идёт во всю! Снуют тракторы и машины со стройматериалами, блоками окон, дверей балконов. Какие-то семьи подвижников миновали свой Сдомский перевал и пришли сюда поселиться и жить. А кто-то покатил дальше по своим серпантинным дорогам. Главное – не оглядываться назад, а то – станешь соляным столбом на горной дороге. А что в этом хорошего?

Советы бывалых...

Я всегда начинаю с одного героя, ну, может, с двух, и они конфликтуют друг с другом. Кошка села на подстилку – это не сюжет. Кошка села на собачью подстилку – вот сюжет.

Джон ле Карре

ЮЛИЯ ОЛЬШЕВСКАЯ-ХАТЦЕНБЁЛЛЕР

СНЕЖНЫЙ ВЕК
(СНЫ ВИЗАНТИЙЦА)
Цикл стихотворений

...Где ты, золотое библейское лето,
Не в «Грозе» ли Джорджоне
И топких тенях Тинторетто?..

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ХРУСТАЛЬНЫЙ КОЛОКОЛ...

Рождественский хрустальный колокол…
Раз сто светлело, следом – меркло.
Листок осенний, гнутый холодом, –
Семи небес кривое зеркало…

Посмотришь, так – земными мерками –
Венецианская красавица!
Но слишком много в этом зеркале –
Мои глаза сопротивляются

Еще тебе, *La Strada*… Дорого,
Что было – в бесконечность прошлого,
И – в Пустоту… Но контур города,
Но контур будущего Города –
Упругих губ абрис, тревожащий

Пространство… В снах, всплеснувши узкими,
Раскрывши – в арии горячечной –
Огромный мир – шкатулкой суздальской…
Весь древний мир – шкатулкой суздальской
У ног – еще поющей, плачущей
От счастья – Маргариты[1]…

[1] Ария Маргариты из оперы Шарля Гуно «Фауст» (III акт).

У ЗЕРКАЛА
НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ
(попытка автопортрета)

Червлёность кружев сброшенной сорочки
Той силой Карамазовскою – прочь!
...На чемодане кот лежит клубочком,
И близится, капризничает ночь.

Ковчегом трехэтажным проплывает
Бессонный дом – сквозь золотую взвесь
Рождественских огней – мерцает, тает,
И дымкой Рождества укутан весь...

Сияющий Ковчег плывет по кругу.
Полночный страж – заснеженная дверь,
Сквозь облако... Да, мы нужны друг другу!..
Но, как всегда: ты – позже, не теперь,

Ты – где-то там... Рассерженный скворечник,
Где по ступеням бродят чьи-то сны...
Щелкунчик спит. Расколоты орешки,
И сложен зонтик Сказочной страны.

Смотрю – в стекло Венеции, не смея
И глаз поднять... Мой – Век, мой – Новый год...
Ты ль – Маргарита, Дева, Лорелея?..
Нет, всё-таки – Принцесса Турандот!

ВАВИЛОНСКАЯ ВЫСЬ ИЗУМРУДНО ГУСТЕЮЩЕЙ НОЧИ...

Принцесса: Избавьте же меня от злого долга
Загадывать загадки...
Принц: ...Загадка решена – огонь!
Карло Гоцци, «Принцесса Турандот»

Вавилонская высь изумрудно густеющей ночи.
Ослепительность кружев венчального – снежного – платья...
...Строп закрученных слов не отпустит – он жарок и прочен.
Тот античный мотив у Родена – *«Весны»* нерушимой объятья...

Сотой сотканный миг – ладенбургских серебряных кружев,
Многоликих садов, отягчённых Рождественским снегом.
...Мой Восточный Экспресс по маршруту извечному кружит
В том мерцающем мареве вьюжного Снежного Века...

Одиночество роз, переброшенных тонкой рукою[2],
Резкий абрис окна, алый веер в квадрате паркетном!..
Но тончайшим штрихом Модильяни – огня и покоя –
Повторит – *незнакомое* – в сполохах бликов рассветных,
Имя Розы.

[2] В своих воспоминаниях Анна Ахматова описывает одну из своих встреч в Париже с Амедео Модильяни, в ожидании которой поэтесса бросала алые розы в раскрытое окно мастерской художника. Позднее, согласно воспоминаниям Ахматовой, Модильяни не мог поверить, что молодая поэтесса не посетила мастерской – настолько живописно были разбросаны эти цветы.

АБРИС МОДИЛЬЯНИ

(вторая попытка автопортрета)

Сквозь сумерки – абрис плеча –
Овал седого небосвода.
Двоится в зеркале свеча –
Ни холодна, ни горяча –
А просто в это время года
Я за-ми-раю...

Там, на дне, –
Снежинок синих отраженье.
...Пусть в эту ночь приснится мне
Их бесконечное движенье,
Полет Кшесинской... Древних стен
Камней и роз – перекрещенья,

Ночных небес неярких плен,
И снова – снежное круженье,
Воспоминанья без конца:
В серебряном вечернем свете
Овал неясного лица,
И сновидения о лете –

Сон-Гейдельберг...

СОН ВИЗАНТИЙЦА
(НОЧЬ ЗАПУТАЛАСЬ В СКЛАДКАХ
ЛИЛОВО-ГУСТЕЮЩИХ КРУЖЕВ...)

Sposa son disprezzata, fida son oltraggiata[3]...

1.

Ночь запуталась в складках лилово-густеющих кружев.
За границы окна залетает предутренний шорох.
...Над ночною Венецией вьюгой российскою кружит
Морок-память – снежинок неслышимый ворох...

...Я не знаю, когда вновь зайду в тот бутик у Piazetta.
Дальше – мостиком Вздохов – кафе «Флорентийская пицца».
...Где тот полдень, где ты, золотое библейское лето,
Не в «Грозе» ли Джорджоне и топких тенях Тинторетто?
Веницейские смуглые сны degli Schiavoni, сон византийца
Не-бы-ва-лый?..

Задыхаюсь, но вновь – одиночеством сотканный голос
Выплетает слова *диминуций «La mia speranza»*...
Там – над бездною перелетев и на миг успокоясь –
Хрупкой пачкой танцовщицы в «pas» неизвестного танца
Замирают часы...

[3] Начальные слова арии из оперы Антонио Вивальди «Bajazet», впервые поставленной в одном из венецианских театров.

ВОЛШЕБНЫЕ ЧАСЫ

(МОЙ ДРАГОЦЕННЫЙ ШАР ЗЕМНОЙ, КОТОРЫЙ...)

Небесный свод, горящий славой звездной
Таинственно глядит из глубины...

Ф. И. Тютчев

2.

...Опять пространство отраженья множит
В тех капельках полуночной росы...
На проволоку Времени, быть может,
Нанизаны волшебные Часы?

Хрустальный циферблат и гул вокзальный –
Зеленоватых сполохов игра.
...Венеция и Рим – и отзвук дальний
Не лживой жизни, начатой вчера!..

Мой драгоценный шар земной, который
Весь в капельках росы, во мгле, в листве...
Распахнута страница древней Торы:
Мерцают звёзды – жемчуг в синеве

Вселенской Ночи...

РОЖДЕСТВО В ВЕНЕ

И днем, и ночью кот ученый
Все бродит по цепи…
А. С. Пушкин

1.

Строфа ученого кота –
С цепи сорвавшегося профи.
Gentleman – от лапок до хвоста
Весь – благородство, чистота!
От катастрофы к катастрофе
Бредущего…

Ни Рай, ни Ад.
Весь день – не в голосе, не в духе.
Великолепный променад-концерт,
Блистательный наряд.
Пятикаратный пирсинг – в ухе
Сверкнув…

Рождественская ночь,
Neujahrkonzert в волшебной Вене…
Твоих причуд не превозмочь,
Мой светлый ангел.
Что за ночь!
Принцессой, выскользнув из тени,
Кружусь под Штрауса – легка.
Пар голубой – во мгле грядилен
Bad Rothenfelde[4]*!..*
Та строка,
Весь день преследует строка –
Nachgiebigkeit bei großem Willen[5].

[4] Небольшой курортный город на севере Германии.

[5] Уступчивость при сильной воле (нем.)

2.

О, этот свет, летящий вниз,
Из недр прорвавшееся пламя…
Весенний лес – как чистый лист,
Расчерчиваемый лучами.
Весенний лес – иль венский вальс…

А следом за весною – лето
Заучивает, торопясь,
Фигуры, расставляя меты.
Проходит день – иль миг один.
Сменяется грозой ночною,
И ветер, сверзившись с вершин,
Швыряет ветхою листвою.

…А здесь – неразличимых слов
Биенье, трепет рифм неточных.
И тени будущих стихов
За гранью ставен полуночных.

3.

Здесь скрыто солнечное Время,
И спит усталая трава.
Преодолев земное бремя,
Летают духи Рождества.

И в комнатах мелькают лица
Давно не виденных гостей.
А за окном декабрь кружится
Пыльцою белых орхидей.

СКРИПКА С ГОЛОСОМ СТЕРНА

В тот Лес, средь шорохов и скрипов,
Я прохожу, забыв про страх,
Где тельца тоненькие скрипок
Зажаты в сумрачных стволах…

Озноб – и головокруженье,
Зрачки, отразившие свет.
…Я – скрипка, не знавшая пенья,
Я – тень без особых примет.

*

Нетлеющее дерево Времен.
Нетронутая скрипка Страдивари,
Едва ль его молившая о даре
Бессмертия,
Свой голос – или стон –
Принявшая легко.

И ломкость строк, ложащихся в альбом,
И тишину – густеющим снадобьем –
И жильных струн, терзаемых смычком,
Прерывистую боль, и исподлобья
Взгляд давящий…

И *Музыку,* шальной её полет,
И блажь, и спесь её,
И *беспристрастность*
Гармонии. Ослепнув от высот,
Силки всё рассчитавшего пространства
Срывает голос.

…Изломанная линия плеча
Молящейся, склоняющей колени.
Пылинкою, танцующей в лучах
На храмовых истоптанных ступенях.

Хорала ускользающий мотив…
Сюиты дух – иль *беспощадный кластер* –
Взгляд пристальный?
Но, абрис прочертив
По дереву, едва ли видит Мастер
Ту Музыку.

*

Вечной Скрипки непрочная плоть,
Отягченная ветхим футляром…
Как мне памяти боль побороть,
И как жить мне с терзающим даром
Слова, Музыки… Стиснутых струн,
Нервных пальцев, до боли истёртых.
…Сменой Времени – *сменою рун*
Тех Империй, где только у мёртвых
Имя есть…

ARS MUSICA

РАССЫПА́ТЬСЯ СОЗВЕЗДЬЯМИ СНОВ...

Цикл стихотворений

Рассыпа́ться созвездьями снов,
Видеть небо – опять грозовое,
И в барочном излишестве Слов,
С легким отблеском –
дно голубое

Белых раковин… Хрупок изгиб –
Океанские – с громоподобным –
Шо-ро-хом…
Сто невидимых рыб,
Обошедших планету – на темном
Обороте луны…

Погрузиться опять в тишину,
Уловить неземное звучанье
Речи гулкой.
К укрытому дну
Перламутра –
направить ***молчанье***
Музыки…

Передать до конца –
Непосильное косноязычье
Майстерзингера, барда, певца
Сквозь – шумливые
возгласы птичьи!..
К жизни новой стремиться, беречь
Эти ноты…

ОТЗВУК–МОЦАРТ

Сидишь – задумчив и один
Над нескончаемою фразой,
Таинственный аквамарин
Небес распахнутого глаза
Мерцает рядом...

*

Золотой, голубой, бесполезный
Для живущего –
давит и давит
Память…
Колко сквозящая бездной,
Синь тугая, сквозящая бездной,
Звезды – росчерки.

Климат Пасхи,
с Рождественским схожий…
Золотой зацветает подсолнух
Между хвойными.
Может быть, позже?
Все как будто быть может,
но позже,
В полнозвучный растительный ворох
Вклинясь листьями.

Синей Птицы – раскрытая клетка.
Рас-сто-янь-е от *до* и *до*…
Дома
Свет спасительный, слышанной редко
Вечной Музыки, дальнего грома
Отзвук-Моцарт.

Судеб чуждых болезненный узел –
Развяжи, расцепи на деленья
Нити злые…
                Мучительно сузясь,
Проникаю в игольное –
Тенью
Солнца.

Невесомые крылья – в полете…
Хрупкий снег –
                флердоранжем венчальным,
Блеск тончайшей фарфоровой плоти,
Светоносных узоров пасхальных
Белой скатерти…

Сколько знает теперь эта бездна
Дат, имен – все одно, да без толка…
Предпасхальное небо – отрезом,
Небо спит, разметавшись отрезом
Звездно-синим – маньчжурского шелка
В Поднебесной…

ПРИОТКРЫТАЯ ДВЕРЦА ЧАСОВ...

И отражение в воде берестяное,
Лучи из дымных облаков...
Ю. Кублановский

Приоткрытая дверца
часов
Деревянных
и – стрелка на «девять»,
Замерев…
С этой прорвою слов

Что мне делать теперь,
что мне делать?..
Быть, не быть ли…
И кто виноват,
Что проходит
в труде бесполезном
День…
Который, действительно, март?

То душа ль, пошатнувшись
над бездной…
Жгущий легкие
ультрамарин,
Адресат
неподкупного неба…
Из немыслимых этих
глубин –
Франкфурт. Полдень.
Он был или не был?
Всекосмический этот процесс,
Где судьба –
как разъятая Книга…

Оживает кармический лес

Под чернилами
цвета индиго.
Из белесых глубин
бересты
Па-мя-ти –
просочившейся влагой…
Запалять –
или строить мосты,

Вечерами горбясь
над бумагой?
Долгострой
потревоженных слов,
Чью-то тень
сохранившие стены,
Уточненье
твоих адресов –

Непосильные мне
перемены…
…Деревянный невольничий рай.

И НОЧИ ТЕМНОЕ КРЫЛО...
(тема из 14 главы «Доктора Живаго» Б. Пастернака)

И ночи темное крыло,
И свет, и – кружево постели...
Храни блаженное тепло
Тобою принятой купели.

Тех Слов – чудесный звукоряд,
И влажный сумрак лап сосновых...
Они – сейчас! Они – горят,
Огни Сочельника горят
Как звезды Вифлеема!..

Снова
Здесь не дочитаны – увы –
Страницы медленные эти:
Конец Тринадцатой главы,
Стихи о Вечности и лете...

*

...Забудь – как жарко по ночам
Врывался в окна дым бузинный,
Что шарфик на моих плечах
Прозрачней крыльев стрекозиных
Был.

Правя полуночный стих,
Здесь, у разобранной постели,
Отпраздную, шторы опустив,
Тысячелетие метели.

Лепнины снежной –
нежный плен,
Второй псалом,
стеснивший горло…

Смешалось все:
Дюма, Жюль Верн,
Живаго, трепет белых стен,
Мой голос – вставший из пелен,
И звуки ангельского горна.

МАРИНА

ЛАМБЕРТЦ-СИМОНОВА

ВЕТЕР

Она шла по улице к автобусной остановке. Ей надо было спешить, очень спешить ехать в город по важным делам. Но ветер крушил всё на своём пути: с деревьев слетали не только прошлогодние листья, но и целые ветки. Одна из них больно хлестнула её по лицу! «Ненавижу ветер! – подумала она с отвращением и страхом. От него можно всего ожидать!»

И тут словно в отместку за её мысль, ветер с пронзительным визгом налетел на неё и сорвал с головы новый малинового цвета берет, который она купила только вчера, радуясь, что он так подходит к её пальто и костюму. А ветер, словно издеваясь над ней, понёс берет, периодически роняя и обмакивая в грязь, а потом снова подхватывая и поднимая вверх, окутанный серой пеленой начинающегося дождя…

Автобус, до которого оставалось идти метров двадцать, ушёл из под самого её носа, а следующего надо было ждать ровно час… А она, как заведённая, всё ходила и искала этот несчастный берет, хлюпая по лужам и разбрасывая ногами старую листву, не успевшую истлеть за зиму, которой в этом году не было. И у неё в жизни тоже ничего не было особого, приятного ни за эту зиму, ни за эти мартовские дни. «У, гадкий ветер! – снова подумала она. – Унёс даже этот новенький лучик света – малиновый берет…»

– Девушка, вы случайно не эту штуковину ищите? – услышала она голос сзади и обернулась.

Она увидела мужчину в спортивной куртке с капюшоном, который держал в руке предмет её недавней гордости, а теперь заляпанный грязью и мокрый до такой степени, что потерял цвет.

Она взяла это темное, жалкое подобие головного убора двумя пальцами, думая о том, куда бы его засунуть, чтобы не испачкаться… Ей хотелось плакать: вот и берет испорчен, и автобуса ждать почти час, и холод до мозга костей пробирает.

– Да, ветер что-то сегодня не на шутку разбуянился! Давно такого не припомню! И стоять здесь небезопасно: того и гляди с ног собьёт и не только ваш чепчик унесёт, да и вас тоже под облака забросит.

– Скажите ещё на седьмое небо! – усмехнулась она, недовольно глядя на мужчину, лица которого почти не было видно из-под капюшона. Ну как в фильмах про грабителей банков или серийных убийц…

– Я тоже забыл зонт! – сказал он. – Хотя, хотя всё равно он разорвал бы его в минуту. Я имею ввиду этот ветер. А идёмте-ка, дамочка, в мою машину. И от дождя там укроемся, и от ветра. Вам, кстати, куда? Могу подвезти!

«Ну вот, – подумала она. – Точно: серийный маньяк! В машину зазывает, чтобы там… Но ещё больше её огорчило обращение «дамочка»! А ведь издали «девушкой» называл. Значит, и вправду зеркало не врёт, и годы её состарили. Да, в малиновом берете она бы смотрелась гораздо моложе».

Но эти грустные мимолётные мысли прервал ветер, который бросил ей в лицо ветку с такой силой, что она бы точно упала в лужу, если бы незнакомец не подхватил ее и почти силой не увлёк к машине, которая стояла рядом с остановкой автобуса. Она упиралась, хотя он уже открыл перед ней дверцу, но в последний момент порыв ветра просто повалил её на сидение. Она побелела от ужаса, а он, заметив это, наклонился и провёл ладонью по её лицу:

– Э, смотрите-ка: он вас не на шутку поцарапал! Да с таким ветром шутки плохи! Он пристегнул её ремнём на соседнем сидении и рванул с места. А она мелко дрожала всем телом от боли и ужаса. Стемнело. Когда он остановился на каком-то светофоре, она хотела выскочить из машины, но он схватил её за мокрое пальто и втащил обратно:

– Ну, куда тебя несёт, глупая! Ты что – не видишь какой ветрище, да ещё вперемешку с дождём! – Через пять минут он остановился и сказал: – Ну не могу я тебе позволить умереть прямо в машине! Не могу – и всё тут! Сейчас я тебя согрею, дорогая! Он нагнулся под сиденье и стал искать там что-то, но наткнулся только на её ноги в порванных колготках... Она замерла, когда он стал ощупывать их... – О, да у тебя и здесь царапины! Нет, так дело не пойдёт! Дай-ка я тебя согрею!

Она сместилась на краешек сидения и толкнула дверь машины, но она была заперта. Он же, почти придавив её своим мощным телом, протянул длинные ручищи к заднему сидению. Она услышала, как он наливает там что-то в стакан...

– Я не буду! – со страхом закричала она, зная, что сейчас он напоит её, а потом...

– Ты должна согреться сначала, дурочка! – нагло заявил он.

– Я не пью! – заплакала она, как маленькая, понимая что всё кончено и отпираться бессмысленно.

Но через минуту он уже поднёс стакан к её губам и заставил сделать обжигающий глоток... А потом достал платок и вытирал её слёзы, как будто она была маленькой соплюшкой, которая ничего не понимала в этом мире.

– А берет мы купим тебе новый и не горюй ты об этом… чепчике…

И купил. Ещё до Загса. И не один, а сразу несколько – не беретов, а шляп, чтобы она красовалась вместе с ним на скачках в Баден-Бадене, где они стали жить-поживать, да добро наживать – совсем как в сказке. И если бы им дали такую возможность, они бы памятник поставили. Тому самому… Ветру! Помните? Ведь это он, именно он, занёс их под самые облака – на Седьмое небо!

КОГДА ЧАСЫ 12 БЬЮТ

Она сидела дома за празднично накрытым маленьким столиком. Перед ней стояла бутылка шампанского и пустой бокал. Впервые в жизни она сама только что с большим трудом открыла бутылку шампанского и теперь напряжённо ждала начала боя часов в телевизоре, чтобы успеть наполнить бокал и загадать желание. И это тоже было впервые за долгие-долгие годы её жизни. Она верила во всю эту чепуху только в детстве, да и то недолго, пока как-то раз не убедилась, что Дед Мороз-это просто переодетый дяденька. Ну а Снегурочкой она и сама была не раз: то на катке, то в спектаклях школьного театра. И вот вдруг, когда ей было уже за сорок лет и она потеряла веру не только в сказочных персонажей, но и в некогда близких ей людей, она вдруг решилась попробовать… Да просто так, конечно. Или, чтобы уколоть саму себя ещё больнее: вот, дескать, начала в детство впадать от одиночества, совсем крыша поехала… Хорошо, хоть никто не видит и не знает, что она поверила в волшебство.

Часы ударили один раз, затем – второй, а она, наливая дрожащей рукой шампанское в узенький длинный бокал, всё ещё не знала, что загадать… И отодвигала это «загадыванье» на следующий момент. Она была совершенно неопытна даже в таком простом вопросе, как налив шампанского. Напиток пузырился и полз вверх, образуя пену, а когда эта пена спадала, бокал оказывался всё ещё полупустым. А она, уж если дело на то пошло, хотела сделать всё как надо, как положено для загадывания желания: то есть, чтобы бокал оказался полным до самого верха – иначе и загадывать было бессмысленно, даже для верящего в такие «процедуры» человека, не то что для неё.

Часы продолжали бить неостановимо и неумолимо: три, четыре, пять... Она всё доливала и доливала бокал, и с каждым «доливом» в её голове, душе, сердце становилось всё более пусто, и мысли путались, опутывая её саму какой-то странной паутиной: шесть, семь, восемь – звенело в её голове и теле, которые уже начинали дрожать в унисон руке, добавляющей шампанское... Наконец оно перелилось через край и стало заливать стол... «Процесс пошёл! Так, так!» – с издёвкой подумала она, глядя на себя как бы со стороны.

И в этот момент она отчётливо поняла, какое огромнейшее, неодолимейшее желание созрело не только в её голове, но и во всём её существе: она желала одного, только одного-единственного – прекратить своё одиночество! Причём, прямо сейчас, немедленно, именно за этим праздничным столиком! Конечно же, это желание жило в ней с первого удара часов, и это она сама отодвигала и отодвигала минуту загадывания, чтобы оставить в своём мозгу, хоть крошечный, миллиметровый, уголочек для жизни этой «веры» и на будущий год, хотя бы ещё на один только год... Ведь, если она не успеет сформулировать своё желание вслух, скрепив этот сложный процесс бокалом шампанского, выпитого до дна, причём, именно до окончания боя часов, то можно будет сказать самой себе, что желание не исполнилось и не могло исполниться, не потому что оно вообще абсолютно невыполнимое, а потому что она просто не успела его вовремя и по всем правилам загадать... И вот теперь, теперь она не выдержала, дура этакая, а выплеснула наружу то, что не успела вовремя выкинуть из головы, этот сгусток жуткого, страстного и дикого желания не... вовремя загадать его, просто не уложиться в положенные рамки... То есть, дать самой себе рассрочку на будущее...

Но как раз, когда часы пробили 11 раз, и как будто бы даже нарочно замерли, разрешив ей выплеснуть в себя всё шампанское из узкого, длинного бокала, не пролив ни чуточки, ни капли, она, похолодев от страха, успела загадать Желание...

Люди в телевизоре встали и начали поздравлять друг друга с радостными, счастливыми лицами, как будто они и вправду шагнули, только что шагнули в абсолютно неизведанный ими мир: «Клондайк» Нового года!

И она тоже встала. Но пустой бокал вдруг выпал из её рук, а может, она даже намеренно бросила его на пол, чтобы он разбился на мелкие хрустальные осколки, решив раз и навсегда до конца проверить этот детский, глупый, бесплодный процесс загадывания желаний. Ну кто не знает поверье, что осколки – к счастью... Ха-Ха-ха! Она захохотала каким-то ненормальным, почти злобным смехом, словно ненавидя себя саму за новую очередную глупость... А потом на её глаза навернулись обидные слёзы, голова закружилась, и она стала медленно оседать на кресло, чувствуя каким-то шестым чувством, что... Что она больше не... одна, не... одна – не одна! Не одна именно сейчас, именно здесь, именно в эту минуту Нового, абсолютно Нового – с иголочки – года!

Зазвонил телефон. Он звонил много-много раз. Кто-то явно рвался поздравить её! Пожелать ей исполнения желаний! А она, счастливо улыбаясь, понимала, что её главное Желание уже исполнилась! И всё гладила и гладила свой, как ей показалось, округлившийся живот. Совсем по-детски радуясь, что Дед Мороз (а кто же ещё?) выполнил её самое наисокровенное и огромнейшее желание, потому что она никогда-никогда не прекращала верить, что он всё-таки существует на самом деле.

ХРАНИТЕЛИ НАСЛЕДИЯ

Хранители наследья наших предков,
Мы, хоть никто из нас ещё не стар,
Искать решили тех потомков редких,
Что примут благодарно ценный дар.

Какие чудаки мы и чудачки!
Мы верим: сможем внукам передать
Альбом фамильный, писем с фронта пачку
Отцовских, что хранила наша мать.

Он мог бы стать им прадедом хорошим –
Парням, в чьих жилах кровь его течёт,
Но только до конца войны не дожил
И как Поэт не смог снискать почёт.

Не получил литературных премий,
И стать лауреатом не успел,
Ведь не увидел мир его творений –
Он просто в… танке заживо сгорел.

Стихи остались в множестве блокнотов –
Огромный капитал прекрасных слов,
Но ведь стихи – они ведь не банкноты,
Им далеко до банковских счетов.

Зачем поэмы современным детям?
Ведь повесть не «оттянет» их карман –
Наследников, «зависших» в интернете,
Где игры хлеще, чем любой роман!

Я не рисую этаких чудовищ –
Обычных симпатичнейших парней,
Но не открывших... «Острова Сокровищ»
И книг других, которых нет ценней.

Они сидят в наушниках, как в танке,
Не понимая, судя по всему,
Что жизнь не будет полной без... «Каштанки»,
Душа не возмужает без... «Му-Му».

Рисунки мамы кажутся нам – кладом,
Собранье книжек – раем для души!
А им богатства этого не надо,
Компьютер новый им купить спеши!

Но погодите: может, нужно время,
И без него не обойтись никак,
Чтобы предметы нашего даренья
Могли бы настояться как коньяк?

Но обвинив компьютерные игры,
Мы виртуальный мир теперь клянём,
Боясь, что, словно мамонты, мы вымрем,
Пока своих приемников найдём...

У Времени мы как на побегушках –
Ему насильно ведь не будешь мил!
Простите нас, Тургенев, Блок и Пушкин,
А Бог давно нас, думаю, простил.

Он знает: молодёжь к нему не вхожа –
Смешно ей класть кресты на образа...
И что же тут поделаешь? О Боже! –
Ведь Бог и сам закрыл на всё глаза...

А мы? И мы немного поостыли,
Ведь легче вклады завещать и дом –
Они всегда в цене – мы не забыли!
И пенсии послушно в банк несём...

МАСТЕРА СЛОВЕСНОСТИ

Цикл стихотворений

Чтобы написать хорошую книгу,
нужно только взять перо,
обмакнуть его в чернила
и выложить свою душу на бумагу.

К. Берне

ТАК ПРОСТО КНИГУ ВЗЯТЬ И НАПИСАТЬ

Так просто книгу взять и написать!
Не надо даже никого спасать,
И нету вовсе никакого риска
В решеньи сделать некие записки,
А в них с души попутно сбросить ношу,
Чтоб получилась книжечка хорошей.
Есть в этом деле, правда, «за и про»:
Ведь нужно в руки все же взять перо
И ловко обмакнуть его в чернила,
А в миг, когда душа заголосила,
Не дать ступить ей в сторону ни шагу,
А выложить… нагую на бумагу…

ОБЯЗАННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Писатель новый и малоизвестный
Обязан быть предельно интересным,
Стать для своих читателей магнитом!
Быть скучным – это право знаменитых.

КОГДА ИЩУ Я НУЖНЫЕ СЛОВА

Слово, идущее от сердца,
проникает в сердце.
Низами

Когда ищу я нужные слова,
Пытаясь рассказать о чем-то важном,
Мне очень помогает голова
Усеять ими белый лист бумажный
И вместе с ним отправить их в полет
По электронной иль обычной почте –
Так мысль моя до всех голов дойдёт
И, может быть, сидеть в них будет прочно.
И хоть одна шальная голова
Воспримет эти беглые слова,
Наделавшие в ней немало шума,
И превратит их в собственные думы...
Процесс пойдёт и будет продолжаться!
Но есть слова, которые не снятся
И даже самым умным головам,
Они бегут по тонким проводам,
Что тянутся невидимо из сердца...
Так нелегко найти единоверца,
Откроющего сердце нараспашку,
Чтобы принять не белую бумажку,
Где просто громких слов кровоподтёк –
Бежит от сердца к сердцу мощный ток
И доставляет в этот орган мигом
написанную нашим сердцем книгу,
Давая тем сердцам возможность слиться
В восторге, что читается на лицах...

КОГДА ДУША ПОЁТ ОТ ЧТЕНЬЯ КНИГИ

Когда душа поёт от чтения книги,
И в нашем сердце возникают сдвиги,
Дающие ему возможность роста –
И боль, и Радость, ощущая остро,
И хочется любить, быть лучше, чище,
Зачем другие основанья ищем,
Чтоб дать оценку важной книге этой –
Душевной Книге, созданной Поэтом!

К ПИСАТЕЛЮ И ДРАМАТУРГУ

Мы вовсе не врачи – мы боль.
Александр Герцен

Писатель, словом душу не лечи,
Не вынимайте шприцы, драматурги,
И мы, и вы – ведь вовсе не врачи,
Нет, мы – не всемогущие хирурги.
И «врачевать сердца» – не наша роль!
Бинтов у нас на раны все не хватит!
Мы – не врачи, мы в чистом виде: Боль,
Та, от которой корчится читатель!

ПАРИЖАНКА

Цикл стихотворений

Я ПАРИЖАНКА

Я Парижанка до мозга костей!
Я в рейтинге загадок и открытий!
Я в центре самых важных новостей
И в гуще исторических событий.

Недостижимый «бьюти-идеал»,
Парижа вечный символ, как и Сена,
Я та, кто женский модный мир взорвал!
Я женщина Мечта-«La Parisenna»!

Мой стиль: о моде вовсе не кричать,
И в этом смысле быть слегка бунтаркой,
Открыть не всё, о чём-то умолчать,
Всегда при этом оставаясь яркой.

Я выделяюсь в общей толкотне:
Берет, тельняшка, юбочка-шотландка,
Наряды эти смотрятся на мне
И выглядят свежо и элегантно.

Я против правил, писанных кнутом,
И фантазерка я, и бунтовщица,
Я не люблю условностей дурдом,
При этом чётко знаю, где граница.

Не близок мне и моды жесткий страж,
Я ненавижу сплетни в кулуарах,
Не скрою, что по вкусу мне «винтаж» –
И в жизни, и в любых аксессуарах.

Я выгляжу порою «ноншалан»,
Что означает «несколько небрежно»…
Не в этом ли находите вы шарм –
Непостижимый шарм моей одежды?

Об этом ходит множество легенд,
И только этот вывод безупречен:
«Меняться может каждый модный бренд,
Но шарм французский,
шарм французский вечен!»

Себе не позволяю унывать,
Но думать, что живу легко – ошибка,
Ко мне эпитет трудно подобрать,
А на моем лице всегда улыбка!

Люблю я шопинг – хлебом не корми,
Я, как и все порядочные дамы,
Примерки платьев у меня в крови
В пассажах Жуффруа и Панорамы.

Я есть во всем – от шляпок до белья,
И в мире моды я держу главенство,
Хочу быть лучшей версией себя,
Стремясь достигнуть в этом совершенства!

Я, если даже голова болит,
Себе не позволяю расслабляться,
И у меня всегда веселый вид,
Я через боль умею улыбаться.

Мне многие стремятся подражать,
Но не поймут, как нелегко быть Дивой,
Как сложно эту марку мне держать:
Всегда быть сексуальной и красивой!

Повсюду в мире знают мой парфюм
И повторить пытаются манеры,
И сумочку, и шляпку, и костюм,
Не постигая сути – чувства меры!

Для всех мужчин я подлинный магнит!
Я – Тайна! Я – Загадка без разгадки!
Так что же, что их так во мне пленит,
Когда идут за мною без оглядки?

Объект я их безудержных страстей,
Предел их фантастических желаний!
Не ускользнуть им из моих сетей,
В которых рады быть без колебаний!

В их будни я «Изюминку» вношу –
Кокетлива, легка и чуть капризна,
Мужчины чуют: скуки их лишу
Своим искусством наслаждения жизнью!

Я знаю толк в юнцах и стариках,
И «пудрить мозги» им умею ловко!
И в туфлях хороша на каблуках,
В сапожках, в «балеринках» и в кроссовках!

Люблю оригинальные места,
Массандра в Сен-Жермен – моя квартира,
Пленит кафе «Bread§Roses» – красота
И в стиле «Бель эпок»-«Мадлен» – сортиры.

Я в чайных при музеях кофе пью,
Порой листая Пушкина двухтомник,
Мужчин я почитаю и люблю:
И муж есть у меня, и есть любовник.

Бомонд Парижский весь в моем «досье»,
С ним связь пьянит как дорогие вина!
Да, я – «Мадам», а щедрый мой «Месье» –
Богатый респектабельный мужчина.

Врачи, банкиры крупные – по мне!
Я уважаю видных адвокатов,
И всех хозяев пухлых портмоне,
При этом не чураюсь я женатых.

Люблю свободу я и «Мулен Руж»,
На вечеринках до утра гуляю!
Их щедро финансирует мой муж,
Которому я это… позволяю.

Мне муж готов всё лучшее отдать!
Он знает, как мне нужно вдохновенье,
И что меня он может потерять,
И ценит рядом каждое мгновенье!

Мне тоже дорога моя семья,
Хотя из дома мне важны отлучки!
Искусством соблазнять владею я,
И в этом смысле та ещё я «штучка»!

Сошла с картины Пабло Пикассо,
Давным-давно – звезда телеэкрана,
Хотя пока в музей мадам Тюссо,
Как экспонату мне довольно рано!

И с возрастом я имидж не сменю
И сохраню беспечность и активность.
Я – Парижанка, то есть «инженю» –
Ведь мне присуща девичья наивность.

Я Парижанка с головы до пят!
«Бонжур, Мадам!» – привычней мне,
чем «здрасте!».
Я Парижанка, и во мне бурлят
Порою просто бешеные страсти!

Мне нужен город шумный и большой.
Париж – мой господин и покровитель!
Я дочь его и телом, и душой,
Хотя вскормил меня с рожденья Питер.

Но поменялась «пятая графа» –
Как «Парижанка» к истине я ближе!
И если лозунг твой: «Шерше ля фам!»
Тогда ищи, ищи меня в Париже!

ПАРИЖ, ТЫ ДЛЯ МЕНЯ СТОЛИЦА МУЗ

Париж, ты для меня столица Муз,
Несущих вдохновенья жар и муки.
Ты на губах моих – пьянящий вкус,
Ты – Тайна, не дающаяся в руки!

Сокровищница духов и химер,
И праведных, и грешных, и бесправных!
Я захожу в тебя, как на «пленэр»,
Чтоб взять тебя, как ты меня, – на равных!

Ты распластался на моём пути,
Париж, не предоставив мне дилеммы,
Чтоб я могла твой свет и цвет вплести
В тобой благословлённые поэмы.

В тебя приходит солнце догорать,
А ночи не торопятся на финиш!
Ну как же неохота умирать,
Когда тебя, Париж, хоть раз увидишь!

Париж, ты так на океан похож:
Ведь всех твоих глубин нельзя постигнуть!
Себя ты лишь влюблённым отдаёшь,
Чтоб памятник Любви могли воздвигнуть.

В тебе их счёт идёт на миллион!
(Опасный вирус Счастья обнаружен).
Ну вот и я у входа в Пантеон,
В который раз опять целуюсь с мужем!

Даёшь свободу ты, сердца пленя:
Моя душа среди твоих трофеев!
Париж, ты «Вечный Праздник» для меня!
И в этом схожи мы с Хемингуэем.

Ах, как же жаден ты, как щедр, Париж,
Обманчивость твоя не знает меры,
Ведь ты же, как писал Бальзак, таишь
Несметный клад в неведомых пещерах.

С пути к тебе уже нельзя свернуть,
И сердце без тебя в безумье бьётся,
А из твоих объятий ускользнуть
Мне лично никогда не удаётся!

Я в Питере, а в мыслях – в Сакре-Кёр,
Где шаг до взлёта или до паденья,
Я на него всхожу как на костёр,
Прося: – Париж, прибавь ещё поленья!

В твоём огне не страшно мне гореть –
Теперь во мне он, знаю, будет вечен!
И я не пожелаю умереть,
Париж, и после нашей сотой встречи!

Как Эсмеральда в храме Нотр-Дам,
В объятьях замерев у Квазимодо,
На зависть всех французских знатных дам
Я сохраняю чувств высоких моду.

Я знаю, что она мне так к лицу –
На каблуках Любви я выше сплетен,
На них, Париж, спешу с тобой к венцу,
А наш «геном» заложим в наших детях!

Я – мать для них, а ты для них – отец,
К тебе любовь внушу им с малолетства:
Гордятся пусть родством с тобой сердец
И роскошью духовного наследства!

МЫ КРОВИ ОДНОЙ, МОЙ ПАРИЖ: ТЫ И Я!

Песня

Париж, для меня ты почти что родня!
В твоих навсегда утонула объятьях.
Мы крови одной, мой Париж: ты и я,
Париж, мой Париж, ведь по крови мы братья!

Потому без всякого смущенья
Я горжусь, Париж, с тобой родством:
Этим общим нашим озареньем,
Чувств и светлых мыслей естеством.

И теперь, Париж, мне точно впору
(Верю я, что будет так и впредь!)
Рассекретить тайну Сакре-Кёра,
В Парке Багатель разбогатеть.

А потом на площади Вогезов,
Скованной романтикой до крыш,
Погрузиться на день в страсти бездну,
Где и ты купаешься, Париж!

Ведь и мы с тобой, Париж, на пару
Вечно обитаем в сонме муз,
Словно Элоиза с Абеляром
Нас благословили на союз!

Черпаю в тебе, Париж, интриги,
Роскошь фантастическую тем!
Нашей связи плод – живые книги,
Сборники сонетов и поэм.

Ты мне для стихов о «мудром, вечном»
Сделал в «Мулен Руже» протеже:
Черпаю в веселье бесконечном
Строчки я о сладком кутеже!

И за моду ты, Париж, в ответе:
Ты привык за женщин порадеть,
Только ты умеешь так одеть их,
Чтоб мужьям хотелось их раздеть!

И взираю с Эйфелевой башни,
Уносящей в миг под облака,
Я на то, как мелки злые шашни,
И как жажда Счастья велика!

Как Мечта о Чуде негасима! –
Знаешь ты ведь, как никто другой!
За моё прозрение спасибо,
Друг Париж и брат мой дорогой!

УЧИТЕЛЬ ЛЮБВИ

Ты, Париж, как пристань для меня,
Где я воздух Праздника вдыхаю,
Предаюсь весь день веселью я
И на скуку серую чихаю.

Наша связь с тобой была случайной:
Просто оказались визави...
Но ты мне открыл за тайной тайну,
Стал моим учителем Любви.
Отдалась тебе душой и телом,
Чуя страсти бешеный накал!
Что же ты, Париж, со мною сделал?
Ты на век меня околдовал!

Опоил каким-то чудным зельем,
Показав и пряник мне, и плеть,
Заразил безудержным весельем:
Сладостно от жизни протрезветь!

Возбудил и слух, и нюх, и зренье,
И желанья тайно пробудил,
Дал и волю, и заряд терпенья,
И почти что юношеский пыл!

Покутить и мы всегда умели,
Но романтик до мозга костей,
Ты, Париж, мне показал на деле,
Как спасать затюканных гостей.
Заводить зацикленных извечно.

Не давая задарма пропасть,
Научил как можно быть беспечным,
Разжигать и в сонных жилах страсть!
И когда придёт пора прощаться,
Убегу я из тебя бегом,
Чтобы снова, снова возвращаться
В город и Гогена, и Гюго!

В этот дымный город Ренуара,
В город новый Пабло Пикассо!
Эй, Париж, давай с тобой на пару
Будем здесь стихи косить косой!
Превращая в них всё с пылу, жару:
Для чего ещё же нам Монмартр?
Мы кутим с тобой, развратник старый,
Входим оба в пламенный азарт!
Наша связь казалась нам случайной:
Нас Судьба столкнула – визави,
Чтоб ты мне, Париж, открыл все тайны,
Стал моим Учителем Любви!
И теперь уже не властны годы:
В жилах кровь Учителя живёт!
Ах, Париж, не мажь мне раны йодом,
Помоги готовиться в полёт!

КУДА БЫ НАС НЕ БРОСИЛА СУДЬБИНА

Куда бы нас не бросила судьбина,
Нас не отравит ностальгии яд:
«Все те же мы: нам целый мир чужбина», –
Но это было 200 лет назад.

Понятий прежних в памяти осколки
Не остановят лет грядущих бег:
Вот Пушкина снимают немцы с… полки –
Он завсегдатай всех библиотек.

«Счастливый путь с лицейского порога»,
Поэт и до Америки прошел –
И там он свой – любимый, слава богу!
Его в Нью-Йорке знают хорошо!

Известен Пушкин многим и в Париже:
К нему спешат в театр – на балет,
Не раз его в кафе я здешнем вижу,
Он вхож он в Сорбонну – в университет.
Я Пушкина встречала в Римских барах,
Легко проник он и в такую даль,
Подчас сопровождаемый гитарой –
Романсом, где «искрясь чернеет шаль».

Он в Касабланке людям греет души,
Я знаю, что он покорил Сидней,
Шальной ямщик поэта не послушал
И до сих пор он гонит лошадей
Из мира царско-сельского лицея,

Из края в край, за бурный океан,
И наш союз с Поэтом – панацея,
Бальзам для душ «заморских» россиян.

Всё можно прикупить теперь за деньги,
Но мы не рвемся страстно на Парнас,
Хоть Пущин, Кюхельбекер или Дельвиг,
Возможно, спят и в ком-нибудь из нас!

Ну что ж, мои друзья, ещё не вечер!
И тесен мир! Что значат сотни миль,
Когда спешим на творческую встречу –
На фестиваль наш главный «Русский стиль»?

КНИГА – ПИЩА ДЛЯ УМА

Коль книга – «Пища для ума»,
А ум всё время хочет кушать,
Пускай питают ум – тома,
А СЛОВО – насыщает душу!

ВЛАДИМИР

РАБИНОВИЧ

Писательский зуд!

...Тот, у кого он есть, знает, что это такое. Непередаваемое чувство, заставляющее вновь и вновь садиться к чистому листу. Желание вылить на бумагу свои мысли и чувства, поделиться тем, что волнует и тревожит... Первые шаги в писательстве – это всегда, как правило, писание своей жизни: о друзьях, приключениях и смешных случаях или о горечи и раздражении, радости и печали и, конечно, о любви.

...На первых порах трудно бывает отличить темы глобальные, глубокие, от мелкотемья, да это и не нужно. Понимание приходит с опытом. Главное – писать не дежурное, модное, а то, что волнует тебя до глубины души. Если ты не плачешь, когда пишешь, то нечего ожидать и читательских слёз!

...Без критики не бывает писателя. Начинающие писатели (да и не только начинающие) ревностно относятся к своему детищу и критику не воспринимают, обижаются на неё. Это – большая ошибка. Критика, особенно искренняя и конструктивная, всегда благо. Она позволяет взглянуть на себя другими, незашоренными глазами, что всегда даёт результат. Надо научиться воспринимать критику, взвешивать её в спокойном состоянии и тогда решать, что из неё можно принять. Критика помогает постигнуть новое, ведь учиться – это главная заповедь писателя, какого бы уровня он не достиг. Если ты перестаёшь учиться, откатываешься назад в своём творчестве. Стоящий на месте писатель тупеет и каменеет.

Бывает, что идея приходит во время писания. Например, начинаешь описывать кошку: её уши, глаза, хвост, её грациозную походку, то, как она ест, играет… Постепенно начинаешь мыслить как кошка и создаёшь миниатюру от её имени: что она чувствует и переживает, от чего страдает и чему радуется. Это уже идея – написать произведение от имени кошки.

ЛИК

Молчат гробницы, мумии и кости –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена…

Иван Бунин

Куда мы уходим?
В какие такие края?
Когда отцветут все букеты мелодий,
когда навсегда отшумят тополя,
куда мы уходим?

Когда мы исчезнем,
в какой превратимся поток?
В какое созвездие, облако, песню?
Когда мы уходим в назначенный срок,
Когда мы исчезнем…

Куда мы уходим?
В мир света, покоя, добра?
Где новая флейта играет о старом походе,
где так же скрипит обречённость пера…
Куда мы уходим?

Инна Костяковская

Профессор обхватил голову руками, упёр локти в стол и глубоко задумался. Столько лет он ищет следы этого древнего племени, но пока ничего не находит. Ну не могли они исчезнуть, не оставив после себя свидетельств того, что жили когда-то на Земле. Он уже стар, и не в силах бродить по тайге, но молодые продолжат его дело. Им передал он свои знания, опыт, веру. Пусть по крупицам, но они смогут найти то, что пощадило беспощадное время. А вот у профессора этого времени совсем не осталось.

Своих студентов он знал хорошо, не зря они четыре года слушали его лекции с замиранием сердца. Старшим, конечно, будет Лёша, он уже не раз участвовал в экспедициях, точен и дисциплинирован. Николай и Саша – опора руководителю. А вот легкомысленная парочка, Веня и Лена, вызывает сомнения. Нет, Веня не легкомысленный и очень-очень способный, но непредсказуем. И неизвестно, кого он любит больше, Ленку или этнографию. Ну, что ж, профессор рубанул ладонью воздух, как делал всегда, принимая решение, представим готовый состав на Совет, пусть утверждают.

Маленький таёжный посёлок приютил молодых людей, составивших экспедицию в этот дальний край. Большой бревенчатый, свежесрубленный дом источал живицу, и фитонцидный запах витал по просторным комнатам. Хозяйский сын Петька, худой, веснушчатый пацан, лет тринадцати, вертелся вокруг ребят, слушая их разговоры и вдруг выдал, что на склоне Чёртовой горы есть пещера, где на стенах что-то нарисовано. Ребята обступили его и устроили допрос с пристрастием. Петька сна-

чала выкобенивался, а потом признался, что слышал этот рассказ от деда Егора. Дед Егор проживал на той же единственной улице посёлка. Когда ребята пришли к нему, он болел и лежал на широком топчане, а поверх одеяла – окладистая, седая борода.

– Давно это было, – начал дед, – лет с полсотни назад. Охотился я в стороне от наших протоптанных троп, дичи там много, а место худое, ещё мальцом от своих стариков слыхал. По склону шёл и провалился в какую-то пещеру. Пещера велика, и до отверстия, в которое провалился, не достать. Хорошо, что спички не отсырели, да куча камней в углу темнела. Стал я их таскать, строить подножие, чтобы, значит, до отверстия дотянуться. Ну, и увидал мельком на стенах рисунки, не рассмотрел что там нарисовано, не до того мне было, еле выбрался. А место это охотники стороной обходят, не думаю, что кто-то и побывал там после меня.

Ребята долго сидели молча, обдумывая услышанное.

– А далеко ли до того места? – спросил Лёша.

– Да вёрст двадцать, пожалуй.

«Конечно, необходимо посетить пещеру, хотя это и отклонение от маршрута, за которое может последовать наказание, – соображал Лёша. Ну а если рисунки окажутся как раз теми самыми следами, которые искал много лет профессор?»

Наконец, Веня нарушил молчание:

– Я пойду туда.

– Одному нельзя, – откликнулся Лёша, – да и наказать могут.

– Победителей не судят, – уже решительно отрубил Веня.

– Я пойду с ним, – Ленка вдруг выскочила вперёд и встала перед Лёшей.

Тот немного подумал и, решив, что девчонку всё равно не удержишь, сказал:

– Иди, – и добавил, – в случае чего, ты несёшь ответственность, – последнее уже к Вене относилось, – учти это. Да верёвку не забудьте.

– Ладно-ладно, учтём, – весело промурлыкал Веня, вскидывая на плечо тощий рюкзак.

Около трёх часов ползали по склону, тщательно осматривая окрестные кручи. Здесь действительно трудно было обойтись без верёвки, очень уж круто спускался к реке каменистый обрыв. Наконец, притомившись, уселись на кучу камней и, достав из рюкзака нехитрую снедь, принялись за еду.

– Змея, змея! – вдруг вскочила Ленка и, потеряв равновесие, неминуемо рухнула бы вниз, не подхвати её вовремя крепкая рука парня.

– Где, что ты паникуешь?

– Вот, вот она!

Веня оглянулся и увидел длинное, пятнистое тело, скользнувшее в чёрную дыру меж камнями.

– А ну-ка, где ты? Сейчас я тебя достану.

Веня откинул камень, потом ещё один и ещё. Под камнями оказалась пустота. Тогда он яростно начал разбрасывать камни, забыв и о змее, и о Ленке.

– Лаз!

Вскоре открылся довольно широкий вход то ли в пещеру, то ли в грот, откуда тянуло застарелой сыростью и прелью.

– Чёрт побери, ни фонаря, ни факела.

Веня закрутился по склону, отыскивая среди камней сухие ветки, занесённые сюда дождевыми потоками. Потом извлёк из рюкзака несколько листов бересты, кото-

рые постоянно носил с собой, прикрутил к концам найденных веток. Ловко зажал их под мышкой, обернулся к Ленке, напряжённо смотревшей на него и, бросив:

– Я сейчас, – осторожно придвинулся к входу, чиркнул спичкой, зажёг бересту и исчез в тёмном проёме.

Солнце стояло уже высоко. Камни раскалились, нестерпимо сверкала бегущая внизу вода. Как-то не верилось, что совсем рядом находится место, где царствуют тьма и сырость. Ленка взглянула в гипнотизирующую её тёмную дыру и зябко передёрнула плечами. Пора бы ему уже и появиться, что он там копается, наверняка ведь ничего нет. Она встала, подошла к входу и крикнула в темноту:

– Веня, пора выходить! Выходи, Веня.

Но лишь несколько минут спустя вздохнула с облегчением, увидев знакомую фигуру.

Однако, присмотревшись, опешила, настолько непривычно выглядел аккуратист Веня. Весь перемазанный сажей, грязные пятна на коленях и локтях, запотевшие очки. Веня зажмурился от яркого света, остановился на секунду, потом сделал несколько шагов и, не обращая никакого внимания на Ленку, опустился на камень. Зато она с тревогой отметила искажённое какой-то глухой болью лицо, отсутствующий взгляд за помутневшими стёклами очков.

– Веня, что с тобой, Веня, что ты там увидел?

Ленка тормошила его, дёргала за рукав, но он хмуро отмалчивался, сидя на камне и глядя куда-то сквозь неё. Ленка скривила губы и скорчила плаксивую гримасу.

– Чурбан бесчувственный.

– Там… там, – наконец, выдавил из себя Веня, – там такое…

– Что такое там, что?

Ленка, не дождавшись ответа, решительно направилась к темнеющему входу.

– Я тоже хочу посмотреть.

Она переступила границу света и тьмы, и сейчас же прохладный, застойный мрак обступил её.

Крючковатые, тёмно-коричневые пальцы нащупали едва различимое в полумраке древко короткого копья и крепко обхватили его. Сидящий ткнул копьём в костёр, пошевелил тлеющие угли, и огонь, совсем было увядший, вспыхнул с новой силой. Он осветил ломаные линии прокопченных сводов, заваленный костями и хворостом пол и одинокую фигуру у костра.

Грязно-седые волосы длинными, редкими прядями спадали на спину, перепутываясь там с посёкшимся мехом наброшенной на плечи оленьей шкуры. Человек с трудом оторвал взгляд от пламени и посмотрел поверх него, в тёмную стену, словно пытаясь проникнуть внутрь её, за неё, в тот мир, который готовился навсегда оставить. Морщинистое, красноватое от огня, лицо его казалось спокойным, даже отрешённым. Лишь заглянув в глубоко запрятанные, раскосые глаза, можно было обнаружить там искры не угасшего ещё до конца огня уходящей жизни.

Много дней и ночей провёл он здесь в одиночестве. Приютившая старика пещера должна была стать и последним пристанищем на этом свете, так решили другие, так повелевал закон. Давно, много лун тому назад, когда старик был ещё молодым вождём и вёл своё племя на север, торопясь быстрее уйти от страшной болезни, отец его тоже остался один у костра и, как он сегодня, тоже, наверное, не осуждал ушедших. Закон един. Закон велик. Нельзя нарушать закон. Так было всегда,

так будет всегда, иначе прекратится и исчезнет на земле род человеческий.

Старик повёл глазами от одной стороны своего убежища до другой, будто пытался охватить, объять, окинуть взглядом все дороги, которыми ступал когда-то по земле, и удивился невозможности этого. Он нагнулся к костру, вытащил головню, медленно, опираясь на копьё, поднялся и пошаркал к заваленному камнями входу. Двадцать шагов, всего-то двадцать шагов, тень высокой костлявой фигуры металась по стенам. Двадцать шагов, и каждый болью отзывался в неподвижной спине.

Меж камней, заваливших вход, оставлены отверстия. В них видны яркие звёзды, из которых выложены такие знакомые с детства рисунки. Они совсем не изменились с той далёкой поры, когда маленький мальчик с удивлением и восторгом рассматривал их. А какими были раньше, когда его самого ещё не было, и деда его не было, а какими будут, когда старик навсегда уйдёт в свой далёкий путь. Кто зажигает эти маленькие светлячки на небе с наступлением ночи? Он так хотел узнать об этом и не успел.

Жизнь прошла слишком быстро.

Старик насторожился, слух ещё не изменил ему. Кто-то притаился по ту сторону входа и следит за ним.

Хо! Меня уже выслеживают как дичь, меня, старого охотника. Он крепче обхватил копьё и занял привычную стойку, ожидая нападения. Ни один мускул не дрогнул на лице. Только крылья большого носа раздувались слегка, улавливая запах дикого зверя.

Ему ли пугаться нападающего врага, ему ли привыкать к тому, чтобы выходить в одиночку против мощных лап и острых клыков. Сколько их уже прошло перед его глазами. Пусть сейчас он стар, но надёжная пре-

града из камней закрывает вход в пещеру. Любимый внук сделал всё, чтобы продлить дни деда. А он? Должен ли был поступить также, когда оставлял своего отца глубокой, холодной осенью? Много лун сменилось с той поры, много жизней завершилось на его руках, но неизбывная вина за то давнее решение не отпускала.

Он очень спешил тогда. Чёрная болезнь, неожиданно пришедшая с юга, пожирала людей, не помогали знахари и жертвоприношения богам. Да и сами знахари умирали в жестоких корчах, выдувая изо рта жёлтую пену. Молодые и сильные охотники лежали рядом с младенцами, сражённые одной хворью. Никого не щадила болезнь. Могильная тишина повисла над стойбищем. Иногда только нарушалась она: то ли криком, то ли стоном – последним отблеском жизни, да печальная предсмертная тень ещё живого мелькала вдруг между жилищами. И некому было похоронить умерших, и некому их оплакать, лишь шакалы да лисицы сбегались на пиршество.

Удачна в тот года была охота, непуганым зверем кишел отдалённый край, куда привели молодых опытные добытчики. Уже много мяса было навялено, уже окрепла рука, и стал острым глаз у молодой поросли маленького народа. Но лишь, когда жёлтые всплески застыли в зелёной листве, а птицы потянулись в полуденные страны, и солнце притушило жар своих лучей, отмеряя дню всё меньший срок, засобирались охотники. Весело перекликаясь, приматывали к жердям тяжёлую поклажу. Сытная зима ожидала племя.

Не близок был путь, но дым родных очагов торопил шаги. Рослый, сильный охотник шёл впереди. Казалось, скорая, радостная встреча с женой и детьми придаёт ему сил. Наконец показалось стойбище. Но лучше бы и не возвращаться сюда. Не бросились на шею стоско-

вавшиеся женщины, не похлопали одобрительно по плечу важные старики, разглядывая богатую добычу, не крутились под ногами любопытные ребятишки. Не дымили очаги, лишь запах тлена витал повсюду. Сумрачными тенями бродили охотники по заросшим тропинкам, всё ожидая, надеясь услышать звук родного голоса. Но только лес шелестел отмирающими листьями, да вороны каркали на свежем погосте.

Под вечер, уставшие от тяжёлых дум, собрались охотники под большим деревом.

– Живым – жить, – сказал рослый охотник, – а мёртвые, они уже далеко, и нам не возвратить их. Уйдёмте же отсюда поскорее.

Согнувшись, низко опустив головы, уходили люди прочь от заклятого места, прибежища злого духа, похитившего их близких. Они уже втянулись в лес, когда неожиданно появившийся на опушке человек, окликнул их.

– Отец, – узнал его рослый охотник. Бросились друг к другу, обнялись крепко, как подобает мужчинам, постояли молча.

И полилась безрадостная речь.

– Ушли мы в другое место, подальше от чёрной напасти, но и там достала она нас, – горько поджав губы, рассказывал отец, – всё так же умирают люди, и нет нигде спасения. Не ходите туда, заклинаю вас, не ходите туда, он поднял сложенные вместе ладони и протянул их к охотникам, я здесь, я шёл сюда, чтобы предупредить вас.

Никто не возразил ему, не нарушил звенящей тишины, повисшей над лесом после этих слов, будто боялся разрушить хрупкую лестницу спасения, наивно возведённую старым человеком.

– Не гони нас отец, – вымолвил, наконец, едва разжимая губы, рослый охотник, – зачем хочешь ты разлучить нас со своим народом, чтобы мы скитались, подобно бродягам без роду и племени? Коли суждено умереть, умрём вместе, но сначала попробуем выжить. Веди нас.

Всю ночь и ещё день шли они и, наконец, пришли туда, где стояли наскоро сложенные шалаши, и печальные люди покорно ожидали страшного исхода.

Рослый охотник ушёл в лес и, оставшись один, возвысил молитвы богам. Он молился о спасении своего народа. Луна уступила место солнцу на небосводе и вновь вернулась. И следующую ночь он прошагал меж деревьев тёмного леса, ожидая ответа. Но молчали боги. Лишь под утро свалился в желтеющую высокую траву, не в силах справиться с наплывающей дрёмой. И приснился ему странный сон. Будто идёт он по лесу и выходит вдруг на небольшую поляну. Посреди той поляны стоит чудная хижина из брёвен. Осторожно подкрадывается к ней охотник и заглядывает в маленькое слюдяное окошко. Но ничего рассмотреть не может. Тогда обходит хижину, дёргает скрипучую дверь и осторожно переступает порог. За срубленным из широких плах столом сидит широкоплечий, желтоволосый человек с окладистой бородой, совсем не похожий на людей его народа, и режет диковинным блестящим ножом податливый камень. Взглянув на гостя, он приглашающим жестом показывает на круглое странное сиденье у стола. Тот садится, тревожно озираясь, но хозяин успокаивающе говорит ему на понятном языке:

– Не бойся, я не причиню тебе зла.

Охотник смотрит в прозрачную, никогда не виданную им синь глаз и неожиданно для себя начинает рас-

сказывать. Человек за столом внимательно слушает, поглаживая бороду, и кивает понимающе. Глаза его то светлеют весенним небом, то туманятся болотистыми таёжными озёрцами. Наконец, охотник закончил свой рассказ. Хозяин поднялся, расправив могучие плечи и чуть не достав головой до потолка хижины, не спеша прошёлся по ней. Потом заговорил нараспев густым тяжёлым басом:

– Велик мир, долго шёл я по нему, много стран и людей разных повидал. И болезнь эту тоже видел. Худая молва далеко её опережает. Опустошает она землю, редеют народы, и нет средства против неё. — Желтоволосый задумчиво подпёр рукой подбородок и неподвижно уставился в слепое окошко, как будто рассматривая там пройденный им тяжёлый путь. Но вдруг встрепенулся. – Не отчаивайся, – повернулся он к охотнику, – на каждого из нас, на всех живущих и на всё, что есть на земле, точится где-то меч. Рано или поздно свершит он своё дело. И на эту напасть тоже меч сыщется. Боится она холода, придёт зима, а с нею и конец хвори придёт.

– Э-э, – горестно вздохнул охотник, – не торопится зима нынче, многим не дождаться первого снега.

– А вы и не ждите, ступайте ей навстречу, – подтолкнул желтоволосый, – чем быстрее пойдёте, тем вернее спасётесь.

– И то правда.

Охотник поднялся и двинулся к двери. Там обернулся, сложил руки на груди в знак признательности и вышел. Пройдя несколько шагов, вспомнил, что не спросил человека: кто он, откуда, как его имя. Обернулся, но хижины на поляне уже не увидел. Тогда он рванул назад и

начал кружить, крича и зовя, пока кто-то огромный и сильный не схватил его за руку и не затряс с такой силой, что потеряв равновесие, он рухнул на землю.

– Проснись сын, тебе плохо? – охотник открыл глаза и с недоумением смотрел на трясущего его за рукав, встревоженного отца. – Ты так кричал, что я даже испугался, – наверное, приснилось что-то нехорошее.

– Наоборот, – усмехнувшись, ответил охотник.

Через день выступили и двигались как только можно было быстро. Шли налегке, на оленях ехали дети и пожилые женщины, поклажи было немного. Особенно трудно приходилось старикам, на оленях не было для них места, да и число оленей сокращалось, надо было чем-то питаться.

Много дней и ночей пробивались через тайгу, короткие привалы чередовались с короткими ночёвками. Дожди сменились лёгким морозцем, прихватывающим по ночам воду в таёжных озерцах. Однажды утром, собираясь в путь, заметил рослый охотник, что отец его полулежит у костра, как будто не собирается идти вместе со всеми.

– Ты что, отец? – спросил он, присев рядом.

– Пришла моя пора, сынок, – грустно ответил тот.

– Нет-нет, отец, ты пойдёшь с нами, я понесу тебя! – с горячностью воскликнул охотник.

– Ты понесёшь тех, кому продолжать род, таков закон. Всегда так было, и это справедливо. – Отец замолчал ненадолго, обнял сына, отстранил от себя, чтобы взглянуть в глаза его, и сказал: – Я завершил свою дорогу, а ты должен идти, ты должен жить.

Да, он тогда почти не оставил припасов отцу, шли то налегке, зато теперь…

Старик взглянул туда, где лежала оставленная ему пища: много вяленого мяса, рыбы, ягод, орехов, сушёной зелени. И прозрачная вода в ключе, в дальнем углу пещеры. И преграда из камней, закрывающая вход от нежданных гостей.

Он ощупал ладонью плотно уложенные, шершавые глыбы и вдруг явственно услышал шумное всхрапывающее дыхание, доносившееся с той стороны перегородки. Кто это может быть? Старик прильнул к одному из отверстий и различил в мерцающем лунном свете очертание длинного гибкого тела. О, да это большая жёлтая кошка, любительница человечьего мяса. Давно выслеживают её охотники, с тех самых пор, как повадилась она таскать младенцев из их стойбища. Теперь сама пришла к нему. К нему или за ним? Ну нет, рука его ещё способна держать копьё.

Старик погладил тёплое древко и попытался просунуть костяной наконечник в отверстие, через которое только что смотрел. Однако это ему не удалось. Тогда он ухватился за ребро большого камня, рванул его раз-другой, и тот с грохотом свалился на пол. Потом и со следующим поступил так же. Теперь копьё свободно проходило в отверстие, и оставалось только дождаться, пока зверь окажется на его уровне. Вот, наконец, черная тень перекрыла звёзды. Удар! Старик вложил в него всю ненависть, все силы, оставшиеся в его дряхлеющем теле. Почувствовал, как копьё вошло в податливую плоть. Невыносимый рык, родившийся в захлебнувшейся болью глотке, ворвался в молчаливую гулкость пещерных сводов. Животное дёрнулось, оставив копьё в руках охотника и, жалобно мяукая и скуля, исчезло в быстрой, журчащей внизу воде.

Старик вытер пот, привалился к стене. Последняя охота. Из своего небытия он достал-таки её, убийцу беспо-

мощных человечьих детёнышей. Да какая теперь разница. Его уже нет здесь, он по другую сторону, и всё, что делает, пытается сделать, уже не нужно никому, и ему не нужно. Для чего есть-пить, сидя в этом безопасном склепе? Да живёт ли он ещё?

Всё на Земле создаётся для того чтобы продлить неразрывную цепочку существования. Жизнь, не оставляющая после себя жизни, бессмысленна. Он родил сыновей, но они уже ушли туда, откуда не возвращаются, лишь внуки продолжили жизнь. А для чего сейчас живёт здесь их дед?

Старик сгорбился, припадая на одну ногу и нелепо раскачиваясь, вернулся к костру, подбросил хворосту, сел. Он опять вспомнил своего отца и на этот раз позавидовал ему, потом представил себе кончину большой жёлтой кошки, и ей тоже позавидовал.

Проклятая память, кто-то злой и жестокий оставил его с ней наедине. Память богата и совершенна, память выразительна и объёмна, память услужлива. Чем слабее становилось тело, тем всё более зрела и росла память. Сейчас способна она, повинуясь желанию хозяина, представить ему любое событие долгой и трудной жизни. Но зачем? Он уже мёртв, и память умерла вместе с ним, и никто никогда не узнает того, что скрывала она в своих глубинах.

Старик отвернулся от костра, запрокинул голову. Полубезумный, невидящий взгляд его метался по едва угадываемым, причудливым пещерным сводам. Он расставил руки, будто пытался раздвинуть, разорвать эти холодные стены, это замкнутое пространство, эту могилу, где заживо похоронили его соплеменники. Потом приблизился ползком к тёмной поверхности, дотронулся до неё рукой, прислонился пылающим лбом, как будто

переливая в равнодушный камень душившие его мысли, отдавая ему раздирающую мозг память. Камень ли поймёт его, камень ли донесёт потомкам бессчётную вереницу прожитых дней, камень ли примет жизнь от хрупкого тела перед тем, как оно навсегда исчезнет в пустоте?

– Камень...

Что это, кто это сказал ему? Старик растерянно оглянулся, но тихо было вокруг, только капли падали со стуком в чёрной глубине горы. Тогда он вдруг засуетился, заспешил несвойственным ему мелким, спотыкающимся шажком в дальний угол пещеры. Долго там копался в полумраке, потом принёс и рассматривал у костра большой, широкогорлый сосуд, наполненный оструганными палочками и связанными между собой короткими жёсткими волосами. Разбросав груду в беспорядке сваленных костей, остатков былого пиршества, извлёк длинный, плоский, заострённый, блестящий камень необыкновенной твёрдости, который нашли в незапамятные времена его предки в тайге после падения огненной звезды. Потом достал каменный молоток с деревянной рукоятью. То, что было дорого ему и необходимо для жизни, оставил заботливый внук.

Нет, он не забыл, он прекрасно помнил свою детскую забаву. Помнил как рисовал лес, речку, зверей, смешных человечков, всё, что видел вокруг. Взрослые восхищённо качали головами, цокали языками, разглядывая его рисунки, хвалили. Но, когда подрос, уже неодобрительно посматривали на пустое занятие, отнимавшее время от поисков пищи. Уходя подальше от людей, всё реже смешивал он сделанные им самим краски, секрет которых передал ему старый шаман. Всё реже брал в руки палочку с привязанным к ней пучком оленьих волос...

Суровая жизнь требовала других навыков, лук и копьё заменили кисть. Позже ещё не раз возвращался к любимому занятию. Оно утешало в трудные времена, выручало в дни сомнений и тревог. Нет, не унесли годы умения и страсти, он это чувствовал, рука не подвела бы, да глаза. Старик передвинул костёр к стене, долго смотрел на неё, прежде чем решиться.

Первый робкий штрих лёг на бугристую поверхность. Дрожало жёлто-острое пламя костра, дрожала ослабевшая старческая рука, дрожала и изгибалась тонкая линия на камне. Он отшвырнул кисть, опустился на пол и обхватил голову широкими ладонями.

Ничего не выйдет, слишком поздно.

Некоторое время сидел молча, потом зашептал, замычал, запел что-то тоскливое, неразборчиво-протяжное, раскачиваясь в такт звукам своего голоса. Этот полустон-полувой растекался по пещере, заполнял её целиком и возвращался к сидящему человеку тяжёлым, слитным гулом.

Неожиданно вспомнился ему Большой водопад. С таким же гулом низвергались с высокого уступа огромные массы воды. Пересиливая усталость, сметая стоящие на пути препятствия, трудилась река день и ночь, чтобы добежать до моря, донести до него свою воду.

А он? Струсил, отступил. Неужели прервётся его река, стихнет водопад жизни, и то море будущего никогда не узнает его мыслей и чувств. Иссохнет, уйдёт в небытие страдающая душа…

Старик медленно поднялся, решительно шагнул вперёд, рука его крепко сжимала кисть, как когда-то, в молодости, древко копья. Перед ним стена – будто огромный невиданный зверь, и нельзя промахнуться, нельзя отступить. Быстро теперь водил он кистью по матовой

неровной поверхности. Образы наплывали, создавая вокруг фантастические видения, сливались меж собой, раскалывались на отдельные картины. Вот борьба двух стихий: земли, изрыгающей из себя огонь, и воды. Вот выходят из чащи леса диковинные звери с длинными телами и маленькими головами. Вот двухвостое чудище с длинной шерстью отбивается от нападающих охотников.

Если бы спросил кто, откуда всё это в нём, не смог бы ответить. То ли деды слышали эти рассказы от своих дедов, то ли в крови его осталась через века, через поколения прошедшая память далёких предков. Но никто не спросит, никто не остановит старика, лишь иногда оглянется он удивлённо на вход, заметив сквозь отверстия, что день давно сменился ночью. Упадёт тогда в изнеможении у костра, забывшись ненадолго в тяжёлом сне. Потом вскочит, пожуёт что-то, запьёт водой, напряжённо смотря на то, что сделал вчера. И вдруг поймёт, что сделал плохо, что нет жизни в его картинах, и тот, кто увидит их когда-нибудь, не разделит жара его сердца, не постигнет души.

Торопясь, осаживая руки, начнёт соскребать тёмно-оранжевую краску с выветренной стены, пока не уничтожит всё, что нарисовал накануне. Потом снова возьмёт кисть. А коли уж совсем невмоготу станет, поострит тот блестящий предмет с огненной звезды и давай скалывать по линиям камень, вбивая в него свои рисунки.

Медленно, шаг за шагом брёл старик теми дорогами, которыми уже проходил когда-то. Бесконечной вереницей вех выстраивались события. Всё продолжительнее делались перерывы, всё меньше оставалось сил. Лишь память, как и раньше, была свежа и могуча и словно смеялась над одряхлевшим телом.

Ах, молодость – чудесное время… Самый сильный, самый удачливый охотник выбирает себе в жёны красавицу Айну. В торжественных звуках бубнов совершается свадебный обряд. А теперь они на широкой брачной постели, заботливо приготовленной родственниками по старому обычаю. И та любовь, которая была сильнее всего на свете, и та нежность, с которой он ласкал и обнимал жену, запечатлелись на тёмной стене, и сила этого изображения, рождённого сердцем и памятью, потрясла его самого. А вот рождается сын, их первенец, которого женщина бережно носила под сердцем.

«Прости меня, Айна, что отдаю другим то, что принадлежало лишь нам с тобой. Но как иначе смогу я передать великую тайну начала жизни на Земле? Ты там, в другом прекрасном мире, с нашими сыновьями давно ждёшь меня. Прости за то, что я задержался, но уж недолго осталось ждать нашей встречи. Я иду к тебе…»

Снова и снова возникали перед угасающим взором старика тени минувшего. Полузабытые, давно ушедшие в иной мир, люди бесплотными призраками скользили по заросшим тропинкам дикого леса, разверзалась земля, рушились горы, падали вековые деревья. Изнуряющая жара сменялась жестоким холодом, следом за удачной охотой вдруг являлась злая болезнь, уносившая человеческие жизни. Немногие доживали до старости, до того момента, когда вступал в силу Закон, и надо было остаться…

Силы иссякали. Старик уже не мог ничего есть, только пил холодную прозрачную воду. С трудом дотащился он до стены, взобрался на высокий камень и стучал, стучал молотком, выбивая свой последний, свой самый важный рисунок. Вот она – граница двух миров, он, наконец, достиг её. Потом, едва удерживая угасающее

сознание, опустился на четвереньки, отполз к костру, поднял голову, пытаясь ещё раз рассмотреть сделанное им, но ничего увидеть уже не смог. Тогда он тихо вздохнул, лёг и закрыл глаза.

Отлетела душа его.

– Куда ты лезешь? – Веня цепко ухватил Ленку за руку и вытащил наружу. Она зажмурилась от ударившего в глаза яркого света. – Без фонаря всё равно ничего не видно, да и змей там полно.

Последний довод сразу подействовал на Ленку отрезвляюще.

– А почему ты ничего не рассказываешь? – обидчиво протянула она.

Веня открыл было рот, чтобы начать рассказывать, но хитрые чертенята вдруг заплясали в его глазах.

– Слушай, пусть это будет для тебя сюрпризом, и для ребят тоже, а? Мы сейчас сходим за ними, а заодно и фонарики прихватим.

Ленка хмыкнула в ответ и пожала плечами.

Через два дня пятеро студентов молча стояли под прокопчёнными тысячи лет назад сводами и смотрели на испещрённую рисунками стену. Медленно перемещаясь, тусклый луч фонаря выхватывал из темноты то голову странного животного, то изогнувшийся в ритуальной пляске гибкий торс охотника, то силуэт женщины с ребёнком. Великие таинства жизни, с необычайной силой переданные древним художником, потрясали ребят. Они невольно затаили дыхание, словно боялись спугнуть живущие уже своей жизнью изображения на стене.

Но вот невысоко над полом наткнулся луч на необычный рисунок и заплясал на нём. Веня шагнул вперёд,

остальные – за ним. Изображённое на стене лицо словно притягивало к себе, манило какою-то неземною, первозданной красотой. Через тысячи лет энергия человека, изобразившего себя на тёмной скале, коснулась сердец молодых людей.

Была уже глубокая ночь, когда ребята подходили к лагерю. Усталость от десятков пройденных километров и впечатлений увиденного пригнула плечи.

– Как ты думаешь, Вень, неужели они были такими? – спросила Ленка, семенившая рядом с широко шагавшими парнями.

– Какими такими?

– Ну такими мудрыми, что ли. Ты заметил – какие у него глаза, будто знает то, что другим неведомо, и морщины эти…

– А морщины-то чем тебе не угодили? – Лёша сверху вниз взглянул на Ленку.

– У меня такое чувство, – как будто не слыша его вопроса, продолжила Ленка, – что за каждой морщинкой век жизни…

– Да, – поддержал её один из парней, – я тоже что-то подобное испытал, когда смотрел на него. Кажется, что погружаешься в пучину ушедшего времени, и вот ты уже рядом с ним, сейчас он подойдёт и заговорит… аж холодок по спине пробежал.

Некоторое время шли молча, потом Лёша, по праву старшего, сказал:

– Завтра надо сообщить в институт.

– О нарушении дисциплины, – не замедлила съехидничать Ленка, но не удостоилась ответа.

Утром из маленького таёжного посёлка ушла радиограмма: «Найдены уникальные наскальные рисунки. Задерживаемся для детального исследования».

Советы бывалых...

Не думаю, что художнику нужно много размышлять о том, для кого он работает. Лучшую публику можно увидеть утром в зеркале для бритья. Аудитория, которую художник воображает, если он это делает, – это комната, полная людей в масках с его собственным лицом. В моем случае они держат маски Набокова.

Владимир Набоков

КИРА

ОСМАНОВА

ЧЁРНАЯ КУРИЦА

Если бы я догадалась вовремя: слишком шаткой
Выйдет конструкция (та, которую я построила),
И оказалась бы вдруг собой настоящей – если бы,
Я бы тогда изучала норы, колодцы, шахты,
Тропы подземные, все ходы потайные, строгие,
Именно там, в непроглядных недрах, и стоит действовать.

Я бы, конечно, была внимательной и бесшумной;
Я бы не портила: может, даже помочь случилось бы;
Я бы смотрела в восторге: «Где же такое видано?»
Пусть на поверхности люди: бегают, плачут, шутят,
Ветер у них неуёмный, солнце у них лучистое –
Разве в моих подземельях этому позавидуешь?

Жизнь наверху правомерна, только когда уверен –
Твой засекреченный город неуязвим: на площади
Жители выстроят церковь, вымостят камнем улицы.
И ничего не позволишь выпытать, исковеркать,
Намертво будешь стоять: ни слова теперь оплошного.
Не говори никому, Алёша, о чёрной курице.

* * *

Вот и думай – что с тобою станет?
Кто твои старания отметит?
Никому не выболтаешь тайну –
Вот и просыпайся с ней до смерти.

Выходи на маленькую кухню
И представь, не то чтобы охотно:
Над тобою – крышка, а не купол,
И ни свет, ни воздух не проходят.

Ты не верь, когда трезвонят всюду
Об отремонтированных взрослых.
Стой, смотри на вечную посуду
(Кто её, не церемонясь, бросил?).

Вот и стой – издёрганным ребёнком,
Тем, кто в важную минуту струсил.
Сердце бьётся бешено и больно,
Как щегол в облупленной кастрюле.

* * *

Мы будем сидеть на заброшенной лодке,
Не сдвинемся с места, как будто бы к днищу
Прилеплены.
Смотреть, как деревья друг друга не ищут,
Какие у наших детей подбородки –
Рельефные.

Мы будем грустить, неизбежно и честно,
Что стать ни отцом безупречно не вышло,
Ни матерью.
Мы будем дышать, как охотники дышат,
И слушать скрип досок, стволов и качелей
Внимательно.

Мы станем одно самородное тело,
Что будет со временем мхом и травою
Украшено.
И ветер над лодкой надсадно завоет,
И дети нам крикнут: «Куда же вы делись?»
Куда же мы.

* * *

Ты – моя ореховая скорлупа.
Я в тебе сворачиваюсь, чтобы спать,
И меня теперь отсюда извлекать –
Дело безнадёжное.

Колыбель, тайник, шкатулка, саркофаг,
Нужная ячейка, несказанный фарт;
Так находишь своё место – это факт,
И лежишь, радёшенек.

Ты – моя ореховая скорлупа.
Я в тебе – не злоречива, не груба.
Сбереги, спаси, от лишнего избавь,
От пустого, праздного.

И меня не обокрасть, не испугать.
Только тот по-настоящему богат,
Кому всякая минута дорога –
И нужды, и радости.

Жизнь проходит, а всё думаешь – прошла;
И оставшееся время – это клад,
И хоть каждый очень тих и очень слаб –
Вдруг ещё получится.

Я люблю тебя, дурного старика,
Что пойдёт себе укрытие искать.
Я – твоя ореховая скорлупа,
Скорлупа-скорлупочка.

* * *

Сравнивать не с чем –
Это новая тема.
И не будет, и не было репетиций.
Странные вещи
Собираешься делать,
Чтобы как-то во времени закрепиться.

Пишешь и пишешь,
Без вопросов, как раньше,
Мол, кому это нужно и что в итоге;
Споришь всё тише,
Восхищаешься страшно,
Обижаешься редко, гуляешь долго.

Плоскость иная:
В ней текут коридоры,
И за мутным стеклом дребезжат стаканы.
Вдруг вспоминаешь
Наше детство, в котором
Мы бродили печальными стариками.

И ощущаешь –
До чего безупречно
Вся история шла от конца к началу.
Как нас стращали,
Наносили увечья,
Но теперь мы сильны – потому прощаем.

Старые дети
Молодеют и крепнут,
И в чудных коридорах танцуют лихо.
Новая тема,
Своенравное время,
И стекло сквозь стекло отражает блики.

СМОТРОВАЯ БАШНЯ

Не тяжело, не страшно,
Так далеко от всех.
Ты – смотровая башня.
Я прохожу наверх.

Вид предстаёт такой, что
Еле удержишь вскрик.
Сердцем, гусиной кожей
Чувствуешь: Бог – открыт.

Не открывался раньше
Мне он в иных местах:
Только у этой башни –
Верная высота.

Это не исступленье,
Это и не покой.
Каждое углубленье,
Каждый прекрасный холм,

Светлых полей просторы,
Дом, где трещал пожар,
Кладбище, на котором
Буду потом лежать,

Умных деревьев кроны,
Камень, что крепко спит,
Трубы, мансарды, кровли,
Посеребрённый шпиль…

Кто-то внизу вдруг скажет:
«Всё. Визитёров нет».
Там запирают башню.
Я остаюсь на ней.

НАДЕЖДА

ВОЛЫНКИНА

БАБУШКИНЫ БОГАТСТВА

Посвящаю моей доброй наставнице
и подруге Наталье Тереховой,
а так же всем сибирским кружевницам,
создававшим рукотворную красоту
в разные времена на нашей
суровой и прекрасной сибирской земле.

– Бабушка, а покажи мне твои богатства! – просит Машенька.

– Богатства? Покажу. Пойдём в горницу, комодик откроем.

Машенька, подпрыгивая от нетерпения, мчится в горницу. Машеньке пять лет, у неё светло-русые косы, большие, светящиеся любопытством, серые глаза. Она нетерпеливо дёргает ручки старинного комода, пытаясь выдвинуть ящик.

– Здесь?

– Погоди ты, егоза! – бабушка выдвигает тяжелый ящик и выкладывает на стол большие полотняные свёртки.

Маша прыгает то на одной, то на другой ножке:

– Бабулечка! Ну скорей, скорей! Давай развернём!

Бабушка аккуратно разворачивает и осторожно берёт в руки спрятанное там полотно кружевное. Маша с восторгом и затаённым дыханием разглядывает кружево в бабушкиных руках – пусть и мала ещё, а знает, что руки, прежде чем трогать кружево, надо мыть с мылом. Хоть они и чистые, на Машин взгляд.

– Да, бабулечка, сейчас! – бегом несётся мыть руки.

Бабушка тем временем разворачивает следующий свёрток и вынимает следующее кружево. Взволнованно

разглядывает тонкое переплетение нитей: «Вот ведь как мама плела! Тоненько-тоненько, тугие плетешки, полотняночки, а насновки – словно зёрнышки – ровные, плотные! Мои кружева тоже высокого качества, но у меня всё было для плетения – и подушка плотная, да мягкая, булавки металлические, длинные, острые, как в масло, входят в подушку! Плети себе в удовольствие! А маме-то пришлось нелегко! У неё не было этих металлических булавок. Вырезали их из гусиных перьев.... Да и что там, в деревне сибирской было?» Но тут вернулась Машенька, внучка ненаглядная! Руки вымыла, личико сияет радостно!

– Бабулечка! Ты уже развернула! – затаив дыхание Маша подхватила скатерть из небелёного льна. – Бабушка, это на стол стелить или на кровать?

– Это скатерть, стелить её на стол на Рождество, да на Пасху.

– Бабуль, а ты меня научишь так делать? Ты ведь и сама умеешь плести! Бабуль, давай дальше смотреть! А то эта скатерть какая-то желтая, старая, наверное!

– Старая, конечно, её плела ещё твоя прабабушка.

– Кто? Прабабушка? Это кто? – спросила изумлённая внучка.

– Прабабушка – это мама твоей бабушки, то есть, моя мама.

– Как, а разве у бабушек бывает мама?

– Бывает, только моя мама давно ушла на небо. Вот смотрит сейчас на нас с тобой и радуется, что ты кружевами любуешься да хочешь научиться их плести.

Маша внимательно разглядывает узоры старинной скатерти, водит пальчиком по искусно выполненному «розану» и размышляет над неразрешимой задачей – у

бабушки, оказывается, тоже мама была! А сейчас вот ушла куда-то на небо….

– Бабуль, а моя прабабушка старенькая была? Она умерла, да?

– Да, Маша, она была старенькая и умерла. Зато какие кружева после себя оставила! Вот это называется «розан» – видишь, похож цветочек на розовый бутон.

– Бутон – это когда роза еще не совсем расцвела? Да, бабуль?

– Да, Маша, эта роза еще не расцвела. У неё всё впереди, как у тебя, – ты у нас тоже бутончик сладенький! – бабушка поцеловала девочку в золотистую макушку, пригладила ладонью пушистые кудряшки, выбившиеся из туго заплетённых косичек.

– Ну всё, давай дальше смотреть твои богатства!

– Давай, только прежде надо эту скатерть убрать, аккуратно её в полотно завернём, чтобы хранилась хорошо. А праздник придёт – достанем, на столе расстелем, да цветы поставим – розы или другие какие, красивые. Вот смотри: занавески на окна. Это уже моя работа, долго я их плела, твой папа был маленький, болел часто, да ещё и дядя твой родился! Успевала только убрать в доме да накормить домочадцев. Дедушка тогда работал много, часто уезжал в командировки. А я одна с двумя маленькими! И всё равно, хоть ночью, хоть немножко, да сидела за пяльцами!

– Занавески мы тоже на праздник достанем?

– Можно и не ждать праздника. Вот потеплеет на улице, мы окна откроем, вымоем до блеска и повесим кружевные занавески. А то зима пока не позволяет окна мыть, сама узоры рисует. Гляди, как красиво мороз нарисовал! Да не облизывай окно, не надо!

– Бабулечка, а ты сможешь морозный узор выплести?

– Если ты мне его нарисуешь, то попробую. Мы ведь с мамой больше цветы плели. Мама сколки делала, а я по ним училась.

– Что она делала? Сколки? Это что такое?

– Ты видела, как на подушке прикреплён рисунок? Да не просто рисунок, а в нём все тайны работы записаны – где начать, где и как повернуть, где решётки и розетки вставлять. То есть, рисунок, в котором порядок работы определён. Это и есть сколок.

Бабушка убрала занавески и поглядела на внучку – не устала ли девочка? Дети ведь не могут долго заниматься чем-то одним.

– Ну что, дальше посмотрим, или в другой раз?

– Смотреть будем. А что там ещё есть? – заглянула в ящик комода Маша.

– Вот прабабушка твоя мне на свадьбу накидку плела! И была я краше всякой королевы!

– Ой! Накинь на меня скорее! Ой! До самого пола! Бабуль, мне корону надо! Я тоже хочу быть королевой!

– А чем это мои девочки тут заняты? Опять наряжаются! – раздался голос из открывшейся двери.

– Дедуля! – поскакала Маша навстречу деду.

– Да мне ж тебя и не поднять, пока руки не вымою! Ишь, в кружева нарядилась! – дед поцеловал Машину макушку. – Погоди, милая, дай, разденусь.

– Ну что, Маша, давай дедулю будем кормить, а то он с работы да с мороза вернулся. – И обращаясь к мужу: – Ты ужинать сейчас будешь или ребят подождёшь?

– Подожду, конечно. А вы, я гляжу, богатства свои примеряете? Маша твою накидку свадебную приглядела? Да-а, вырастет, оглянуться не успеешь....

– Господь с тобой, мала она ещё. Но кружевом интересуется, словно понимает, в чем его ценность. Просила,

чтобы я её научила. Да какой из меня учитель? – приговаривала бабушка, аккуратно убирая заветные кружева на место.

...Прошли годы. Маше – семнадцать. Она выросла, превратившись в красивую, высокую, стройную девушку.

– Бабулечка! Посмотри, что я принесла! – Маша вынимает из дорожной сумки большой тканевый свёрток, – сейчас, только руки вымою! Глаза Маши сияют от счастья, и оттого кажутся не серыми, а радужными, словно разноцветные искорки прячутся в густых ресницах.

– Ну, давай, егоза, показывай! ...Ах, мамочка! Маша, да ведь ты никак морозный узор выплела?! – всплеснула руками бабушка, развернув сложенный в солидную трубу свёрток. – Ай, молодец!

– Как тебе, бабулечка, нравится? Девчонки в нашей кружевной студии не верили, что я справлюсь с плетением, когда мой рисунок увидели. А я взяла, да и сплела эту скатерть. Чем я хуже моей бабулечки и моей прабабулечки? – Маша заправила в тугой узел волос непокорные вьющиеся прядки.

– Да, Маша, ничем не хуже ты твоей прабабулечки. А вот меня обошла! Сама себе художница, сама себе плетея! Так только мама моя могла... – зачаровано смотрела женщина на произведение внучки – большую, более метра в диаметре, кружевную плетёную скатерть.

– А хорошая я ученица, да?

– Да, и хвастунишка ты хорошая! Да, молодец-молодец! Иди поцелую! Такую работу сотворила – ни в сказке сказать...

Маша обняла бабушку, ставшую ниже неё на целую голову.

– Знаешь, бабуль, я ведь, когда плела, всё время думала о прабабушке: как-то она посмотрела бы на мою работу, а вдруг что-то бы ей не понравилось? И всегда, если какой-то элемент не получался, расплетала и переделывала. Даже нитки паром от чайника обрабатывала, чтобы выпрямились, и чтобы не видно было переделку.

– Молодец ты у меня, Машенька! Только нитки совсем не обязательно было распаривать – они и без того выпрямятся, это ведь лён, а не шерсть. А всё равно ты моя гордость, моя умница!

– А расскажи мне о прабабушке. Как она в Сибирь попала?

– Попала в Сибирь по любви великой твоя прабабушка. Она ведь из семьи зажиточной, крепкой была. Её тоже, как тебя, Марией звали… И жениха ей тогда подыскали тоже из богатых. Дело шло к свадьбе. А тут солдат Фёдор с войны вернулся – ни дома, ни хаты. Пока воевал – это была Первая мировая, Гражданская война – родители его умерли. Дом полуразрушен, ветер в горнице гуляет… И ведь как только встретил Машеньку, так и потерял голову! Когда уходил воевать, она ещё девчонкой малой была. А тут такая выросла красавица, да умница. А Маша-то его, оказывается, ещё раньше полюбила, когда совсем была махонькая! Он тогда и внимания не обращал на такую малую. А сейчас! Одна беда – свадьба. Да братья Машины больно строго следили за ней – невеста на выданье, всё честь по чести. Только вот не уследили. Потому что нет такой силы, которая могла бы настоящую любовь пересилить! У Фёдора, прадеда твоего, моего папы, в сибирской деревне далёкие родственники жили, ещё по Столыпинской реформе уехали в деревню Малиновку. Так вот, в чём были молодые, в том и бежали. Ехали очень долго – революция уже случи-

лась, война закончилась, а поезда всё никак не ходили по расписанию. Почти полгода добирались. Фёдор на станциях то дрова колоть нанимался, то ещё каким ремеслом старался заработать. Да и Мария в поле помогала бабам, в городах нанималась на разные работы… Папа рассказывал, как увидел на руках Маши мозоли, плакал. Дал себе слово, что не будет его жена больше тяжело работать! Долго ли, коротко ли, а приехали к своим в Малиновку. Деревня глухая была, да зажиточная, крестьянство – крепкое. Баню им затопили, накормили досыта, велели три дня отдыхать, сил набираться, отварами поили. В общем, гости, хоть и нежданные, но желанные. Сначала жили у папиного дядьки, где им угол отвели. Молодые помогали по хозяйству, как могли. А потом свой дом поставили. Папа-то наш мастеровой был – и плотник, и печник – многое умел. А мама начала потихоньку коклюшки из прутьев выстругивать, попросила у хозяйки старые холстины, да подушку для кружев сшила. Сеном набила её. Папа тогда и пяльцы смастерил, и коклюшки обточил, чтобы гладкие были да ручки любимые не занозили. Вот только не было у неё булавок наших, металлических. Иголки швейные не годятся, сама понимаешь, да и дороги больно были иголки. Тут-то папа и придумал – из гусиных перьев нарезал! Мама попробовала – получается! Так и пошло дело. Первое время на кружеве и выживали. Мама рисовала наброски, да по ним и плела. Люди меняли на продукты. Жили по соседству латыши-переселенцы, так у них станки ткацкие мудрёные были – их ткачество было шестирядным, сейчас жаккард называется, так мама и этому ткачеству научилась! Папа ей такой же станок смастерил, и ткала она, но немного, для себя. А кружево плести так никто и не научился, мама была единствен-

ная на всю обозримую Сибирь! Уж когда родители обвенчались, да братья мои родились, а потом и я, мама меньше времени проводила за пяльцами. Пока мы не подросли. Но меня научила плетению. Вот со сколками у меня беда – плела я только по маминым, сама не рисовала. Зато вот тебе Боженька дар послал! Знаешь, Машенька, я такая счастливая – мастерство наше будет жить и после нас! Ты своим дочкам передашь, они – своим. Так и будет наше кружевце совершенствоваться – год от году, век от веку!

– Бабуль, какие же дочки и внучки! Я ведь собралась в институт поступать! Когда-то они у меня появятся! И вообще, а если мальчишки только будут? Ну, как у тебя, сыновья?

– Нет, Маша, будут, обязательно будут у тебя и дочки, и внучки! Бог обязательно их тебе подарит, если такой талант подарил! Да и мальчишек обучишь – вон, как много мужчин сейчас кружева плетут во всём мире – ты сама мне показывала фото. В институт ты непременно поступишь, выучишься. Ведь не завтра тебе замуж выходить! А от кружева всё равно никуда не денешься!

Бабушка и внучка сидели на диване, обнявшись, думали каждая о своём, сокровенном. Маша мысленно рассматривала новый узор нового кружева – задумала сплести одуванчики на лугу, да чтобы такие же воздушные и лёгкие, как настоящие! А бабушка мечтала о том, что бесценное мастерство кружевниц, таких, как её мама и внучка, останется в дар следующим поколениям. И не знали, не ведали, что придёт время, и Маша передаст секреты мастерства не только дочке своей, а ещё сотням и сотням учениц – новым кружевницам…

Советы бывалых...

Всякого, кто хотя бы шапочно знаком с пытками сочинительства, можно избавить от подробностей: как он писал и испытывал удовлетворение, читал и испытывал омерзение; правил и рвал, вымарывал, вписывал; приходил в восторг, приходил в отчаяние; с вечера почивал на лаврах и утром вскакивал как ужаленный; ухватывал мысль и ее терял; уже видел перед собою всю книгу, и вдруг она пропадала; разыгрывал за едою роли своих персонажей, их выкрикивал на ходу; вдруг плакал, вдруг хохотал; метался от одного стиля к другому: то избирал героический, пышный, то бедноватый, простой, то Темпейские долины, то поля Кента и Корнуолла – и никак не мог решить: божественнейший ли он гений или самый жуткий дурак на всем белом свете.

Вирджиния Вулф

ВАЛЕНТИНА

ЧАЙКОВСКАЯ

Нельзя войти в литературу просто так...

...Для этого необходимо, чтобы в душе взошло, созрело, раскрылось что-то лёгкое, воздушное и... зрелое, как в одуванчике, например. Когда он раскрывается, то уже готов без сожаления развеять по миру созревшие семена своей сущности, себя – откровенного, готового сеять и дарить, совершенствуясь в дивном парашютном полёте, облагораживая и облагораживаясь одновременно. И очень важно для писателя избрать такую форму произведения, чтобы в ней было выражено ёмкое содержание. А это труд, и немалый! Ещё когда-то Остап Вишня писал: «Когда входишь в литературу, вытирай ноги! Не забывай, что там был Пушкин, был Гоголь, был Шевченко!»

...Кто-то из великих сказал, что можно научить писать, но нельзя научить творить. Муза нужна! Она, как любовь! Или она есть, или её нет. Да и как же без любви?.. А искусственной любви не бывает, иначе – у неё совсем другое название... Фальшивые слова, которые используют без души, имеют свойство убивать истинное чувство, и мудрый читатель это мгновенно чувствует!

Писатель обязан подать читателю словесное «блюдо» свежим, дымящимся, наполняющим желанием испробовать, прикоснуться, увидеть, ощутить на вкус и запах.

СОНЕТ ИЕРУСАЛИМУ

Под призрачной сенью забытых веков
Застыли верхушки немых куполов.
Как будто ладонями тянутся к Богу
Ожившие церкви, мечеть, синагоги.
И трепетом в сердце откликнулся зов:
В нём строгость и нежность, и Мощь, и Любовь!
Вспорхнула, как белая птица, незримо,
Молитва из лона Иерусалима.
Из неги прозрачно таинственных снов
Взывают Скрижали собраться под кров.
И ласково в тень зазывают маслины,
В любви они с Небом извечно едины.
И сходятся в град все земные пути.
Отсюда намного слышнее «ПРОСТИ!»…

ОБЖИГАЯ БОСЫЕ СТУПНИ

Украине

По невидимым тропам, заросшим полынью с крапивой,
Бродит память в ночи, обжигая босые ступни.
Лишь крылечко узрев, под родимою старенькой сливой –
Как дитя задрожит, что впервые припало к груди.
Покосились врата, завалилась от времени крыша,
Только тот же колодец да ржавое рядом ведро,
Только сердце моё поднимается выше и выше,
Изнутри вдруг пробив занемевшее в теле ребро.

НЕ ПОСТИЧЬ, НЕ ЛЮБЯ

Сонет

Уходят февральских морозов мгновенья,
Шнурует пуанты принцесса-Весна:
Лишь в танце пройдётся, и па вдохновенья
Пробудят природу от зимнего сна.

Ручьи растекутся, взывая к цветенью,
Проснутся хохлатка, подснежник, ирис –
И радуясь шумно такому мгновенью,
Захлопают крыльями пчёлы на «Бис»!

Коснётся легонько земли балерина,
И примула, робко надев пелерину,
Вослед засмеётся Весне желтизной.

И всё это будет. Не верь в зимний холод.
Тепло мы рождаем внутри у себя –
Ведь тайну Весны не постичь, не любя!

НИАГАРА

Мы вошли в этот август из разных сюжетов:
Кто-то птицей, парящей над шёлковым летом,
Кто-то старцем седым – молчаливым и мудрым,
Что в духовном забыл о страстях Камасутры.
В миллиард водных струй самой мощной гитары
Вплетен рёв и величие вод Ниагары!
И душа, замерев на пути бесконечном,
От земного уходит. Встречается с Вечным.

ЗЕРКАЛЬНАЯ ДОРОГА

Мы на цыпочках выше немного.
Может быть… Но в угоду кому?
Ведь дорога, ведущая к Богу,
Из зеркал – все одно к одному.
Только в танце мечты балерина,
Возвышаясь на цыпочках вмиг,
Так бывает до боли невинна,
Что слеза застилает мой стих.

В ПТИЧЬЕМ ЦАРСТВЕ

Окончен бой, утихли страсти.
На пике ль нравственных начал
Венец кого-то увенчал?
И был ли бой за приз так честен,
Чтоб солнца луч играл внутри,
Орлы, вороны, глухари?
Да полно вам! Не греет слава,
А греет луч «Отдать!» в душе –
Не завтра, а сейчас!!! Уже!
И если крылья, словно локти,
Болят и ноют от труда:
Любой ценой наверх! Беда!
Беда – узнать в орле… сороку,
В вороне – грифа. Час всплакнуть.
В наградах ли всей жизни суть?!

КОСНУЛАСЬ НОЧЬ

Коснулась ночь тончайшим креп-жоржетом
Багровых уст тревожного заката.
Чуть томным взглядом отмела запреты,
Ласкала, гладила, звала куда-то.
Вложил закат в усладу поцелуя
Весь жар тонов горячего прощанья.
Темнела Ночь, взошла заря, волнуясь.
Дрожали росы – чада их свиданья.

ПОКА ДЫШУ!

Ты в юности любил меня за ножки «супер»,
За талию модели, нос (чуть-чуть еврейский),
За громкий смех, вводящий в счастья ступор,
За нрав мой мягкий украинско-компанейский.
Ах годы, годы... Улетели молча в небыль,
Уже до свадьбы золотой – подать рукою.
А мы по-прежнему так выглядим нелепо,
Когда бываем только «сам на сам» с тобою.
Но как-то мне сегодня вникнуть в суть труднее:
За что меня ты любишь? Не пойму порою...
Ведь мы с тобой, родной, отнюдь не молодеем.
Сединки... Шире талия (Хоть и не вдвое!)
Ложатся на чело морщинки нотным станом.
Впишу в нём «ноты ласки» нежным поцелуем!
И... знаешь, милый мой, ведь я не перестану
Любить тебя всегда! Любить – пока дышу я!

ОТЦУ

Знаешь, папа, мне нынче приснилось,
Что ты жив, и такой молодой…
Сердце в ритме тревожном забилось:
Можно я повинюсь пред тобой?
Как могла не спросить я когда-то,
Где же в голову ранен был ты?
Просыпаюсь с душой виноватой.
Память… Фото… Родные черты!
Не спросила… но знаю, что рядом
Смерть, как тень, до Берлина брела.
Что ты чувствовал там – в сорок пятом,
В сотнях миль от родного села?
Вспоминал ли детей поседевших
На дорогах военных в пути?
Или близких – убитых, сгоревших?
Мне ответов сейчас не найти.
Распустились сады цветом пышным,
День Победы… А в сердце печаль.
И сжимаю с теплом необычным
Орден Славы… Слеза невзначай.
В каждом встреченном мной ветеране
Вижу отблеск отеческих глаз.
Знаю точно – душа не устанет
Низко всем поклониться СЕЙЧАС.

ЛЮБИМОЙ

Ты входишь как с холста мадонна,
Не торопясь из неги сонной.
Как в майской радости весна,
Страстей упрятанных полна.
Нрав, как поток струится горный,
Огонь во взгляде непокорный.
До дрожи ты со мной честна:
А жизнь по графику – тесна.
Но как же… Как же ты умеешь
Быть ярче солнца, если греешь?!
Быть самой любящей на свете,
За нас двоих бывать в ответе?
Как синь морская – быть загадкой:
То горькой, то безумно сладкой.
Порой тебя обнять не смею,
А ночи вспоминая, млею…
Ты королева дня и ночи!
Умеешь рвать невзгоды в клочья.
Весною быть и знойным летом,
В любви не знающей запретов!

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Подкралась тихо осень к моей родной Волыни,
Уплыли молча в Вечность фиалковые дни.
Лишь только бабье лето да терпкий дух полыни,
Сплетаясь кружевами, ложатся вдоль стерни.

А в жёлтой краске клёнов есть жертва отреченья,
Величия отдачи печально-светлый блюз.
И каждый лист осенний имеет назначенье –
Слагает красотою с моей душой союз.

Ложатся нотным станом на лоб уже морщинки,
Кружится в тихом танце огнистый дождь берёз.
Возможно, отдавая, как Осень, без запинки,
Душа приобретает всё лучшее из грез.

АЛЕКСАНДР

ВАСИЛЕНКО

В ШКОЛУ

– Сегодня на ужин будет кукурузная каша, – сказала мама. Она вертела в руках три твердых кукурузных зерна. Мама верила, что эти, выпавшие из попкорновского пакета невзорвашиеся зерна, – добровольный дар хозяев дома им – кобольдам, хранителям очага.

А что оставалось делать? Эти большие люди совсем перестали верить в гномов, леприконов, да и в кобольдов тоже. Никто теперь не ставит чашечку с молоком, не говоря уж о сливках, на ночь. Никто не насыплет хлебных крошек в углу. Забыли люди о верных помощниках по хозяйству и хранителях очага. Да и помогать по хозяйству становится все трудней. Стараниями ужасно гремящей и завывающей техники в доме всегда чисто, пауки и мошки отравлены вонючими аэрозолями, а из домашних животных в доме водятся только разноцветные рыбки в стеклянном ящике.

Дом, где поселились Малыш с мамой, – абсолютно новый. В нем не было уютной печки, только батареи центрального отопления да камин со стеклянной дверкой, который и разжигали-то всего лишь несколько раз в году. Старый дом, где раньше проживала мама, снесли. И мама переселилась в новый, возведенный на том же месте. А Малыш появился уже в этом, новом доме. Так уж заведено у кобольдов: строятся дома – растет население хранителей очага. Кто-то же должен помогать людям по хозяйству. Малышу как раз предстояло быть душой соседского, строящегося дома. Но пока что делать там ему было абсолютно нечего. Рабочие возвели стены, вставили окна, подвели трубы и кабеля и даже оштукатурили внутри. Осталось только отделать дом снаружи, да привести в порядок двор. Но почему-то все работы

остановились, двор зарос сорняками, деревья одичали. Вот и живет Малыш с мамой – ждет, когда же хоть кто-нибудь заселится в его дом и ему можно будет помогать новым жильцам по хозяйству.

Лето, между тем, продолжалось. Хозяева дома, где жил Малыш с мамой, вернулись из отпуска и распаковывали чемоданы. Мальчик по имени Тим, уже лез на дерево, соседская собачка лаяла на него через забор, обижаясь на невнимание. Привыкшие за две недели самостоятельно хозяйствовать на участке, черные дрозды скакали с недовольным видом на дальнем конце лужайки.

– Эту вазочку и конфеты я подарю соседке, – между тем рассуждала хозяйка дома, – а вот этого кобольда поставлю Тиму в комнату.

Кобольда? Малыш высунулся из укрытия. Бр-р-р. Какой отвратительный тип! Обидно даже, что люди совсем не знают, как по-настоящему выглядим мы, кобольды, и изображают нас смешными и безобразными!

– Разобью! – решил Малыш. – Разобью эту статуэтку. Как же так? Мы им помогаем, а они смеются над нами!

Он уже собирался пойти и пожаловаться маме, но в это время во двор въехала серебристая машина, и оттуда вышли дедушка и бабушка Тима.

– А мы из отпуска вернулись! – громко прокричал тот с вершины дерева.

– А мы тебе ранец для школы купили! – услышал он в ответ.

Тим, конечно, знал какой ранец ему купили, сам выбирал. Однако одно дело – ранец на картинке в проспекте, другое дело – вот он на самом деле! Тим проворно спустился с кипариса и занялся рассматриванием той кучи сокровищ, которая переполняла его ранец: пенал, сумка для обуви, фляжка для сока и воды... Нако-

нец, ранец одели Тиму на спину, подогнали ремни, и он гордо замаршировал по комнате.

– А для чего Тиму этот ранец? – спросил Малыш, вернувшись к маме.

– В школу он скоро пойдет, – объяснила мама. – Школа – это такой очень большой дом, где учатся дети хозяев.

– Все дети? – уточнил Малыш.

– Все. После того как им исполнится семь лет.

– А дети кобольдов тоже ходят в школу? – с сомнением в голосе осведомился Малыш.

– Нет, дорогой, – вздохнула мама, – кобольды учатся у взрослых, у природы, друг у друга... ну и у людей кое-что перенимают.

– Хм... – промолвил маленький кобольд и легкой тенью проскользнул в коридор, где теперь с ранцем на спине маршировал Тим. Чтобы удобнее было наблюдать, Малыш залез в щель между шкафом и стенкой. И почему они не заведут кота? Тогда бы я обернулся котенком и свободно бы гулял по дому в любое время дня и ночи...

Но вот и настал день, когда нарядный Тим с папой, мамой, бабушками и дедушками поехал в школу. Малыш пробрался в машину, влез в замурзанного плюшевого котенка, по приезде проехался на черном дрозде и, наконец, бледной тенью просочился в школьный зал.

Боже мой! Сколько же в зале взрослых, сколько же здесь детей! Мальчики и девочки нарядные, с ранцами и огромными кульками. Маленький кобольд прошмыгнул к Тиму в ранец и затаился там среди книг и тетрадок. А на сцену вышли дети, которые проучились в школе уже целый год. Они поприветствовали новичков. Потом показали рисунки и буквы, а так же спели пес-

ню, в которой говорилось, что все дети должны учиться читать.

– Хм… – задумался Малыш, – а что же это такое – читать, и почему это так важно? Тут ранец вдруг взлетел, – это поднялся Тим и торопливо зашагал на сцену. Здесь первоклассников построили, дали напутствие и, наконец, отправили в класс.

В классе к Малышу в ранец забрался местный кобольд, наглый, дерзкий и очень похожий на противную игрушку. Этот грубиян был очень недоволен вторжением Малыша в его владения.

– Это мое здание! Ты зачем сюда заявился, а?! Попробуй только вылезти! – прошипел скороговоркой местный, показал кулак и злобной тенью вытек из ранца.

Вернувшись с Тимом из школы, Малыш дождался, когда все куда-то уехали и выкарабкался из ранца.

– Почему детям кобольдов нельзя ходить в школу? – всхлипнул Малыш, прижавшись к маме. – Ведь там так интересно!

– Сам рассуди, – начала успокаивать его мама, – школа – это то место, где человеческие детеныши учатся тому, как им жить в этом мире, когда они вырастут. Нам кобольдам не нужна школа…

– Школа, это здорово! – не унимался Малыш. – Там учат читать!

Мама задумалась.

– Ну читать-то кто ж тебя научит? А всему другому… А давай мы сделаем школу в твоем, пока что нежилом доме. Соберем порхающих без толку элементалей, всяких мелких духов. Усадим их рядками…

– А кто их будет обучать? – недоверчиво заскулил Малыш. Идея ему понравилась, только он очень сомневался, откликнется ли эта мелочь на мамину затею.

– Ну… – снова протянула мама, – что-то могу рассказать я. Позовем на пару уроков соседа кобольда – Клауса.

Самодельная школа ничего хорошего не дала. Окрестные мелкие духи и залетные элементали поначалу загорелись желанием поиграть в доселе невиданную игру – школу. Но ни у кого из них не хватило терпения просидеть смирно даже один час занятий. Минут через пятнадцать они все уже ссорились, дрались, строили друг другу всевозможные каверзы. Через полчаса обиженные и недовольные друг другом, они разбежались, оставив Малыша с мамой в пустом зале недостроенного дома.

Малыш погоревал немного и вернулся в комнату Тима, где тот готовил домашнее задание. Как только Тим отлучился, Малыш пнул кобольда-игрушку, потом уронил его на пол и попинал всласть, словно именно он был виноват в том, что самопальная школа не удалась.

Вернулся Тим, подобрал с пола несчастного кобольда, поставил его перед собой на стол и начал рассказывать и показывать ему как надо читать слоги. Малыш был вне себя от ярости. Какую-то отвратительную игрушку учат читать, а для него, настоящего кобольда, – школа не предусмотрена!

– Малыш, ты уже умеешь вселяться в плюшевые игрушки, прятаться в сумках и ранцах. Почему бы тебе не вселиться в игрушечного кобольда? – спросила мама.

– Он мне неприятен! И глаза у него не стеклянные, непрозрачные, совсем не как у плюшевых игрушек!

А Тим как раз сделал уроки и убежал играть на лужайку. Малыш тут же снова забрался на стол и уже занес ногу, чтобы всласть попинать игрушечного кобольда, как опять раздался мамин голос:

– Малыш, иди-ка сюда!

Маленький кобольд нехотя поплелся к маме, напоследок все же крепко пнув игрушку.

– Посмотри-ка! Наш сосед Клаус сотворил для тебя чудесное зерно!

– И что же в нем необыкновенного? – ворчливо промолвил Малыш, рассматривая невзрачную крупицу горного камня.

– Вот! – мама протянула ему кусочек искрящейся слюды. – Если прикрепить чудесное зерно вот сюда, то эта зачарованная слюда позволит тебе видеть и слышать все, что происходит в этой комнате, где бы ты не находился.

– И что?

– Прикрепишь зерно куда-нибудь в комнату к Тиму, когда он делает уроки, и все будешь видеть и слышать.

– И куда же я его прикреплю? Тим показывает и рассказывает все только этому противному игрушечному кобольду. И куда ни прикрепи – этот урод все загородит.

– Ну тогда и прикрепи к этому кобольду! – сказала мама. – У этой игрушки прямо над ухом торчит кончик пушистого хвоста. Вот и место!

Малыш оказался на редкость способным учеником, а быть может, Тим был талантливым учителем. Вскоре они оба могли вполне сносно читать. А в свободное время Малыш уже самостоятельно учился писать, выводя на песке кривые, но узнаваемые буквы. Однажды он снова забрался к Тиму в ранец и оказался в школе. Там он показал язык местному кобольду-зазнайке, который прожив столько лет в классе, не знал и половины букв! И убедившись, что он не намного отстал от мальчиков и девочек, Малыш с новым усердием налег на занятия.

Советы бывалых...

Забудьте о книгах, которые хотите написать. Думайте только о той, что пишете.

Генри Миллер

ИРИНА
ЯВОРОВСКАЯ

Автор должен...

...Обладать интересом к жизни, ко всему, что происходит в ней, а также трудолюбием, целеустремлённостью, умением «держать удар», общаться с аудиторией, любить своё окружение. И постоянно совершенствоваться.

...Без Музы не обойтись. Просто набор слов – не есть творчество. А привлечь её можно и нужно собственным горением, восприятием жизни и неравнодушием ко всему, что трогает душу.

...Критика – дело серьёзное. И она нужна. Она помогает развитию автора. Она может быть горькой, безапелляционной, даже разрушительной. Но если дар сильнее, автор будет писать и дальше. Ни апломб, ни самолюбование – не помощники. А критика заставляет пересмотреть всё, что сделано, и удалить ненужное и вычурное, высветив самое достойное.

...Чтобы донести плоды творчества до читателей, надо писать, издавать, устраивать авторские вечера, встречи, презентации, общаться с кругом единомышленников, дарить свои книги заинтересованным людям. И если творческий потенциал проявлен, автор не останется незамеченным.

Побольше тепла, доверия и любви, и тогда и читатель, и слушатель – ваши!

* * *

Была та осень
и красива, и светла,
тебя любила я,
любила и ждала,
но всё ушло как лёгкий сон,
как листьев пляс,
и колокольный перезвон
уж не для нас.
Остались память
и задумчивая грусть,
в которой я и разбираться не берусь,
остался листьев золотых
волшебный свет,
хотя давно уж в снах моих
другой сюжет.

И пусть всё так,
и пусть рубин того вина
в судьбе, как знак,
как полуночная Луна,
чей улыбающийся лик
влечёт всегда…
Порой дороже века миг,
и пыль… года.

* * *

Волна легка, почти воздушна,
над ней тумана кисея,
и жмётся к берегу послушно
любая звонкая струя.

И берег рад её движенью,
и дарит лепестки цветов,
как знак любви и восхищенья,
понятный каждому без слов.

Убрав туманную помеху,
скользя в лазурной глубине,
лукаво солнце смотрит сверху
и тоже тянется к волне.

Она искрится и трепещет,
она танцует и поёт,
и ветерок стремится вещий
позвать её с собой в полёт.

Всё хорошо. Весь мир прекрасен,
в любом мазке неповторим,
и это всё зовётся счастьем,
когда ты любишь и любим.

* * *

Чужую боль воспринимаю как свою,
и даже больше, если понимаю,
что человек буквально на краю,
хотя ещё не замечает края.

И за него я Господа прошу
(молитва о другом угодна Богу),
и своего волненья не гашу,
стремясь хоть как-то оказать подмогу.

Душа моя неуспокоенно горит,
когда я вижу чьё-то истинное горе,
когда слеза неудержимая скользит
в миг ощущенья проигрыша в споре.

Да, равнодушью в моей жизни места нет,
и пусть порой решить проблему очень трудно,
но без борьбы не может быть побед,
без веры в чудо – не бывает чуда.

Я за других болею. И себя
спасаю этим. Знаю, что спасаю,
и, значит, не бесплодна жизнь моя,
хоть иногда я и сама иду по краю…

НАУЧИСЬ У ОСЕНИ

Златовласая осень
ни о чём не расспросит,
разрешенья не спросит,
приходя в свой черёд.
Но в красе увяданья
ни тоски, ни страданья –
только явь обаянья,
только птичий исход.

В сказке красок осенних
ни мольбы, ни сомнений,
лишь одно упоенье
зоревой чистотой.
Золотые восходы
и прозрачные воды,
и дыханье свободы,
и вселенский покой.

Ничего не расскажет,
никогда не накажет,
но радушно покажет
все чертоги свои,
чтобы сердцу запелось,
и душе захотелось
ласку, верность и смелость
умножать для любви…

УРАЛЬСКИЕ МОРОЗЫ

Помню лютые морозы,
под ногами снег «визжал»,
превращались в льдинки слёзы,
не выдерживал металл.

Но хотела я учиться
и бежала как могла,
и летела словно птица
в дом, где знаний и тепла

мне давали в изобилье,
научая не робеть,
не выказывать бессилье
и уметь других согреть.

Это было. Это жило
в сердце много трудных лет,
я себя в себе растила,
разрывая путы бед.

Изнывала, но не пала,
уставала, но несла
всё, что мне судьба давала,
всё, что выдержать могла.

Я совсем не героиня,
но честна перед собой
и честна перед другими
в ситуации любой.

Нет во мне ни зла, ни позы,
не ропщу я никогда,
потому что те морозы
закалили навсегда…

* * *

Чтоб яркий след ликующей зари
вдохнул в тебя предвиденье решенья,
цель обозначь и вслух проговори,
уверовав в своё предназначенье.

Тогда и вся Вселенная тотчас
твоим надёжным добрым другом станет,
вовек не подведёт и не предаст,
и ни в большом, ни в малом не обманет.

И море счастья испытаешь ты,
себя добру и миру отдавая,
и самые прекрасные мечты
в живую явь с любовью воплощая.

Романтика? Да нет. Святой закон.
Лишь так и только так
должно быть всюду:
в чреде эпох, в движении времён,
в непреходящей, вечной
тяге к чуду…

* * *

Иллюзии порой смешны,
порой забавны и наивны,
но в них и чувство новизны,
и жажда быть всегда счастливым.

Они порою могут греть
своим незримым обаяньем,
и помогают одолеть
колючки разочарованья.

Они уносят далеко
от всех проблем и поражений,
с тоской справляются легко
и просто прогоняют тени.

Так пусть живут,
кто знает, вдруг,
не заносясь и не лукавя,
иные станут доброй явью,
сердечный вылечат недуг…

* * *

В жизни всякое бывало,
как любому суждено,
но душа не остывала
и не падала на дно.
Позабыв про все причины,
чтобы взять и утонуть,
выбиралась из пучины,
находила новый путь.

И поэтому наверно
что-то всё-таки сбылось,
и большого друга верность
не утратилась от гроз.
И хотя порой жестоки
проявленья бытия,
но живых надежд истоки
не оставили меня.

И волна волну колышет,
и маяк мой не погас,
и Господь молитвы слышит,
отвечая каждый раз.

* * *

Сквозь тьму противоречий продираясь,
находимся мы в поиске всегда,
и отыскав своих свершений завязь,
спешим как одержимые туда.

Туда, где может главное случиться,
откроются порталы в мир иной,
и каждая мечта овеществится,
ставь явью, упоительно хмельной.

Мы – люди мира, космоса посевы,
нам в радость начертания орбит,
где нет ни лжи, ни войн, ни тьмы,
ни гнева,
и только свет во всём руководит.

Спешим к нему, порой крича от боли,
и падая, и тьму в себе круша,
и понимаем: только так недоли
не примет неуёмная душа…

* * *

Ни ужас трясин,
приукрашенных мхом,
ни дебри блужданий,
ни плач на ветру,
ни явь, где так часто
тревожно и плохо,
не смогут закрыть нам дороги к добру.
И как бы порою мы жизнь ни ругали,
о чём-то несбывшемся грустно скорбя,
на новом витке бесконечной спирали
мы встретимся снова, смеясь и любя.
Мы прошлое вспомним, о будущем грезя,
и выпьем за то, что судьба нас свела
под главным из тех миллионов созвездий,
которые дарят влюблённым крыла.
Мы выстоим, выдержим, всё одолеем,
надежду и веру опорою взяв,
и станет зима расставанья теплее,
и лето откликнется шёпотом трав.
И всё, что когда-то казалось едва ли
для нас достижимым,
сквозь все рубежи
на новом витке бесконечной спирали
взойдёт как росток,
утверждающий жизнь.

ВЛАДИМИР **ИВАНОВ**

СИНЕПЛАНЕТЯНЕ, ОХОТА НА СИНИХ КИТОВ

Под настроение

Где реки синие утонут в синеве океанов,
По отражениям небес плывут аэропланы,
Среди них, синих китов, гигантские тени
Плывут мимо льдин, где ленятся тюлени.

На самой на синей на свете планете
Краснеют за взрослых самые сильные дети,
Синь глаз прояснится по мере интриги,
Синие взрослые и дети – цвета индиго.

Синих китов перехватив тревожное дыхание,
Тотчас явилась охотников дружных компания,
И крошкам исполинов помешать, не дать уйти,
Разбоем окружив, помехой став на их пути.

На самой на синей на свете планете
Резвятся по взрослому самые стильные дети,
Синь глаз прояснится по мере интриги,
Синие взрослые и дети – цвета индиго.

Там сети распустив с охотничьей позиции,
Велят китам нарушить океанские традиции,
Точат клыки касатки и гарпуны мясники,
Искусно от укусов скройте хвост и плавники.

На самой на синей на свете планете
Краснеют за взрослых самые сильные дети,
Синь глаз прояснится по мере интриги,
Синие взрослые и дети – цвета индиго.

В море китов будет охота, навострите ушки,
Акулы ждут, им приступить к разделу тушки,
Отчаянным зарыться головой в морской песок,
Где роковому утру наступает крайний срок.

На самой на синей на свете планете
Краснеют за взрослых самые сильные дети,
Синь глаз прояснится по мере интриги,
Синие взрослые и дети – цвета индиго.

На самой на синей на свете планете
Резвятся по взрослому самые стильные дети,
Синь глаз прояснится по мере интриги,
Синие взрослые и дети – цвета индиго.

* * *

On a Blue planet in swirling clouds,
Try blue for kids and blue for adults,
Blue eyes enliven twisted intrigue,
Blue in adults and children-Indigo.

* * *

Sur la plus bleue de plan;tes dans l'espace
Virent au bleu les plus bleus des enfants
(c'est une farce)
Et les yeux bleus s'eclaircissent en mesure
de l'intrigue
Les adultes et les enfants bleus – la couleur indigo

* * *

За батько і мати мусять синіти
На синій планеті самотні їх діти
Очей їх Синьота – то справжня інтрига
Дорослі і діти у барвах індиго.

PS. *Индиго/NDIGO*
О чем эта песня? Про сухопутный расизм человеческой расы. О человечности или о расизме сухопутной расы к жителям планеты Океан, хотя, что считаться с допотопными обитателями мест для свалки мусора и иных отходов жизнедеятельности человеческой цивилизации?

РУМБА МУЗЕЙНОЙ МУЗЫ

Песня

Слова любви твоей я знаю наперёд,
Тобой любуюсь, тем, что было между нами,
Стекло холодное ты протираешь изнутри,
Снаружи мне его поглаживать руками.

Припев
– Перезвоню! Сейчас, с утра, через минутку!
В клубок неспешно намотались сутки,
И ручеек из ожиданий человеческих желаний
Тонет в потоке пены тщетных обещаний.

Не зря предупреждала: – Хрупкая, не трогать!
Стекло отмылось, да себе сломала ноготь.
И кнопка жалась, дожидаясь страсти жара, –
Стекло разбилось от предчувствия пожара.

Припев 2 раза
– Перезвоню! Сейчас, с утра, через минутку!
В клубок неспешно намотались сутки,
И ручеек из ожиданий человеческих желаний
Тонет в потоке пены тщетных обещаний.

PS. *Жизнь наполовину в миражах.*
Если женщина не может решить – мужчина ей нужен как друг или любовник – в итоге теряет и то и другое.

112 – МАШИНА С ОГОНЬКОМ

Спички, свечки, игры в теле-бом,
Есть повод кошке волноваться?
Приедут, и из огня спасут ей дом,
Звонить им – Сто двенадцать!

Машина для спасателей,
Помогут всем –
Пена, вода, душевный жар.
Машина от спасителя
Поможет всем,
Поможет погасить пожар.

Сквозь строй, по особому расчету –
Сирена, мигалка, пробка, машина,
Прогонят сон, зевоту от дремоты
Спокойные и строгие мужчины.

Машина для спасателей,
Помогут всем –
Пена, вода, душевный жар.
Машина от спасителя
Поможет всем,
Поможет погасить пожар.

ОЛЬГА **ТРУБА**

Когда Человек начинает задумываться о духовном развитии?

Когда у него что-то заболевает, и он уже не может, как раньше, «крутить своё колесо»?

Или когда замечает, что обилие вкусной еды, красивой одежды, всевозможной техники и массы развлечений не делают его счастливым и не имеют смысла?

Он оглядывается вокруг и чувствует, что это всё «не то», начинает чаще смотреть на звёзды и искать ту нить, что соединяет его с ними.

А ангелы, в которых он, может, и не верит, как будто только и ждали, когда он наконец поднимет голову, и начинают «подбрасывать» Человеку людей, с которыми интересно общаться, книги, которые хочется читать, и такие ситуации, о которых он никогда не мечтал, идеи, которые со стороны могут показаться бредовыми, но ради которых хочется жить.

Человеку становится любопытно: а что будет дальше? Что я могу ещё испытать в этой жизни на этой Земле?

И хочется просто идти и смотреть.

ПРИВЕТ, СОЧИ!
Часть 2
Возвращение

Я прилетела в этот город 33 года спустя. Впервые я увидала его в 1983, когда мы, студентки гидрофака ОмСХИ, приехали в Сочи из Омска на поезде собирать урожай фруктов и чай.

Господи, сколько же всего произошло за эти годы!

Что ждёт меня на этот раз в этом городе? Когда я ехала к нему на встречу в первый раз, то представляла себе, что хочу здесь увидеть, и радовалась в ожидании какого-то чуда. Сейчас, умудрённая жизненным опытом, я не питала никаких иллюзий. И даже не забронировала комнату, где буду ночевать. Выбор в интернете был огромным, начиная от хостелов и заканчивая четырёхзвёздочными гостиницами «Родина» и «Дагомыс». Я сложила в дорожную сумку спальный мешок и полетела. Сначала – в Санкт-Петербург на пять дней, потом – на пять дней в Сочи. Будь что будет!

Соседкой в самолёте из Пулково в Сочи оказалась жительница Архангельской области, женщина чуть старше меня, пенсионерка. Так странно. В Германии женщины уходят на пенсию в 67 лет, а в 55 ещё полны сил и здоровья. В большинстве своём. Если не работают в доме престарелых медсёстрами.

Лично я последние 12 лет проработала кассиром в двух больших супермаркетах и, хотя иногда не могла поднять руки вверх из-за постоянных однообразных движений слева направо или справа налево при сканировании через кассу тысяч и тысяч маленьких и больших предметов и продуктов (интересно, сколько тонн

товара прошло через мои руки за все эти годы?), на пенсию в ближайшие годы не собиралась. Из-за того, что всегда была «на людях», тщательно следила за своей внешностью и весом, в 52 года весила 70 кг и выглядела очень даже молодо для своих лет. Хотя зарплата кассира супермаркета совсем небольшая, а муж получал пенсию в размере всего 100 Евро, я тратила много денег на различные крема для шеи и лица и духи. На французские, конечно же. В основном от фирмы Yves Rocher. Я перепробовала, пожалуй, весь парфюм от этой фирмы: Yria, Clea, Mingschu, So Elixir, Moment de Bonheur, Vanille Noire, Noix de Coco, Lilas Mauve. Две моих старшие дочери очень любили духи с сиренью, но их убрали из ассортимента. А когда с производства почему-то сняли мой любимый парфюм Neblina, я «перешла» на духи от Славы Зайцева Maroussia, производимые в Голландии. Они очень напоминают «Красную Москву» по запаху и форме флакона и очень долго не выветриваются. Если кто-то спрашивал, что у меня за парфюм, я с удовольствием рассказывала, что русский дизайнер одежды назвал эти духи по имени своей внучки. И стоили они совсем недорого по сравнению с французскими духами: флакон объёмом 15 мл – всего 4,99 Евро.

Крема от фирмы Daniel Jouvance пахнут морем. Похоже, что лаборатория на самом деле работает с дарами Атлантического океана. Но больше всего мне нравятся крема из лаборатории Доктора PIERRE RICAUD. Один только запах его RENAISSANCE de NUIT и LIFTING COU & DECOLLETE делают меня счастливой. А Avangardist, Supremage и Expert Fermete имеют не такой хороший запах, зато моментально впитываются в кожу благодаря своей желеобразной структуре. От этой фирмы у ме-

ня есть «золотая карта» и как постоянной клиентке мне даже не приходится оплачивать почтовые расходы. А ещё во всех этих фирмах есть бонус: полагаются небольшие подарки, как поощрение за заказ. От «Ив Рошера» у меня есть много украшений из натуральных камней. Все они были сделаны в Китае, но с прилагающейся гарантией на нескольких европейских языках, уверяющей, что камни – натуральные. От «Пьера Рико» подарки были более дорогие. В основном, сумки от Daniel Hechter и наручные часы, но однажды я получила цепочку и подвеску из цветного стекла. На замшевом мешочке, в котором находилось украшение, написано DE BIASI. Снизу более мелкими буквами: Glass Creations. А затем ещё мельче: Murano-Italie. Мы были в Венеции три раза, но приобретали только дешёвые сувениры, типа магнитиков на холодильник, серёг или масок, а украшения из «венецианского» стекла я позволила купить себе только дважды. А ещё все эти фирмы предлагают свои товары с отсрочкой оплаты до трёх месяцев. Без всяких процентов, что было очень удобно. Если за этот срок оплата не поступала, они присылали письма с очень вежливым напоминанием: «Вы, наверное, забыли...»

Соседка в самолёте рассказывала, что летает в Сочи каждый год. Хотя основная пенсия небольшая, они с мужем получают «северную» надбавку, ещё огород свой помогает. Дети уже взрослые, зарабатывают хорошо, в родительской помощи, слава богу, не нуждаются. В общем, по её словам, три недели в пансионате с 3-х разовым питанием она себе может позволить. Об аэропорте в Адлере Надежда, так звали соседку, отозвалась не очень лестно, сказав, что место было выбрано не совсем удачно, аэропорт почти ежегодно подтапливает. Иногда

чемоданы на транспортёре практически «плавают». И вообще, в Сочи никогда не было наводнений, а теперь из-за беспорядочной застройки и вырубки деревьев, город чуть ли не после каждого сильного ливня оказывается залитым. Соседка начала разговор первой уже почти на подлёте к Сочи. Времени рассказывать о себе у меня не было и почему-то я была этому рада. За 17 лет жизни в Германии, хотя мы и говорили дома с мужем по-русски, у меня появился акцент, который не хотелось показывать в России. Уже направляясь к выходу из самолёта, Надежда спросила, где я хочу остановиться, и очень удивилась, услышав: «Нигде. Я еду наобум, но сначала мне нужно на вокзал».

– Ни в коем случае не садитесь в такси! Они такие цены заламывают! На автобусе проезд стоит всего 70 рублей. Нам всё равно по пути, держитесь меня!

Дождавшись сумки, я на всякий случай спросила у сотрудниц аэропорта, как можно добраться до железнодорожного вокзала. Услышав в ответ: «Возьмите такси!», стала искать глазами Надежду. Сразу за порогом аэропорта несколько мужчин кавказской внешности и темперамента стали настойчиво предлагать свои услуги таксистов, но мы с Надей целеустремлённо направились на автобусную остановку, расположенную буквально в нескольких метрах от выхода.

На улице было душно, как и в первый приезд в Сочи. В автобусе работал кондиционер. Меня это вполне устраивало, так как на мне был пуловер. В Петербурге были «белые ночи», я не переодевалась с утра прошлого дня, потому что весь день и всю ночь гуляла по городу, где когда-то училась на педагога моя бабушка Оля. Женщина с маленькой девочкой на коленях сказала напротив сидящему мужу, чтобы он попросил водителя отключить

кондиционер, потому что ребёнок вспотел и её продует. Муж резко ответил, что они в автобусе не одни и кому-то, может быть, очень нужна прохлада. За пять дней в городе на Неве я так привыкла к вежливой речи вокруг, что ответ этот показался грубым.

– Возьмите мой плащ! Ещё не хватало, чтобы ребёнок в отпуске заболел! – Я вытащила из наплечной сумки бежевый плащ (в Питере его всегда нужно иметь при себе) и протянула его женщине, она накрыла им всю девочку.

– Спасибо!

В автобусе повисла неловкая тишина. Зато всем было комфортно ехать дальше.

Вокзал поразил железными решётками. Я не ожидала их увидеть, хотя, конечно же, читала и видела в новостях взорванный в 2013 году вокзал Волгограда. Красавец-вокзал в Сочи уродовала эта железная ограда. КАК ЖЕ ХОРОШО И МИРНО ЖИЛИ МЫ В СССР!

Пройдя контроль, как на входе в аэропорт, я вошла внутрь вокзала. Мне нужно было узнать, как можно добраться до посёлка Мичуринский, названного в честь академика Ивана Владимировича Мичурина, создателя многих сортов плодово-ягодных растений. Там живут мои друзья по учёбе в Омском сельскохозяйственном институте имени С. М. Кирова, Женя и Саша. Мы не виделись 30 лет. На юбилейную встречу выпускников гидромелиоративного факультета не смогли полететь ни они, ни я, а повидаться хотелось бы. В письмах ведь всего не расскажешь – что в жизни интересного произошло. Обычно только о проблемах да болезнях пишешь, а хорошими новостями делиться боишься, чтобы «не сглазить». Я написала Жене, что прилечу в конце июня в Сочи, но не знала, получила ли она это письмо.

До Мичуринска нужно было ехать с пересадками, долго и дорого. Значит, остаюсь здесь. На улице уже было темно, как-то быстро упала ночь. Несколько бабушек перед вокзалом предлагали комнату. Денег у меня после Петербурга осталось совсем немного. За одну ночь «койка» стоила 400 рублей. Женщина, сидящая в сторонке и одетая побогаче, предлагала за 1200.

– У меня ведь нормальная комната, с душем, – сказала она, покосившись в ту сторону, где сидели остальные трое. Пришлось соглашаться на 400. Откуда-то подлетела молодая женщина с осунувшимся лицом и распорядилась – с кем из троих мне идти. «Выделенная» мне в провожатые бабулька чем-то напоминала зомби. По приказу «молодой» она повернулась и пошла в сторону от вокзала, ни слова не говоря. Я пошла за ней. В джинсах, черной шляпе на голове, с красной сумкой от Daniel Hechter на плече и дорожной сумкой на колёсиках от Adidas.

– Стой, Лена! Можно я возьму её себе? – раздался звонкий голос за спиной.

Я решила, что Лена – это женщина, идущая передо мной, но она шла вперёд как робот. Леной оказалась женщина с осунувшимся лицом. Перед ней стояла полноватая женщина средних лет, рядом, чуть в стороне, мужчина и женщина с чемоданами – казахи. Или якуты…

– Лена, можно я возьму её себе? – спросила женщина ещё раз.

– Ну хорошо, Анжела, бери!

Мне стало как-то жутковато от такого торга, пришлось «навострить уши» и «ощетиниться». Анжела сказала, что в комнату нужно ехать на такси. Я категорично ответи-

ла, что денег на такси у меня нет, что её очень удивило. Махнув рукой, она дружелюбно сказала:

– Ну ничего! Поедем вместе! Мы втроём выходим раньше, а за тебя я доплачу! Идёт?

– Идёт! – миролюбиво ответила я.

– Ну вот и хорошо! В квартире мой сын живёт, Тимофей, но мы его Тимуром зовём. В зале он спит, а комнату мы сдаём. Там сейчас девочка одна уже есть, но она тихая, почти не появляется. Мешать вам не будет, не беспокойтесь! А Тимур мой несколько лет жил во Франции, в шахматы там играл, потом вернулся. Он у меня даже в сборной России одно время состоял. Такой умный мальчик!

Подъехала машина с «шашечками». Мы погрузили вещи в багажник, уселись в салон, Анжела назвала адрес. «Волга» резво понеслась по тёмным улицам.

– Алёна вообще-то хорошая, – завела Анжела разговор, – её просто жизнь довела. А так она добрая очень, и красивая была. Только характер слабый, вот и пьёт запоями.

– Упасть может каждый, только подняться трудно потом, – вставила я своё.

– А можно снять жильё на три месяца? – робко спросила женщина рядом со мной.

– Вы работать приехали? – спросила Анжела, обернувшись. – Из Казахстана ?

– Да!

– Ну и как там у вас?

– Да ничего, жить можно, но у вас с заработком лучше.

– Как хорошо мы всё-таки в Союзе жили! Дружно! – сказала Анжела.

Меня прорвало. Она задела за живое.

– Ребята! Я прилетела из Петербурга. Ночью видела «Алые Паруса»!

– Да ты что? Вот здорово! – все обернулись ко мне, даже водитель – коротко. – Там было столько народу на набережной! И такой красивый корабль! Рядом со мной девчонки из Белоруссии стояли моего возраста, Лена и Наташа. Так все по Союзу скучают.

– Мы тоже! – подхватили казахи.

– А потом подошли муж с женой за ручку. Мужчина так возмущался, что организаторы об охране праздника плохо позаботились, мол, любой идиот нас запросто взорвать тут может. А я ему говорю: «Вы, наверное, из Москвы?» – «Из Москвы, ну и что?» – «Да вы просто завидуете, что у вас такого праздника нет!»

– Здорово ты его! А то москвичи такие зазнайки! – мы все впятером рассмеялись.

Такси подъехало к первому адресу. Казахи пошли вынимать свои чемоданы.

– Отвези её на Красноармейскую! – распорядилась Анжела, расплачиваясь с таксистом и шаря рукой под ногами. – Я позвонила сыну, он вас встретит. Пока! – Она обернулась и протянула мне купюру. В темноте не было видно – сколько. Через минуты две улица пошла резко в гору и стала однополосной. Навстречу двигалась ещё одна машина, шофёр-кавказец не мог подъехать к дому, так было узко. Я попросила высадить меня прямо на площадке, где он, притиснувшись к припаркованным «убитым» «Жигулям», пропустил мимо встречный автомобиль и что-то пробурчал. Я переспросила.

– Я говорю, шарит под ногами, как будто она здесь что-то потеряла !

– Да ладно, да что вы все такие?! Может, она и вправду боится что-то потерять!

Я протянула таксисту купюру, оставленную мне Анжелой.

– Я в темноте не вижу сколько сдачи дать!

– Да не надо, деньги всё равно не мои, её! Сумку я сама достану!

– Подожди, нашел! – он протянул мне две монеты и уже другим тоном: – Держи !

– Спасибо! До свидания! Хорошей выручки!

Я вышла из такси и стала вынимать из багажника дорожную сумку. Мы стояли у пятиэтажного дома. Улицу освещал единственный фонарь, прикреплённый к деревянному столбу.

– Здравствуйте, Ольга! – послышался за спиной приятный низкий голос.

Я замерла. Откуда он взялся? Вылезая из машины, я никого на улице не видела. Если я обернусь и увижу кого-то, похожего на Дато, что со мной будет? Я упаду в обморок. Наверняка.

– Здравствуйте, Тимур-Тимофей! – я медленно повернулась к нему.

Мужчина был высокого роста, темноволосый, рано начавший лысеть и полнеть. Его тёмные глаза пристально смотрели в мое лицо. Нет, на Дато он был не похож. Мне полегчало.

С Дато я познакомилась в первый приезд в этот город, 33 года назад. Тогда я ещё не знала, что в переводе с грузинского «Дато» – это «Возлюбленный». Он остался в моём сердце, как рана, которую лучше не тревожить. И не вспоминать. Чтобы снова не стало больно.

Тимофей взял у меня из рук сумку, и мы пошли рядышком к соседней пятиэтажке.

– Квартира наша на пятом этаже. Лифта в доме нет, – знакомил меня с обстановкой Тимур, улыбаясь. – Это ничего?

– Ничего! Я на суставы не жалуюсь!

– Дверь в подъезде открывается кодом. Ключ, пожалуйста, не потеряйте!

– Ясно! А почему у вас двойное имя?

– У меня в роду много всякой крови намешано: и русской, и кавказской.

Он набрал код. Мы вошли в тускло освещённый подъезд и поднялись по крутым ступенькам на верхний этаж. Дверь в квартиру была справа. Переступив порог, я поняла, что ремонта в этом доме не было со дня сдачи в эксплуатацию. Краска на полу и дверях обшарпалась. Сами двери выглядели как-то «по-старинному». Таких моделей уже даже не выпускают. За рубежом, по крайней мере.

– Здесь у нас – туалет, здесь – ванная. Вы можете пользоваться стиральной машиной!

– Спасибо! У меня немного вещей с собой, постираю дома!

– Да, кстати, о доме. Мне нужно записать ваши паспортные данные и прописку.

– А это обязательно? – спросила я хозяина квартиры, входя вслед за ним в комнату, в которой стояли впритирку друг к дружке три кровати, похожие на раскладушки.

– Конечно! У нас всё по закону!

– Ну хорошо, только у меня паспорт в сумке запрятан, чтобы не украли.

– Я зайду попозже, когда вы его найдёте!

– Хорошо! – «Вот ведь настырный!» – пронеслось в голове.

Тимур вышел, закрыв за собой дверь. Я осмотрелась. Большое окно, почти во всю стену, было открыто настежь, но в комнате всё равно висела духота. Кроме трёх

кроватей, одна из которых, справа, была уже занята, из мебели был ещё большой шкаф. Я повесила туда плащ. Достала из красной сумки чёрно-белое пончо в клеточку, положила на шкаф, сверху – шляпу.

– Ну что, вы уже нашли свой паспорт? – постучавшись, в комнату вошёл Тимур-Тимофей. Он протягивал мне постельное бельё сероватого цвета и улыбался.

– Нашла. Вот, пожалуйста! – я засунула руку в сумку и подала ему красную книжечку с надписями:

EUROPÄISCHE UNION
BUNDESREPUBLIK
DEUTSCHLAND
REISEPASS

Он ошарашено крутил её в руках.

– Ну что, будем записывать прописку или лучше не надо? – ехидно скривилась я.

– Пожалуй, лучше не надо! – вернул он мне паспорт обратно, смущённо улыбаясь. Улыбка у него была какая-то детская: застенчивая и искренняя. Я заметила это ещё внизу. Протянула 800 рублей за два дня проживания, не попросив расписки. Такой не обманет.

– Тимур, а можно мне у вас чайник вскипятить? Пакетики с чаем у меня с собой.

– Конечно-конечно! И холодильником вы можете пользоваться!

– Спасибо! И ещё мне бы хотелось заранее предупредить: я очень сильно храплю. Была у нескольких врачей. Все говорят, что всё в порядке, а храп не исчезает. Извините, если буду мешать спать!

– Не страшно! У меня всё равно дверь в комнату всё время закрыта!

Застелив постель, прошла на кухню. Я забыла, как пользоваться газовой плитой. Дома стояла электрическая. С опаской чиркнула спичкой. Со второй попытки

конфорка вспыхнула ярким пламенем. Чайник оказался таким прокопчённым, как будто им пользовались в походе. Туалет был очень тесным, локти упирались в стены с обеих сторон. Зашла в ванную комнату помыть руки и убедилась окончательно, что со дня сдачи в эксплуатацию здесь не только «евро», но и обычного ремонта не проводили. Вся сантехника была из прошлого века. Всё выглядело очень бедно. Даже как-то не верилось, что здесь живёт бывший член сборной России по шахматам.

Поставила омолаживающий крем от Dr. PIERRE RICAUD, который привезла в подарок подруге, в холодильник, чтобы он не «вспотел» от сочинской жары. Кроме маслёнки и кусочка сыра, там ничего больше не было. Чем этот парень вообще питается? Или ходит к маме?

Я тоже пять дней в Петербурге только пряники ела да чай с минералкой пила, но дома в холодильнике полно еды. И муж замечательно готовит. Получше некоторых шеф-поваров в ресторанах. Домой приеду – отъемся! А в Россию я за духовной пищей приехала!

Попила чай с крекерами, кое-как помылась в тесноте под душем, и – спать. Среди ночи пришла соседка, извинилась, что беспокоит, но свет в коридоре потушила быстро.

Когда я проснулась и собралась на пляж с утра пораньше, пока солнце не начало палить во всю мощь, она спала, повернувшись ко мне спиной. Молодая, стройная девушка – лет двадцати.

Надев купальник и синий сарафан, с полотенцем под мышкой, я пошла на пляж пешком. Ключ от квартиры и код Тимур мне дал ещё вечером, так что будить его не пришлось. Спустившись по улице вниз, зашла в небольшой магазинчик, посмотрела на цены и спросила доро-

гу к морю. Мне нужно было пройти на улицу Егорова, потом по подземному переходу перейти к парку «Ривьера», идти вдоль него минут десять, и вот оно – Чёрное море!

Давно не видались! И хорошо, что волн нет, не придётся позориться, ведь плавать я за эти годы так и не научилась, только по-собачьи. Вода была тёплой и сравнительно чистой.

Когда дети были маленькими, мы брали с собой палатку и ехали за 400 км в Бибионе, в Италию, на Адриатическое море. Там можно было уходить на 100 метров в море, а воды было всё равно по колено. Можно было спокойно лежать на песке, читать книжку (даже задремать) и не беспокоиться, что с детьми что-то случится. Правда, песок был очень мелким и прилипчивым, его никак не удавалось с себя полностью стряхнуть. Он был повсюду: на полу в палатке, в спальном мешке, в посуде.

А однажды мы поехали на самое большое озеро в Италии, Гардазее, но погода оказалась дождливой и холодной, хотя и была середина июня. Муж погрузил нас пятерых в «Альхамбру» и, ничего не объяснив, куда-то повёз. Сначала мы спрашивали, куда едем, а потом махнули рукой (какая разница!) и стали просто разглядывать в окна посёлки и города, поля и сады. Когда оказались в порту Генуи, мужу пришлось несладко. Он замечательно водит машину, но итальянский темперамент не позволял «чужакам» осмотреться. Все куда-то страшно спешили и нервно сигналили, чтобы мы побыстрее убрались у них «из-под ног». Пришлось встать на стоянку и осмотреться. Мужу хотелось на Средиземное море, но вокруг был только бетон и огромных размеров корабли. Немного размяв ноги, мы поехали дальше вдоль

моря, высматривая какую-нибудь набережную. Повсюду были дома, дома, дома. До самой Ниццы. В Ницце мы тоже попали на причал. Везде один бетон. А когда мы пытались по-английски узнать у полицейских – где пляж, они многословно объясняли нам по-французски и махали руками в сторону причала. И тут мы увидели базар. Пёстрый, восточный базар. Проехать мимо было просто невозможно. Чего здесь только не было! Сари ярчайших цветов и рисунков, роскошные платья до пят и чуть короче, всевозможные безделушки и украшения! Солнце палило нещадно, а я даже не взяла с собой защитного крема. Плечи покраснели и болели. Купила у француженки крем, и она тут же принялась втирать мне его в спину.

У одной из дочек была такая же чувствительная кожа, как у меня, но без жировой прокладки. Она пострадала больше всех. Зато нашла на земле 10 Евро. Показала нам и спросила – что с ними делать? Мы дружно ответили: «Потрать! Это же базар! Что нашла – твоё!» Она так и сделала с радостью!

Когда мы, наконец-то, добрались до воды, это было уже Монако. Вода была такой прозрачной, что муж ударился об неё лицом, пытаясь поймать проплывающую мимо моих ног рыбу: границы между водой и воздухом не было видно. И галька была чистой, и совсем не прилипала к телу, отряхивалась буквально одним движением руки. Даже под душ не надо идти!

Разглядывая гальку в Сочи, я не могла понять её происхождения. Казалось, будто под ногами кусочки бетона. Или мне это только казалось?.. Солнце начало припекать. У меня было важное дело в городе. Нужно было переодеться и идти в мэрию. На обратном пути шла опять вдоль чугунной решётки «Ривьеры», не заходя

внутрь. Соседки в комнате не было. Быстро переоделась в бордовое платье из шифона с этнографическим рисунком. Оно было до пола и с длинными рукавами, лёгкое и прозрачное, совсем не мялось и защищало кожу от солнечных лучей стопроцентно. А подъюбник до колен снимал чувство оголённости, оставляя платью воздушность и романтичность. Я посмотрела в зеркало и нанесла макияж. На такой жаре была опасность, что он «потечёт», но так я выглядела лучше. Мне нужно было произвести впечатление. Встречают ведь по одёжке – это всем известно.

В дверь постучали. Заглянул Тимур. Смущенно сказал, что я, действительно, очень громко храплю. Было ужасно неудобно, но что же мне делать? Подвязывать к спине теннисные мячи, как советовали врачи, чтобы во сне не поворачиваться на спину? Как-то лень. Ещё раз перед ним извинившись и водрузив на голову чёрную шляпу с широкими полями (точь в точь такую, как у Пэрис Хилтон), я спросила, как можно дойти пешком до мэрии, и вышла из квартиры.

У соседнего дома на лавочке сидели три женщины. Перед ними стоял невысокого роста мужичок в белой майке и растянутых «трико». Повернувшись ко мне, он возмущённо сказал:

– О! Ещё одна проститутка пошла!

Я чуть не прыснула. Интересно, что бы он сказал, если б узнал, что у меня – четыре дочери и внуку уже девять лет? А белые волосы под шляпой – обычная закрашенная седина. Если я – проститутка, то кто тогда он? Порядочный гражданин? Примерный семьянин? Остановиться и спросить – сколько детей вырастил он? Наплевать! Спасибо за комплимент! Задрала голову и молча прошла мимо. Комментарий не последовал. Ну и слава Богу!

Итак, мне нужно было пересечь улицу Гагарина, попасть на Кубанский мост, перейти реку Сочи, потом по Московской улице идти в сторону вокзала, а там – направо, по улице Горького до улицы Советской. Кажется, запомнила. Если что – переспрошу у прохожих.

За прошедшие годы город сильно изменился. Я его помнила утопающим в зелени, а сейчас тут и там стояли бетонные небоскрёбы. Совсем не красивые. Уродливые. Вразнобой. А этот длиннющий дом из чёрного стекла в центре города? Как он вообще сюда попал? Это что, проект-победитель конкурса?

Мэрия была под охраной. Спросила у вооруженных парней, как можно записаться на приём к заместителю мэра по спорту. Послали в небольшую постройку перед мэрией, мимо которой я только что прошла. Очереди не было. В коридоре стоял длинный стол, несколько стульев. На столе лежали бумага и несколько ручек. Ещё дома я посмотрела в интернете и записала в блокнот инициалы нужного мне чиновника. Написала заявление с просьбой о приёме по личному вопросу, коротко объяснила суть проблемы, постучала и вошла в небольшой кабинет с тремя рабочими столами. Девушки зарегистрировали заявление, сделали мне его копию и велели прийти через день.

Ну что ж, теперь можно пройтись по городу. Решила найти «поющий» фонтан, он был где-то здесь. Рядом с мэрией расположен государственный университет. Напротив входа, на большом стенде, висели фотографии знаменитых выпускников. Первая – Альберта Демченко, рядом – Михаила Галустяна. Саночника Демченко я несколько раз видела «живьём». Однажды даже автограф попросила, когда он расплачивался на моей кассе за копчённую рыбу из питомника у Кёнигзее (Королевского

озера) на юге Баварии. Сюда сборная России приезжает на тренировки и соревнования по санному спорту, скелетону и бобслею. А над Мишиными шутками «угорал» мой муж несколько лет назад, когда «Наша Russia» только появилась и ещё не «приелась».

На площади бил высокий фонтан. Ветер разбрызгивал струи воды. Можно было подставить лицо навстречу этим брызгам и освежиться от палящего солнца. Прошла по улице до Курортного проспекта и увидела скрюченные от старости стволы платанов. Совсем без крон. Их спилили почти до стволов. Платаны стали похожи на великанов без рук. Смотреть на них было больно. Идти по проспекту совсем не хотелось. Возле какой-то высотки, почти у стены дома, увидела ограждение маленького фонтана. Без воды. Рядом мальчик лет 12-ти возился с доской на колёсах. Спросила – это ли тот самый «поющий» фонтан. Сказал, что да, правда, уже не «поющий», что-то в нём сломалось. И вообще, его очень редко включают: вода не идёт. Жаль. Ещё один кусочек прошлого – в прошлом.

В апреле 2015 года мы с мужем на три дня приезжали в Прагу. Я не поленилась поехать одна на трамвае среди ночи на северную окраину города, чтобы увидеть их «поющий» фонтан и сравнить его с сочинским из моих воспоминаний. Пражский оказался намного больше, был огорожен высоким железным забором и был платным (в пересчёте примерно 10 Евро). Среди немногочисленных зрителей, сидевших на трибунах перед фонтаном, была группа российских туристов. Разноцветные струи воды, взмывающие вверх и падающие россыпью вниз под мощный голос Монсеррат Кабалье, поющей «Барселона! Барселона!», вызывали просто мурашки по коже. Представление продолжалось сорок минут, а когда закончилось, стало тихо, и один из русских сказал:

– Да, такое представление стоило посмотреть!

Представляю – какое наслаждение испытывают зрители летом, когда здесь не только музыка звучит, но ещё и балет среди разноцветных струй воды танцуют! Сфотографировала на память талисманы Олимпиады-2014. Зачем их так много? Мишка в 80-м был один, зато у всех слёзы текли, когда он ввысь в ночное небо улетал. А у этих я даже имён не запомнила. Зато запомнилось, что одно кольцо олимпийское не раскрылось. Всё-таки здорово, что оно не сработало! Это было так по-человечески! Наверное, если бы всё прошло «без сучка и задоринки», то было бы слишком чопорно и механически, без переживаний. А так – запоминающееся открытие вышло. Есть что вспомнить!

У морского порта молодой человек пригласил прокатиться по морю на катере. Отказалась. Меня, как и в юности, укачивало. Прогулки по воде – не для меня. На причале стоял «пиратский корабль».

В парке на скамеечке я сказала местной женщине, сидящей рядом, что не узнаю Сочи, и спросила, как ей кажется, стал ли Сочи за последние 33 года лучше. Ей не хотелось говорить на эту тему:

– Да, я и сама не узнаю свой город. Конечно, вырубили много деревьев, но ведь людям нужно было дать жильё! И платаны старыми стали, была опасность, что кроны упадут на прохожих, поэтому их спилили. Извините, мне нужно идти, у меня обеденный перерыв кончился! – Говорила она таким официальным тоном, похоже, что проработала в администрации немало лет.

Зашла я в один из роскошных магазинов в «чёрном» доме, в косметический. Та же картина, что и на Невском проспекте: продавцы, охранники – и ни одного покупателя. Такими ценами покупателей не завлекать, а толь-

ко отпугивать можно! Неужели хозяева этих магазинов не знают, какие у нормальных людей заработки и пенсии? От нулей на ценниках кружилась голова. Потом, правда, переходя от стеллажа одной фирмы к другой и деля цены в уме на курс валюты (примерно 1:60), успокоилась. В принципе, по такой же цене я заказываю косметику и в «Ив Рошере».

Выбрала для старшей дочери водостойкую тушь от какой-то шведской фирмы – попробовать. Несколько лет назад я работала горничной вместе с одной девушкой из Братиславы, Яной. Она приезжала на месяц в Баварию заработать деньги, потом была месяц в Англии, а потом заезжала к нам просто в гости. И всегда привозила что-нибудь от шведской фирмы Oriflame. Она покупала товар на складе в Братиславе оптом, а продавала в розницу с наценкой. Мне больше всего нравился крем для рук «Мёд с молоком». Качество – замечательное. Запах – великолепный!

Характер у Яны был очень общительный, и репутация у фирмы – солидная, так что через 10 лет подруга не только замуж вышла и троих сыновей родила, но и дом построила. Правда, не в Братиславе, а в Австрии. Подальше от завистливых глаз, как она объяснила. И от воров. Её магазинчик в Братиславе два раза взламывали и уносили весь товар. Я пыталась пару раз продавать товары по почте, когда сидела с младшей дочкой дома, но это так хлопотно, уговорить кого-то купить дорогой товар у тебя, когда кругом несколько магазинов предлагают что-то похожее, но за копейки. Например, «Мелалойка в жожоба-масле» от фирмы OMEGA International GmbH превосходно заживляет мелкие ожоги и ранки, которые очень часто случаются дома, особенно на кухне. И высыпания на коже убирает очень быстро, не надо даже к кож-

ному врачу ходить. У меня это средство из дома не выводится. Хотя стоит совсем недёшево: пузырёк в 20 мл. – 10 Евро. Для меня как для постоянной заказчицы – 7. Несколько человек я уговорила этим маслом пользоваться, но потратила на это столько времени! Решила это время лучше на общение со своими детьми тратить.

В продуктовом супермаркете на углу улицы Горького купила бутылку минеральной воды и пачку печенья «Забавные животные». Это – мой обед и ужин на сегодня. Стоимость – 58 руб.

Когда жара немного спала, пошла погулять в парк «Ривьера». Там было много аттракционов и различных представлений: шоу крокодилов, шоу-выставка невероятных роботов, музей занимательных наук, музей человека «Живые системы», различные карусели. Но меня интересовал только дельфинарий. По дороге к нему девушка-казачка уговорила посмотреть их конное выступление. Оно называлось Экстрим-шоу «Свадьба в Малиновках» и начиналось как раз тогда, когда заканчивалось представление в дельфинарии. Купила у неё билет и пошла на представление своих любимых животных. Коровы, собаки и кошки окружали меня с детства, но мне всегда хотелось увидеть «настоящих», живых дельфинов. Не в телевизоре и не в кино, а «живьём». Одно время мне очень хотелось иметь обезьянку. Я даже написала письмо дяде и тёте в Свердловск, чтобы они узнали, сколько стоит маленькая обезьянка (ведь в большом городе можно всё купить!). А однажды в Алма-Ате, в цирке, я хотела сфотографироваться с обезьянкой на поводке, а она меня укусила! Да так сильно, что пропало всё желание держать у себя дома такое создание. Вот дельфин – тот не укусит!

Родители держали большое хозяйство, уехать куда-то летом в отпуск было невозможно. На каникулы из института я всегда приезжала в село, чтобы помочь выкопать картошку из огорода размером в двадцать соток и спрятать её в большом погребе, чтобы было что кушать зимой. А дельфины любят тёплые моря и океаны. Однажды, уже в Германии, я прочла в местной газете, что на Кёнигзее открыли питомник для дельфинов и приглашают всех желающих посмотреть на них. Я прямо взвизгнула от восторга! Коллега по работе, жительница одного из сёл возле Берхтесгадена, спросила – чему это я так радуюсь. Я показала ей газету с фотографией дельфина, выпрыгивающего изводы. Сверху стоял заголовок: ENDLICH: DELFINARIUM AM KÖNIGSSEE!

– Ольга, да ты посмотри на дату выпуска!

Газета лежала в комнате отдыха для персонала супермаркета, кто-то из сотрудников оставил её развёрнутой на столе. Я посмотрела на первую страницу. Там стояла дата – 1 апреля. Немцы тоже любят розыгрыши в этот день устраивать. Улыбка сошла с моего лица. А коллега, заметив это, посоветовала съездить в дельфинарий в Нюрнберг. Что мы в скором времени и сделали. Дельфинарий был на территории Tiergarten-а, все звери там были ухожены и выглядели сытыми, но дельфинам было явно тесно в крытом бассейне. Там начали строить открытую лагуну, закончить собирались к следующему году. Перед зверинцем бегал средних лет мужчина в спортивной форме с плакатом, требующим выпустить всех дельфинов и морских котиков на волю и не мучить их в замкнутом узком пространстве. На плакате стояло количество умерших в неволе в этом зоопарке животных за последние пять лет. Но как же быть с такими, как я? Если бы не было дельфинария здесь, при-

шлось бы лететь во Флориду? Для семьи с четырьмя детьми это дорого !

Животные были выдрессированы просто восхитительно, высокопрофессионально. Больше всего мне там понравилось, как один дельфин подплыл к девушке-тренеру снизу, взвился ввысь над водой, а она, прямая, как свечка, стояла у него на носу и летела с ним вверх как единое целое. А потом, подчиняясь силе тяжести, оба, раздельно, упали вниз и нырнули в воду, почти не расплескав её.

Дельфины в Сочи были мельче, чем в Нюрнберге. Зато какие юркие! Конферансье сказал, что черноморские дельфины – самые быстрые в мире. Я сразу же ему поверила, хотя видела дельфинов второй раз в жизни. Бассейн для них был довольно большим, было где показать своё умение быстро плавать. Они так и носились стайкой из одного конца в другой! И морские котики здесь тоже были, как и в Нюрнберге. Изюминкой всего представления стало катание в дельфиньей упряжке победителя аукциона по продаже картины маслом, нарисованной здесь же группой дельфинов. В Нюрнберге дельфины тоже умели рисовать, но никто не предлагал купить их рисунок. А в Сочи один отдыхающий отдал за «шедевр» 6000 рублей наличкой и прокатился с маленькой дочкой в лодочке, «запряжённой» самыми быстрыми дельфинами в мире. Я сняла это на свой фотоаппарат Kodak.

После дельфинария я понеслась на конное шоу. Оно как раз начиналось. Сценарий был таков: молодой казак встречает дивчину и влюбляется в неё. Засылает сватов. И потом – казачья свадьба. Четверо девушек и шестеро парней лет по 18-25 на холёных лошадях выдали такое зажигательное представление с саблями, факелами, прыжками через огонь и так лихо держались на ко-

нях в седле и без, что мне стало жаль, что никто из нашего Берхтесгадена этого не видел. У нас в округе есть несколько дворов с вышколенными лошадьми, но наездницы там очень чинно и важно «гарцуют». А вот откинуться на скаку назад и быстро подняться – смогли бы они такое? Если бы увидели, наверняка захотели бы это повторить! Лично я и на полу-то не могу такое проделать. А стоя на двух лошадях, проехать над зажжённым факелом? Такое, пожалуй, только казаки умеют делать! Да и то не все – только лихие! Вот бы этих ребят привезти на гастроли в Германию! Продюсеры, вы где?!!

Утром мне нужно было поговорить с Тимуром. Быть может, он согласится мне помочь? Когда пришла на кухню завтракать, он пил чай. Налила себе тоже. Тимур пододвинул мне кусочек сыра. Отрицательно покачала головой, ела своё печенье в форме зверушек. Спросила, как он жил во Франции. Сказал, что хорошо. Сначала. Играл в шахматы. На деньги. Во Франции можно на это жить. Хоть и голодно. Но интересно. Есть специальные люди, которые устраивают встречи шахматистов. Такие же, как у игроков в покер. Посмотрел мир. Потом захотел домой. Дома ведь лучше. Вернулся. Спросил, зачем я ходила в мэрию. Сказала, что хочу поговорить с заместителем мэра города Сочи по спорту. Ради этого и прилетела.

– И что, поговорила? – он усмехнулся.

– Сказали прийти завтра после обеда, – и тут я решилась, – возьми меня с собой на работу, Тимур! Сведи меня со спортсменами!

– Нет!

– Почему? Мне очень нужно!

– Нет!

– Я не буду мешать, просто посижу в уголке, посмотрю на людей, поговорю, может быть!

Он вышел из кухни. А кем он, вообще-то, работает? Почему я решила, что он – тренер? Потому что видела краем глаза – в зале на столе стоит шахматная доска с расставленными на ней фигурами?.. Попросила вчера сыграть со мной хотя бы одну партию, он отказался. Да ещё так высокомерно! Я такое высокомерие уже однажды видела. Во дворцовом парке в Инсбруке. Там есть две шахматные доски, нарисованные прямо на земле. В маленькой беседке, в сундуке, лежат большие, почти до пояса взрослого человека, но при этом совсем лёгкие, шахматные фигуры. Каждый желающий может играть сколько хочет. Я постоянно проигрывала. Женщины, кроме меня, только наблюдали за игрой. И там был один зритель, который, как и я, после работы, приходил в этот сад каждый день. Стоял, скрестив на груди руки, у края одной из площадок и наблюдал за игрой других. Мужчины-шахматисты иногда посматривали в его сторону, а он качал головой и говорил:

– Das war nicht gut! – и все его слушались, брали, извинившись, ход обратно.

Однажды я не выдержала и спросила – почему он не играет сам, а только подсказывает. Он ответил, что «все они» слабы для него. А когда я рассмеялась, добавил, что был чемпионом Европы. До войны. Когда ещё жил в Загребе. Смех как-то сразу прошёл. Однажды у меня была очень сильная, просто несокрушимая, оборонительная позиция, но я совершенно не знала, как мне правильно начать наступление, чтобы не испортить такую замечательную партию. Я видела, что «чемпион» тоже был захвачен азартом, и попросила закончить игру за меня. Мы поменялись местами, и он «Это» сделал! Я выиграла! Ура! Пусть и чужими руками, но ведь я была почти у цели! И противник попался очень мощный! Опытный

пожилой мужчина. Тогда «чемпион» посоветовал мне больше играть дома по учебникам. Изучать теорию шахмат, больше тренироваться. Я сказала, что дома, то есть в Германии, меня ждут трое (тогда ещё только трое) маленьких детей и играть в шахматы мне совершенно некогда. Его брови оказались высоко на лбу.

Я попросила Тимура зайти в комнату. Соседки не было. Он осторожно вошёл. Я вытряхнула на кровать содержимое своего кошелька: 5 евро, банковская карта ЕС, какая-то мелочь в рублях.

– Смотри – это всё, что у меня осталось из налички! Картой я могу пользоваться только в Европе, а самолёт мой улетает через три дня. Можно я поживу у вас, а деньги пришлю переводом или в конверте? Я уже посылала так подругам, они доходят !

– Мы с мамой бесплатно жильцов не держим!

– Я пришлю вам деньги из Германии! 1200 рублей – это всего лишь 20 Евро. Это немного, но я потратила в Петербурге больше, чем рассчитывала.

– Я не могу решать такие вопросы без мамы.

– Когда ты её увидишь ?

– Сегодня. Я скажу ответ вечером.

– Ну хорошо. Надеюсь, я внушила твоей маме доверие. Мою вторую дочь зовут как её.

Он вышел. Я пошла на море. На этот раз рядом на пляже оказалась женщина с таким же типом кожи, как у меня: от солнечных лучей мы только краснели и «облазили». Разговорились. Оказалось, что у нас и имена одинаковые. Ольга приехала из Ростова навестить дочку. Та работала менеджером на фирме Philip Morris International, контролировала все магазины в округе, продающие сигареты от этой фирмы. Моталась с утра до вечера. Времени на личную жизнь совсем не оставалось, а Ольге с

мужем хотелось уже внуков иметь. Я похвасталась, что мой внук – просто умница. Весной был у нас в гостях на каникулах. Пошли с ним в магазин, а на обратном пути об его успехах в школе разговаривали. Сказал, что с математикой и немецким у него проблемы, зато религию он очень любит. А потом вдруг спрашивает меня: «Бабушка, а Иисус был евреем?» – Я отвечаю: «Да, Иисус был евреем!» – А он удивлённо: «Но ведь он был сыном Бога?» – «Да, он был сыном Бога!» – «Так значит, Бог – тоже еврей?» Я не знала, что ответить, и двадцать минут до дома мы шли молча. Я размышляла до вечера. А вечером, в бассейне, попыталась ему объяснить: «Знаешь, Алекс, Иисус не был евреем, он просто пришёл к евреям. Хотя его мать была еврейкой...» – Алекс остановил мою речь: «Oma, lass das! Ist schon gut!» – Ты представляешь, Оля, ребёнок понял, что я (такая «взрослая и умная») совсем не разбираюсь в религии! На детский вопрос ответить не могла! Ему ведь всего 9 лет! Спрашивала потом других, как бы они ответили на моём месте, все только смеются.

Оля задумалась и начала говорить, помогая себе жестикуляцией:

– Вот я бы ему объяснила, что Бог послал свой дух Деве Марии... – Левую руку она протянула к небу, а правую положила себе на живот.

– Ага, тогда он будет думать, что все одинокие мамы от Святого Духа забеременели!

Оля рассмеялась, и мы перешли на другую тему. Ольга была в Израиле. Очень всё там понравилось. Её сестра ещё в советские времена вышла замуж за еврея. Его родители были против этого брака, но там была большая любовь, и жених настоял. Когда все уезжали в Израиль, они были в числе первых. Двое детей родились и

выросли уже там, но оформлять свои браки были вынуждены в Венгрии. Так как их мама – русская, племянник и племянница считались тоже русскими, хотя у папы в родне были только евреи.

– Ну вот видишь! Только у этой нации есть такой закон: без разницы, кто твой папа, если мама – еврейка, значит, ребёнок – тоже еврей!

– Точно!

Мы опять рассмеялись и пошли снова в море. Ольга плавала очень хорошо, я – по-собачьи. Когда вышли из воды, она рассказала, что видела у сестры в гостях.

– Земли плодородной там совсем мало, не то что у нас на Кубани. Так они каждый кусочек так заботливо обрабатывают, что умудряются по три урожая в год снимать! Если бы ещё палестинцы их не бомбили, так совсем бы рай на их земле был! А как у вас в Германии?

– Не знаю, как другие, а я себя в Берхтесгадене, как в раю чувствую! Кругом горы, леса, озеро Королевское рядом. Такой же, как в Сочи, биосферный заповедник. Воздух чистейший – просто не надышишься. Удивляюсь, когда вижу приехавших отдохнуть отпускников с сигаретой во рту. А гора Ватцман каждый день как-то по-новому выглядит. Вообще, она самой красивой горой в мире считается! Я её со своего балкона вижу. Её и «Орлиное гнездо» гитлеровское. Туда туристы со всего света приезжают. Ещё у нас соляная шахта действующая есть, там тоже полно туристов. И бассейн крытый рядом – просто замечательный. Что ещё надо?

– Да, я вот всё дочери говорю: «Работаешь в международной фирме, нашла бы себе какого-нибудь иностранца, да жила б за границей!» А она по любви замуж

хочет! Фирма ей апартаменты служебные предоставила в новом небоскрёбе. Там, где супермаркет внизу. Мебель хорошая. Зарплата высокая. Только знакомиться с кем-то некогда.

– Ну, конечно, замуж по любви выходить надо! Вы-то ведь с мужем тоже не по расчёту женились!

– Так это когда было?! Сейчас многие по расчёту выходят. Лишь бы расчёт правильным был, как говорится! Пойдёмте, наверное, уже с пляжа, пока не «обгорели»!

И, правда, за разговорами и не заметили, как солнце в зенит вошло. Пора было от него спасаться.

Пришла в квартиру. Тимура дома не было, зато была соседка. Наконец-то познакомились. Зовут Юля. Москвичка. Приехала к друзьям, но у них – ремонт, пришлось снять эту комнату.

– Тимур мне сказал, что вы в мэрию ходили. Это правда?

– Да, у меня есть одно дело там, нужно поговорить.

– Желаю удачи!

– Спасибо!

Я решила поспать. Идти никуда не хотелось. Ещё не известно, где буду ночевать завтра. Вечером пришёл Тимур. В чёрном костюме, белой рубашке, лакированных туфлях, но без галстука.

– Мама сказала, что без оплаты мы постояльцев не держим!

– Хорошо, завтра в 12 часов я освобожу это место! До 12-и я имею право! Идёт?

– Идёт! Спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

Спалось, конечно, плохо. Рано утром пошла на пляж.

Дойдя до соседнего дома, развернулась и – бегом переодеваться. Среди нескольких новых высоток нашла одну с магазином внизу. Оля мне называла номер квартиры. Двое мужчин набирали код на входной двери, вошла с ними в дом. Дверь десятой квартиры открыла незнакомая женщина, в Ольгины дочки она не годилась. Пришлось извиниться. Но нашлась ещё одна многоэтажка с супермаркетом. Не могла найти вход в подъезд. Обошла весь дом кругом. Оказалось, надо было идти налево от магазина, а не направо. Позвонила в домофон. Молодой голос энергично ответил:

– Слушаю!

Представилась, спросила, можно ли поговорить с Олей.

– Она ушла на море!

– Мы с ней вчера там и познакомились!

– И что?

– Скажите ей, пожалуйста, когда придёт, что её Ольга в супермаркете ждёт!

– Хорошо, скажу!

Я отошла от домофона. Зачем я буду ждать Олю? Чтобы напроситься на ночлег и храпеть на все апартаменты? Бог мне всегда помогал в тяжёлые моменты, уже много раз «открывал дверь» в тупиках. Пошла вдоль улицы наверх. По пути был какой-то отель. Спросила девушку-регистратора – можно ли оплатить проживание картой ЕС. Она позвала администратора. Та, высокомерно смерив меня взглядом, ответила, что, если я не забронировала номер, то свободных мест у них нет. Но, если свободных мест действительно нет, зачем тогда было вызывать администратора?

– Вы со мной так грубо разговариваете, потому что у меня нет наличных денег?

– Нет, потому что у нас нет свободных мест!

– А вы пройдите немного дальше! – сказала женщина, вошедшая в холл под ручку с мужчиной. – В гостиницу «Чеботарёв». Там места есть свободные, и карточкой оплату принимают. Мы тоже там живём!

– Спасибо за совет!

Пройдя чуть выше по улице, я оказалась перед очень необычно оформленным отелем жёлтого цвета. Это была не стандартная постройка из бетона и стекла, а оригинальный дом с облицовкой из больших камней. Входные ворота имели форму арки. На арке значилось: «Чеботарёвъ». Две девушки на рецепшен заглянули в компьютер и сказали, что могут предложить только двухместные номера, и назвали цену за три дня проживания. Я пересчитала в уме на евро, получалось по 80 € за ночь. Для 4-х звёздочного отеля это была просто фантастичная цена. Просто по-божески! Оплатить проживание можно было картой VISA или Maestro. Я достала свою банковскую карту, на ней в правом нижнем углу стояла надпись Maestro, вставила в терминал, набрала код – и платёж прошёл! Хорошо, что я не знала, что эта карта и в России «работает»! Ещё бы в Петербурге все деньги потратила! Взяла пластиковую карту – ключ от номера – и помчалась за вещами на Красноармейскую. Нужно было торопиться.

– Тимур сказал, что вы съезжаете. А можно поинтересоваться – куда? – Юля сидела на кровати и подпиливала ногти.

«Какая она всё-таки любопытная!» – мелькнуло в мозгу.

– В отель! Какая прелесть – достаёшь иностранную банковскую карту – и ты уже человек! А без денег ты никому не нужен! – со злостью запихивая вещи в сумку, горячилась я.

Тимур вышел из своей комнаты, стоял в дверях, скрестив руки, и усмехался.

– Да, я тоже мечтаю уехать за рубеж! – подхватила Юля.

Она начинала меня уже раздражать.

– Напишите, пожалуйста, расписку, что я заплатила вам за два дня проживания! И как положено, bitte! Mit Name, Unterschrift und so weiter! – потребовала я, от волнения и спешки перейдя на немецкий. Прятаться уже было незачем.

– Да-да, конечно!

Тимур зашёл в зал, быстро вернулся с каким-то листочком бумаги и ручкой и стал коряво писать на косяке двери. Я заглянула ему через плечо: «Я – Асанов Тимур получил от Труба О. 800 р. за 2 дня проживания». Далее – роспись. Число – 27.06.2016.

– И адрес не забудьте, чтобы у меня проблем потом на таможне не было!

Я заскочила на кухню, достала из холодильника свой крем. Полпачки чая в пакетиках – тоже мои. Кажется, всё! От жары пот тёк по лицу и спине просто струями. Кофточка промокла. Я выхватила расписку, накинула на плечо красную сумку, на голову – чёрную шляпу. Схватила дорожную сумку и выскочила за порог. Посмотрела на наручные часы – ровно 12:00.

– Вам помочь спустить сумку вниз?

– Спасибо! Как-нибудь сама справлюсь! До свидания!

– Auf Wiedersehen! – чинно сказал мне в спину хозяин квартиры.

– Нет уж, лучше прощайте! Никогда сюда больше не вернусь!

Дверь в квартиру закрылась. Я развернула расписку обратной стороной. Там был заголовок: «РОССИЙСКАЯ ШАХМАТНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ» и запись партии до 28-го

хода. Да, немного театрально попрощалась, наигранно, но зато адрес и фамилия его есть, напишу потом из Германии.

Номер мне достался просто восхитительный, с видом на бассейн перед отелем и широкой лоджией. Мебель была красного дерева: двуспальная кровать, прикроватная тумбочка, журнальный столик и два кресла, двухстворчатый шифоньер, тумбочка под телевизор, трюмо и маленькая банкетка перед ним. На паркетном полу – ковры из натуральной шерсти. Ванная комната была отделана тёмной плиткой. Сантехника – новейшая. На фоне тёмной плитки она казалась ещё белее. Чистота – идеальная. В Германии такой номер стоит минимум 120 Евро за сутки на человека. В Инсбруке – ещё дороже. Вышла на лоджию и увидела «изюминку» этого отеля-дворца: на входной арке с внутренней стороны большими буквами красовалось: «ЖИЗНЬ – ПРЕКРАСНА!» Каким замечательным человеком должен быть хозяин этого отеля, если делает такие надписи!

Мне нужно было опять бежать. В мэрию. В 14 часов там заканчивался обеденный перерыв. На этот раз в приёмной была очередь: мужчина и две женщины. Пришлось сесть на стул и ждать. Все трое передо мной пришли по одному вопросу: переселение из барака. Одна из женщин нервно мерила узкий коридор шагами и возмущённо говорила:

– Где это видано, чтобы жителям с тридцатилетней сочинской пропиской не досталась квартира при расселении барака! Они уже вообще все обнаглели! Всё только за взятки! Брат, когда зайдём в кабинет, ты не молчи! – приказала она мужчине.

– Может быть, мы постучим в дверь? – робко спросила я. – Уже 2 часа.

– Девушка, вы что, не видите, что мы раньше вас пришли, и никто мимо нас в кабинет ещё не проходил! – раздражённо отрезала «командирша». Остальные молчали. – И это же надо до такого додуматься: сваливать строительный мусор прямо на берег моря! – продолжала она, размахивая руками. – Куда только смотрят все эти надзорные организации и природоохранные службы?! Я бы всех поувольняла, к чёртовой матери!

– А, может быть, они вошли в кабинет с другой стороны? – опять влезла я в монолог.

Мужчина нажал на ручку двери, она приоткрылась. Все трое зашли внутрь вместе. Буквально сразу «главная» вышла назад молча. За ней – весь красный мужчина. Третья женщина оставалась внутри минут пятнадцать. Я подумала, что удача мне, похоже, после таких посетителей сегодня не светит.

– А я вам говорила, что не надо идти в суд! – наконец-то вышла вторая женщина. – Сначала к мэру надо было! А раз вы уже на суд подали, то они не имеют право принять от вас жалобу!

Вот так всегда: самые «умные» чаще всего оказываются в дураках! Я постучалась и вошла в кабинет.

– Здравствуйте! Я записывалась позавчера на приём.

– Ой! Это вы из Германии приехали! Мы вас уже ждём! Оксана просила записать ваш номер телефона и снять копию с паспорта или аусвайса!

– А кто такая Оксана?

– Это секретарь из департамента по спорту.

Одна из девушек позвонила по телефону и спросила, устроит ли меня встреча в понедельник.

– К сожалению, нет: мой самолёт улетает в ночь на субботу.

Она передала это по телефону и сказала, что Оксана сейчас придёт сама. Почти сразу в кабинет скорым шагом вошла молодая женщина:

– Здравствуйте! Я прочитала ваше заявление! Какая замечательная идея! Это ведь просто здорово! Я организую для вас встречу на этой неделе, хотя у шефа очень плотный график! Оставьте, пожалуйста, копию вашего паспорта и номер телефона! Мы свяжемся с вами ещё сегодня же! Это так здорово, что вы приехали! – Оксана лила бальзам на мою душу.

Значит, моя идея может зажечь другие сердца! Значит, всё не зря! Я протянула девочкам свой райзепас. Они тут же сняли копию с него. Протянула свой Handy. Каждая покрутила его в руках: спутник от T-Mobile DE на Россию не действовал.

– Тогда номер телефона гостиницы, где вы остановились! – воскликнула Оксана.

– Ну да, конечно, как я сразу не подумала! – я протянула карточку от «Чеботарёвъ». Всё-таки здорово, что я уже не у Тимура-Тимофея в квартире! Какой бы номер телефона пришлось сейчас назвать?.. «Извините, но я остановилась на Красноармейской, в комнате без телефона!»

Пока дошла пешком через весь город до улицы Виноградной, на которой располагался отель, уже звонили. Дежурная на рецепшен сказала, что мне назначена встреча в четверг в 10 часов утра. Passt! После услышанного в приёмной мэрии идти на море совсем не хотелось. Ольги там может и не быть. Завтра она уезжает. Пойти опять к её дочери? Зачем? Посмотреть на апартаменты? Решила людям не надоедать. Итак набегалась за день достаточно. У меня, вообще-то, отпуск, а я ношусь

по городу как угорелая! Очень захотелось просто полежать в ванне, как дома, а потом – посмотреть телевизор. Когда стемнело, буквы на арке стали светиться неоном: «ЖИЗНЬ – ПРЕКРАСНА!» Это точно!

Моя комната была по правой стороне коридора (от лестницы – налево) крайней. С одной стороны соседей точно не было. Надеюсь, что мой храп никому не мешал. Я же себя чувствовала как графиня. На завтрак был шведский стол с большим выбором домашней выпечки, колбас, сыров, салатов, овощей и фруктов. Но я очень обрадовалась, когда обнаружила большую кастрюлю с манной кашей. Сто лет не ела манную кашу! Две женщины (мать и дочь), спросив позволения, сели за мой столик.

– Я тоже кашу в детстве любила! А сейчас её не варю! – сказала старшая, увидев, что я ем.

– Ну да, мы все на манной каше выросли. И дети наши тоже. Смесей-то раньше не было!

– Мама, а я тоже её ела? Что-то не припомню!

– Да, ты её тоже любила. А вот папа терпеть её не может, его в детстве насильно ею кормили!

– Ну да, рисовая каша, конечно, вкуснее, но ею ребёнок может подавиться, а манную так легко в маленький ротик запихивать! Не знаю, как бы я без неё своих четверых девчат вырастила!

– У вас четверо детей? Вот бы никогда не подумала! – удивилась девушка.

– Однажды, когда я была подростком, по телевизору шёл какой-то чешский фильм. Там от одной женщины с четырьмя детьми ушел муж, а она делала вид, как будто папа просто уехал в командировку, писала детям письма, якобы от него. Младшие дети так радовались,

когда читали эти письма! Они скучали по папе. А старшая девочка-подросток догадалась и однажды ночью подкараулила маму, когда та писала письмо, и накричала на неё, что она давно уже поняла, что папа их бросил, что он просто – предатель, а она его покрывает. И, вообще, зачем она только столько детей этому подонку нарожала! Вдвоём им было бы сейчас намного легче выживать, а так ей приходится нянчиться с этой «мелюзгой» и врать, хотя все соседи знают правду! Мама её успокоила и всё так хорошо объяснила страстным шёпотом: «Папа к нам обязательно вернётся! Он просто оступился! Но четверых детей, рождённых в любви, – их ведь так просто не забудешь! Это – дар божий! Ведь главное – это ребёнка родить, а потом он растёт, растёт, растёт… сам. Ему только немножко нужно дать любви!» Актриса говорила эти слова, по щекам у неё текли слёзы, у меня – тоже. Но больше всего мне понравилась её стройная фигура. Значит, это возможно – иметь такую фигуру с четырьмя детьми?.. Самое интересное, что в конце фильма папа действительно вернулся и перечитывал «свои» замечательные письма вместе с детьми. Я не помню, как назывался этот фильм, а жаль!

– Ну вот видишь! А я тебе что говорю! Не хочет замуж идти и рожать, боится фигуру потерять!

Мы все трое рассмеялись. Они приехали с Севера России, жалели, что не взяли папу с собой в Сочи.

На входе в мэрию я назвала своё имя и мне дали номер кабинета, по коридору направо. Кроме Оксаны, в приёмной были ещё три молодые девушки и двое мужчин – молодой и моего возраста. Оксана представила нас всех. Одна девушка, Светлана, сидела чуть в стороне и была начальником управления международных отношений администрации города Сочи. Две другие – из отде-

ла по социальным вопросам и делам молодёжи. Мужчины – из департамента по спорту. Старший из них, Владимир Львович, несколько лет прожил в Германии, но вернулся. Оксана рассказывала, что она была в гостях у родственников под Бонном и ей очень понравилось там всё: культура, чистота на улицах, магазины. И цены в магазинах – особенно.

Дверь распахнулась, и вошёл её начальник – очень важный молодой человек в дорогом костюме, мельком окинул меня взглядом и прошёл мимо нас в свой кабинет, ни с кем не поздоровавшись. Это удивило: может быть, он уже виделся с другими сегодня ранним утром, но со мной-то уж точно нет. Не посчитал нужным поприветствовать незнакомую женщину? Как-то по-хамски. А на фотографии в интернете выглядел очень приличным, хоть и без улыбки на лице.

Он прошёл в кабинет один, но мы должны были ждать. Я спросила Оксану, можно ли называть его просто по имени, ведь он младше меня, но она смутилась. Всё ясно – по имени-отчеству. Пока ждали, я рассказывала о своей семье. О том, как в марте 99-го прилетели в Ганновер с тремя детьми, пятью китайскими сумками в клетку (в каждой – по 20 кг: одежда, одеяла, одна подушка, одна хрустальная ваза) и 400 дойчмарками, которых хватило только на месяц. В Астане было минус 30, а в Ганновере – плюс 7, и трава сантиметров в десять высотой. За семь часом перелёта мы попали из зимы в лето. А теперь дети выросли, у одной уже есть сын, другая учится на психолога в университете Зальцбурга, третья занималась одно время фехтованием и была даже вицемастером Верхней Баварии в фехтовании на шпагах. Четвёртая родилась в Баварии, но с детства говорит на двух языках, потому что папа был безработ-

ным и сидел с ней дома. Он – русский, «солдафон», бывший офицер КГБ, контуженный, умел ремонтировать буквально всё, связанное с электричеством, но без знания немецкого языка не сумел найти в Германии приличной работы. Три года проработал посудомойщиком в частной детской клинике, потом – инфаркт. В итоге – пенсия 99 Евро в месяц. И Казахстан уехавшим за рубеж пенсий не платит. А в прошлом декабре муж сильно заболел, нам сначала сказали, что неизлечимо. А потом поставили другой диагноз (не такой страшный). Я подумала, что раз есть надежда, что он выкарабкается, то я полечу в Россию и исполню свою мечту. У меня есть мечта: чтобы русские и немцы сидели у костра рядом! У нас в городе есть команда борцов, они все простые баварские парни... Ой, мне уже не терпится вам всё рассказать!

Как раз в эту минуту нас пригласили зайти в кабинет. Сергей Валерьевич сидел во главе длинного стола, вальяжно развалившись в кресле. Я представилась, достала из красной сумки привезённые с собой сувениры нашего города: магнитное фото Берхтесгадена с горой Ватцман на заднем фоне, буклет на русском языке с перечнем всех достопримечательностей города и окрестностей, пять маленьких флакончиков с напитками нашего знаменитого ликёро-водочного завода Enzianbrennerei Grassl (лично мне у них очень нравится ликёр из ореха фундук).

– А это ещё что такое, алкоголь? – грубо спросил меня господин Юрченко. – Уберите сейчас же!

– Эти напитки сделаны из горячевки. Этот цветок растёт и в ваших горах тоже. Я думала, что это символично. Наши города во многом похожи..

– Светлана Владимировна, у нас уже, кажется, есть один город-побратим в Германии?

– Да, Баден-Баден, – ответила из угла кабинета начальник по международным отношениям.

– У меня есть предложение к вам, я прилетела ради этого из другой страны. Может быть, вы разрешите мне рассказать вам о нём, раз уж мы тут собрались? – я начинала злиться.

– Только, пожалуйста, короче, у меня мало времени! – сказал Юрченко и развернулся в кресле ко мне боком.

Я начала говорить, обращаясь к остальным присутствующим.

– Хорошо! Так вот, как я уже начала говорить в приёмной, в нашем городе есть команда борцов. Все они – простые баварские парни, целый день работающие на предприятиях города, а вечерами тренирующиеся с таким азартом, что вошли в прошлом году в Лигу Баварии и даже заняли третье место. В состав других команд входят приглашённые чемпионы из стран Восточной Европы по несколько человек. В команде нашего города тоже есть иностранцы: один – латыш и другой – венгр. Остальные все – местные самоучки. Очень талантливые. Мне хотелось бы, чтобы они приехали в Сочи за опытом, посмотреть, как борются лучшие в мире борцы – россияне. Я разговаривала несколько раз с Гансом, главным тренером команды. Он сам – бывший борец, очень уважаемый в нашем городе человек, может организовать бесплатное посещение достопримечательностей округа. Перед моим отъездом в Россию Ганс сказал: «Пусть русские приезжают первыми. Мы встретим!» В Гамбурге есть благотворительный фонд, который оплачивает расходы по обмену молодёжью между Россией и

Германией. Только нужно, чтобы это был не просто обмен туристами, рассматривающими достопримечательности, а группами с общими интересами. Состав групп: 15 участников в возрасте от 12 до 26 лет и двое сопровождающих взрослых. Продолжительность пребывания в гостях от 5 до 30 дней. Фонд оплачивает проезд немецких участников до места пребывания в России и обратно и проживание российских участников в Германии. Проживание немецких участников в России и проезд российских участников до места проживания в Германии и обратно домой оплачивает российская сторона. Да и ещё: с вашей стороны должны быть тоже спортсмены-самоучки, а не профессионалы, которые покалечат наших парней. И не «папенькины сынки», конечно, которые приедут, но ничего не сумеют показать!

Всё это я рассказывала, глядя на Владимира Львовича, сидящего напротив меня. Он слушал очень внимательно, не перебивая и не говоря ни слова. Все три женщины записывали разговор в блокноты.

Сергей Вячеславович, молодой коллега Владимира Львовича, сидевший рядом с ним и тоже внимательно слушавший, подал голос первым:

– То есть как это – «покалечат»? – переспросил он. – Вы что, хотите чтобы они соревновались?

– Ну да! – сказала я недоумённо.

– Да вы что?! Вы знаете, сколько стоит страховка одного спортсмена? А если они, действительно, нечаянно покалечат друг друга, кто будет оплачивать лечение?

– Вот! Тоже самое мне говорил Ганс! «Русские медведи покалечат моих парней! Как они потом будут выступать в турнире!» А я его не поняла! Как же быть?

– Только тренировка! Речь может идти только о совместной тренировке!

– Здорово! Так и запишу: «только совместная тренировка»! – обрадовалась я.

– Так, стоп! – послышалось слева. Господин Юрченко «проснулся». – Мы обсуждаем детали, которые не имеем права обсуждать! Что вы там говорили? Что оплачивает немецкая сторона?

Я удивлённо посмотрела на Владимира Львовича. Тот опустил глаза. От стыда за шефа?..

– Я говорила, что немецкий фонд оплачивает проезд немецких участников обмена до места проживания в России и обратно и затраты на проживание российских участников на территории Германии, – медленно и членораздельно повторила я для «непонятливых».

– Надо ещё проверить, что это за фонд такой и легальный ли он вообще! – заявил Юрченко.

– Фонд является благотворительным. Один из учредителей – фирма BOSCH. Вы можете прочесть о нём в интернете. Вся информация открытая.

Интересно, если я скажу ему, что Фонд называется Stiftung Deutsch-Russischer Jugendaustausch, это что-то изменит в его отношении к происходящему сейчас в его кабинете?

– Почему вы одна? Почему не приехал мэр города? – спросил Юрченко.

– Наш мэр города не занимается подобными вопросами. У него полно других, более важных дел!

– А у нас, по-вашему, нет более важных дел, чем сидеть здесь с вами?!

– Извините, что отнимаю ваше время, – перешла я на откровенную грубость, – но в Германии такие вещи де-

лаются без привлечения мэра города! У тебя есть идея, ты находишь единомышленников и спонсоров и организуешь мероприятие! Самостоятельно!

Владимир Львович и Сергей Вячеславович привстали от моего агрессивного тона и начали объяснять:

– В России всё не так просто! Сергей Валерьевич и вправду не может решать такие вопросы!

– А кто может? Путин? Вопрос по обмену группами борцов может решить только Путин??? И потом, мэр нашего города вовсе не «горит» желанием устанавливать связи с каким-то городом. Берхтесгаден образован на месте поселения группы монахов-августинцев. Они всегда сохраняли нейтралитет. У Берхтесгадена нет города-побратима. Он вообще не имеет права его иметь по специальному постановлению. Я хожу и уговариваю жителей просто сотрудничать: обмениваться группами, учиться чему-то друг у друга, просто ездить в гости!

– Всё это очень дорого! У нас нет таких денег, чтобы отправить 17 человек за границу! Нужны визы. За ними нужно ехать в Москву. Вопросы финансирования решаются сверху!

– Да, действительно, я читала в интернете, что с российской стороны такого Фонда, как в Германии, нет, но есть Координационный центр, который помогает найти источники финансирования проекта. Главное – это желание участвовать! Подать заявку в этот центр!

– Так всё, хватит! Ваше время истекло! У меня много работы!

– А я, в принципе, уже всё сказала! Больше мне добавить нечего! Спасибо, что выслушали!

Я встала. Посмотрела на Владимира Львовича. Он одной рукой пододвинул магнитик и брошюру к Юрченко, второй – пять бутылёчков со спиртным – ко мне. (Хотят показать, что вообще не употребляют спиртного, и да-

же в качестве сувенира на полке не хотят его иметь?.. Было бы просто замечательно, если б это было на самом деле так!) Я ссыпала их в сумку и пошла к двери, не попрощавшись с хозяином кабинета. Если он не посчитал нужным здороваться со мной, то я могу позволить себе не прощаться с ним. В приёмной ожидали двое человек. Они сразу прошли в кабинет.

Я поблагодарила Оксану за организацию встречи ещё раз. Представляю, чего ей это стоило!

– Ольга, вы пишите нам на сайт! – сказала Светлана. – Он ведь вам известен?

– Да! Хорошо! Спасибо! До свидания!

Остальные уже умчались по своим делам. Я «свалилась» людям на голову без «термина», не предупредив, незапланированно. Но главное я сделала – я рассказала им о возможности показать детям Сочи Баварию, о том, что в райском уголке Германии есть человек, готовый тратить своё время и энергию на сближение жителей двух замечательных, очень спортивных, курортных городов.

В письме подруге Жене я писала, что буду ждать её на вокзале в четверг и пятницу с 13 до 15 часов у справочного бюро. Пришла немного пораньше. Вывеска гласила: обеденный перерыв. Села на кресло напротив и стала смотреть на пассажиров. Всё-таки интересно, где россияне покупают одежду? В Петербурге и Сочи мне попадались только ужасно дорогие фешенебельные «бутики» с заоблачными ценами, а люди на улицах обоих городов были так хорошо одеты. Причём все. Не встретила ни одного попрошайки или неряшливо одетого человека. В последние годы в Зальцбурге чуть ли ни через каждые 100-200 метров можно увидеть сидящих на земле смуглых людей в грязной одежде и с протянутой ру-

кой. Перед университетской клиникой, прямо возле пешеходного перехода, сидел мужчина с алюминиевой кружкой. Когда я приезжала проведать мужа и, стоя у светофора и ожидая разрешения перейти улицу, разговаривала со своими детьми по-русски, всё время подозревала, что попрошайка прекрасно понимает наш язык. Хоть мы ему и не давали денег, он приветственно махал нам рукой. А в центральном парке (Mirabellgarten) Зальцбурга настолько участились карманные кражи, что городу пришлось нанять частную охранную фирму.

Пришла диспетчер, я встала в очередь за женщиной. Но тут к окошечку подлетел растрёпанный мужчина с сильным запахом перегара, и отодвинул её локтем. Я быстро отошла и уселась опять на своё место. Лучше пережду. Мужчина спросил, где стоит поезд на Ростов. Диспетчер сказала, что он через пять минут уходит, а идти до него далеко:

– Беги бегом!

– Куда? В какую сторону?

– Маша! Покажи ему, где ростовский! Он сейчас уходит!

Диспетчер подозвала ещё одну женщину в форме. Та быстро повела горемыку вглубь вокзала. Я встала в хвост очереди. Народу прибавилось. Я хотела попросить, чтобы дежурная объявила по громкоговорителю: «Евгения Ковалёва! Вас ожидают возле справочного бюро!»

Фильм «Сваты» – любимый сериал моей младшей дочери. Я заказала диски в «русском» каталоге, чтобы можно было смотреть, когда захочется. Песня «Кружится диск» Анны Кошмал – одна из моих любимых песен. Дочка смотрит эти диски уже лет пять подряд. И с большим удовольствием! «Женьку» она просто обожает! А

(смешно – но факт!) мою подругу по гидрофаку тоже зовут Женька. И замуж она вышла за Сашу Ковалёва. Так что настоящая Женя Ковалёва. Только не из Кучугур.

Мужчина с перегаром, теперь уже весь красный, опять пытался оттолкнуть всех от окошка: «Он ушёл! Мой поезд ушёл! Что мне делать?!» Один мужчина из очереди стал оттаскивать его от окна, принуждая встать в очередь и не ломиться впереди всех. Между ними завязалась борьба.

– Пустите! Что мне теперь делать?

– Пить надо меньше! А перед поездкой вообще не пить!

– Вызовите полицию! Что это за наглость такая, что пьяный без очереди лезет! – потребовала я от диспетчера специально громким голосом, чтобы напугать дебошира и разнять драку.

– Ну зачем сразу полицию! – заступилась за пьяницу диспетчер. – Ну выпил человек лишнего! Маша, помоги ему написать заявление на сдачу билета из-за опоздания!

Я решила, что, если уж Женька приедет, то я её здесь и без диспетчера увижу. Села на кресло и стала ждать. Она не приехала. Может быть, завтра? В половине четвёртого я пошла в отель. На этот раз перешла улицу почему-то не на светофоре, а по подземному переходу. У одной из опор сидела сухая старушка в чистом, светлом платьице и просила милостыню. Мой кожаный кошелёк был совсем пустой. Было тридцатое июня, конец месяца, зарплата уже должна была быть на Konto (на счету). Надо будет зайти в банк и снять немного денег. 50 евро. Купить гостинцев детям и сувениры себе и друзьям.

Прошла мимо гостиницы немного выше по улице. Там стояла красивая новая церковь. «Храм святого Вла-

димира» – гласила надпись. Каких только святых не бывает на свете! Внутрь попасть не удалось.

Приняла душ, поплавала в бассейне перед отелем и пошла в парк «Ривьера». Невдалеке от него был банк с автоматом на улице. Сняла со счёта три тысячи рублей. Ещё в прошлый раз присмотрела ларечек с самыми дешёвыми ценами на сувениры, но никак не могла его найти. В парке было много костюмированной молодёжи на ходулях и без. Костюмы очень даже хорошего качества, прямо-таки театральные. А замершие фигуры напоминали Венецию. Один высокий кавказец, бесцеремонно схватив меня за руку, предложил сфотографироваться с обезьянкой на поводке. «Ну уж нет, спасибо! Однажды я уже сфотографировалась с обезьянкой!» – я выдернула руку. Наконец-то нашла и тот ларечек, стала выбирать магнитики с разными видами Сочи. Продавец, как ни странно, тоже Женя, сделала мне скидку: вместо 2 000 рублей взяла всего 1 800. Как она сказала, за то, что я с такой любовью к её городу выбирала сувениры на память.

– Женя, а я ведь, и правда, очень люблю ваш город! В первый раз я была здесь 33 года назад!

– Ну, значит, увидимся опять! Всё по кругу! Вы путешествуете – мы стоим на одном месте!

– А, может быть, и, правда, увидимся? Вы, Женя, прямо философ!

На прощание каждый посетитель парка получал бесплатную фотографию. Можно было даже в виде магнитика на холодильник попросить. Правда, очень маленькую, но всё-таки – память!

На завтрак пришла я рано, вторая. Официант извинился, что ещё не всё выставлено на столы.

– Мы – самые голодные! – сказала я ему.

Он вздрогнул:

– Самые голодные?

– Ага, еле утра дождалась! – поддержала разговор девушка, пришедшая раньше меня.

Я заглянула в кастрюлю. Она была пустой. Не могли же её уже съесть?!!!

– А каша?

– Сегодня каши нет!

– Как жаль! – У меня даже аппетит пропал.

– Ой, подождите, сейчас спрошу у повара!

Официант скрылся за шторкой. Я стояла возле горки блинов и ещё какой-то выпечки.

– Повар сказала, что каша у неё подгорела и сейчас она варит новую, только не манную.

– Вот спасибо! Тогда я приду попозже, когда каша будет готова!

Пошла окунуться в бассейн перед отелем. За одним из столиков сидели муж с женой и мальчик лет дести. Они играли в карты. Мне показалось, что они говорили по-немецки. Наверное, я просто хочу домой! Когда сказала Гансу, что лечу в Россию, он обнял меня и прошептал в ухо: «Komm heil daheim!» Я тогда чуть не заплакала от этих слов – баварец говорит российской немке, улетающей на две недели в Россию: «ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ ЗДОРОВОЙ!»

Советы бывалых...

Нет никаких правил и нет никакого правильного режима, если ты хочешь написать книгу.

Умберто Эко

В качестве послесловия

Один из самых известных авторов прошлого века Курт Воннегут, работы которого стали классикой гуманитарной фантастики, о писательстве сказал так: «*Пишите, чтобы угодить только одному человеку. Если вы откроете окно и займётесь, так сказать, любовью со всем миром, ваша история подхватит пневмонию…*» А по сути, если вы внимательно читали эту книгу, то заметили, что авторы, независимо от своего статуса, звездности, причисления к литературным классикам, или только еще делающие первые робкие шаги на пути постижения писательского мастерства, дают схожие советы. Остается каждому – проанализировать и сделать выводы.

ИТАК!

- Какие необходимы шаги к тому, чтобы стать писателем?

Михаил Ландбург: *Жить полной жизнью и много, очень-очень много и вдумчиво читать.*

- Какими качествами должен обладать писатель?

Надежда Волынкина: *Прежде всего, быть грамотным! Согласна с высказыванием актера Михаила Сафронова о том, что безграмотность сродни нечистоплотности. И ещё: писатель должен обязательно быть читателем.*

Михаил Ландбург: *Обладать чувством меры, юмора, справедливости, упорством, крепкими ягодичными мышцами, быть сыном своего века.*

- Какие темы сегодня должен поднимать писатель?

Надежда Волынкина: *Писать надо о том, о чём молчать невозможно. Если можно промолчать, то стоит ли писать?..*

Владимир Иванов: *Взаимопонимание отцов, дедов, внуков и детей – тема вечная, но скучная в счастливых вариантах. Комедийные и фантазийные сериалы о глубоко несчастных выигрывают в поверхностной дополненной реальности.*

- Что делать, если писать хочется, но идеи все-таки нет?

Виктория Левина: *Написать первое предложение. А там* само полетит!

Ольга Труба: *Если писать хочется, но идеи нет, пишите о себе от третьего лица! Ведь у каждого из нас случались в жизни какие-то смешные (или совсем не смешные) истории, которыми можно поделиться с читателями.*

- Как привлечь музу?

Татьяна Бадакова: *Путешествуйте!*

- Как завоевать доверие читателя?

Ханох Дашевский: *Это непросто. Читатель – разный, и в истории литературы достаточно примеров, когда настоящее творчество не было оценено по достоинству, а ширпотреб – наоборот. Затем об авторах модных бестселлеров забыли, а подлинная литература осталась в веках.*

Татьяна Бадакова: *Писать о простом, но высоко. Писать правду, но с фантазией.*

- Как относиться к критике?

Надежда Волынкина: *Критика – вещь неприятная, но она подобна прививке от кори. Нравится, или не нравится, к критике следует прислушиваться. И для себя делать выводы. Главное, себе не изменять.*

- Как донести свое творчество до читателей?

Надежда Волынкина: *Автор я начинающий, но друзья с удовольствием читают мои рассказы в сборниках издательства Stella.*

Ханох Дашевский: *«Раскруткой» лучше заниматься самому. Так вернее, даже если издатель или издательство обещают.*

Виктория Левина: *Заниматься самораскруткой из всех своих авторских сил!*

И в заключение развернутое и обобщающее эссе
Марины Ламбертц-Симоновой.

ВАШ ВОПРОС – МОЙ ОТВЕТ

Мне нравится, как на первый вопрос («Какие необходимы первые шаги к тому, чтобы стать писателем?») ответил А. П. Чехов: *«Стать писателем очень нетрудно. Нет того урода, который не нашёл бы себе пары, и нет той чепухи, которая не нашла бы себе подходящего читателя. А посему не робей… Клади перед собой бумагу, бери в руки перо и, раздражив пленную мысль, строчи».*

Но как быть, если тебя просто распирает от «пленных мыслей», но они сидят за прочной «решеткой» и так смешались, сплелись между собой, а ты не знаешь, где найти Ключ, чтобы выпустить этих бедолаг наружу, а потом ещё и организовать в «отряды слов» – в твои будущие сногсшибательные (или ещё лучше: душераздирающие произведения)?

Поделюсь личным опытом: сначала освободи… самого себя! Подготовь к будущему Триумфу! Лучше, конечно… влюбиться, притом – по уши! Или наоборот – разлюбить, возненавидеть, стеная и плача напропалую, выпустив наружу тот самый… «крик души», который так мучил тебя, а теперь пусть помучает и «достанет» других… в зарифмованном твоим разгорячённым умом, витиеватом виде. Это круто! И да помогут тебе соответствующие порталы интернета разбередить и утолить жажду «потосковать в хорошей компании» сотен, а может, и сотен тысяч пользователей, не обладающих и каплей твоего таланта.

Ну а что, если ты «спокоен как в танке» и знаешь, что очень хочешь, но не… можешь? Тогда ещё один, вполне серьёзный и дельный совет, кстати, одновременно полезный не только для писательской души, но и для тела: приготовь себе чашечку ароматного какао с имбирем и цимтом. О, этот волшебный напиток творит чудеса (в нем много эндорфина – «гормона счастья», великолепных флавонолов и других полезных веществ – значительно улучшающих работу мозга)! Наслаждайся им, вдыхай божественный аромат! На него летят и Музы, особенно моя любимая Эвтерпа – поверь!

А теперь включи хорошую тихую музыку, зажги свечу, закрой глаза, расслабься на пять минут, а затем «восстань ото сна» и попробуй записать первые пришедшие в голову слова... пусть даже это всего лишь... клочки освобождённых мыслей... Но зато какие! Это точно будут Перлы – поверь! Позднее (на трезвую голову!) из них могут родиться стихи, рассказы, песни....

Ну а если боишься, что свеча может чересчур разгореться, что не совсем пожаробезопасно, сходи в музей, когда там немного народа, побудь наедине с картинами (но лучше не чересчур... обнажёнными) или просто присядь на скамейку в осеннем парке и посмотри, как падают осенние листья или рождаются новые весной? Чувствуешь аромат?.. А ведь и на нем иногда прекрасно «настаиваются» поэтические строки... А если у тебя при этом из глаза выкатится непрошеная слеза, то ты и вовсе уже без пяти минут Поэт или будущий автор известного романа... Да, конечно, здесь нельзя без Веры, Веры в собственные силы!

Я лично первое своё стихотворение (вернее, целых... пять, написала в 13 лет, благодаря папе. Он видел, как я скучаю и не знаю чем заняться, перечитав все книги, и переживаю, что из-за простуды не могу ходить в школу и репетировать роль Наташи Ростовой в школьном театре. И, уходя на работу, предложил мне написать... стихи, глядя в окошко... Я так и сделала. Сначала было очень трудно превратить свои чувства в... слова, но потом все пошло как по маслу... И окно в мир, даже крошечное, помогло разродиться дюжиной поэтических творений, даже если я была только чуточку... «беременна ими».

Конечно, начальная «капелька» таланта нужна каждому будущему писателю, но эту «капельку» можно развить, и она тогда перельется через край, превращаясь в бурный поток... И тогда появится новая проблема: ваш словесный поток будет уже не удержать!

Какими качествами должен обладать писатель?.. Он должен быть очень чутким! Это проявляется у него во всем! Это у него от природы! С рождения, пожалуй! Его даже соска не

успокаивала! И он уже тогда громче других ударял пальчиками по погремушкам, отлично различая их цвета и попадая в такт своим мелодичнейшим «У-а-а!». Это чуть позднее он будет сжимать в руке перо и взрывать бумагу. И она стерпит всё, потому что он – «Её Человек», умеющий не только смотреть, но и… видеть, не только слушать, но и… слышать – и этим блестяще отличающийся от обычных, нормальных, то есть – коллег по детскому саду, школе и работе. Остальное, уверена, приложится!

На какие темы писать?.. Ну, конечно же, на темы, которые волнуют самого пишущего! Может быть, смешат, заставляют грустить или приводят в негодование! Ищите Конфликт или вызывайте Радость, давайте своими строками Надежду, покажите, что Любовь есть! Только не нойте, не сейте пессимизм, не пугайте публику мыслями о своём безвременном уходе из этого мира! Даже если ваша душа плачет, пусть наружу летят строки о том, что мир все-таки Прекрасен! Но не хватайтесь в ажиотаже за неподъёмное, чтобы не надорвать свою тонкую психику, или заранее тренируйте… «сердечные бицепсы».

Если идеи нет… подслушайте ее у Дождика, подсмотрите у Снега, заметающего чьи-то следы, пошушукайтесь с тем самым «желтым одуванчиком у забора», из которого «растут стихи, не ведая стыда»… Возьмите, наконец-таки, на колени кошку и она «намурлыкает» вам ТАКИЕ СТРОКИ – только успевай записывать! А может быть, кто-то досадил вам «до чертиков»? Ай, да молодец! Ну прямо-таки для вас старался! Чем он – не мишень для ваших острых строк? И ещё дельный совет: «Срочно влюбитесь!» В кого? Ну хотя бы в собственную… жену (мужа), в какого-нибудь… козла (козу) в зоопарке, в плохую (хорошую) погоду или в эту осточертевшую (прекрасную) жизнь, наконец! Только, пожалуйста, не ходите взад и вперёд по вашей двадцатикомнатной квартире с десятью туалетами и не стоните в стихах о том, что… «нет счастья в жизни…».

Можно ли обойтись без музы? Ну уж нет: Муза нужна (или... Музык, если писатель – дама)! Когда я занималась в «Мастерской молодых писателей» при Санкт-Петербургском Доме писателей, нам с первого дня внушали, что над входом в это великолепное пристанище муз некогда была надпись: «Поэтов вдохновляют Музы, а поэтесс... Музыки», с того золотого времени у меня много на эту тему написано, потому что это – сущая правда.

Эй, на Олимпе! Вы наверняка
Помочь мне в компетенции и в силе:
На кой мне Муза? Шлите... Музыка!
Чтоб он вздымать умел не только крылья!

Ну а привлечь к себе муз или... музыков можно, например, особыми ритуалами. Это может быть ароматный чай, кофе или что-то чуть крепче (важно соблюдать дозировку, чтобы в самый «улётный» момент не выронить из руки перо или не упасть с писательского стула. О горящих свечах я уже писала. Вот, например, у Шиллера во время работы над очередной рукописью в столе лежали... гнилые яблоки, Набоков писал на... корточках, Роальд Даль ждал муз в холодном сарайчике, кутаясь в спальный мешок, Агате Кристи музы нашёптывали строки про убийства, когда она мыла посуду. Хемингуэй принимал покровительницу писательского ремесла в обществе шестипалого кота Сноубола. Подтверждаю на основании собственного опыта, что последнее средство – просто супер: когда на моём письменном столе сидит кот Саша Пушкин – музы могут отдыхать! А ещё попробуйте оседлать... Пегаса, как это делаю я:

И снова лечу я, Пегасу послушна,
Чтоб где-то гасить нестерпимую боль...
А как грандиозна поэзии роль
Давно мне внушает крылатый коняга,
И сделать уже не могу я ни шага,
Пока я за гриву его не схвачусь...
Искусству я этому только учусь –
Стараюсь неистово, в поте лица...

Старайтесь и вы, и у вас всё получится!

А ещё, помните: «Гюльчатай, открой личико!»? Так и писатель должен смело открыть своё «лицо» читателю. Обратимся снова к Курту Воннегуту: «Писатель не должен забывать о том, что он – Лицо своих произведений!» Откроем же своё лицо читателям. Пусть оно не такое, как у Моны Лизы (говорят, кстати, Мона Лиза – автопортрет самого Леонардо!), но оно – Необыкновенное, оно Неповторимое – оно Наше! Да, это трудно, чтобы его увидели в толпе, да ещё в час пик, и влюбились с первого взгляда – здесь абсолютная аналогия с жизнью! И все же большинство людей, мечтающих о Любви, влюбляются, на них женятся, за них выходят замуж. Так и с писателями. Правда, с ними дело посложнее: в них должны влюбляться сразу много людей и «замужество» им предстоит не одно, им надо привыкнуть к «многожёнству» или «многомужеству», удовлетворяя всех влюблённых... Но такова нелегкая судьба писателя! Делить своё «любовное ложе» на «седьмом небе» сразу со многими или... Для этого нужно постоянно работать над своей «внешностью», которая освещается изнутри, следить, чтобы она не старела и не сгорала на солнце – это большая, бесконечная работа, и тут ничегошеньки не поделаешь!

И ещё советы от Курта Воннегута: «Используйте время совершенно незнакомого человека так, чтобы оно не казалось ему потраченным напрасно. Давайте читателю хотя бы одного героя, за которого хочется болеть душой».

Критика всегда воспринимается болезненно – такими создала нас природа. Чтобы мы учились защищаться. И воспринимается критика гораздо острее, чем похвала. Но как сказал Аристотель: «Критики можно легко избежать, если ничего не говорить, ничего не делать и быть ничем». Сегодня почти все из нас выходят в интернет, и каждый может получить в свой адрес не просто критику, но и любые самые злобные высказывания. К этому надо относиться спокойно и учиться извлекать пользу. Ведь даже из камня, который могут вложить в вашу руку, можно высечь огонь. А вот что советовал по этому

поводу Стивен Кинг: «Как справляться с критикой? Покажите свой черновик некоторому количеству людей. К примеру, десяти. Внимательно послушайте, что они говорят. Улыбайтесь и кивайте. Затем просмотрите все пункты, по которым они прошлись. Если семь из десяти сошлись на том, что персонаж неинтересен или сюжетный ход банален, значит, так оно и есть. Если же каждый сказал что-то своё, можете спокойно это игнорировать». Но ещё лучше заказать рецензию у профессионала и обязательно прислушаться к его советам. Они помогут вам в будущем не только избежать тех же ошибок, но и писать гораздо лучше. Мне лично помогают и выступления перед читателями. И дело вовсе не только в том, что они скажут во время дискуссии после чтения. Когда ты читаешь своё произведение вслух, ты вдруг сам гораздо острее, а может быть, и вообще впервые, видишь свои ошибки и просчеты, а по глазам слушателей, по их реакции – ещё и умеешь ли ты вообще «брать за живое» или тебе просто мастерски удаётся вводить слушателей в... сон. Ну и, конечно, нужно быть осторожным в отношении... похвал. В интернете мы часто становимся свидетелями того, как источается массовый восторг по поводу якобы «прекрасных творений» тех, кто просто умеет писать (причём, ударение в этом слове не имеет значения!) в рифму, и чистых графоманов называют поэтами... Но если похвала имеет под собой серьёзное основание – это всё же здорово, и даёт мне лично великолепный импульс к дальнейшему творчеству.

Как донести свое творчество до читателей?.. Это самое больное место у многих! Как правило, и к сожалению, для этого нужны деньги (и немалые!), чтобы публиковать как можно больше своих книг, да ещё значительными тиражами (я имею ввиду, говоря о «сожалении», конечно, хорошие, интересные произведения талантливых авторов). Ну а как иначе автору «показать товар лицом», да ещё такой «трепетный», выстраданный, высиженный долгими днями и ночами, состоящий из живой материи души, пуповиной связанный с

твоим сердцем? Ведь и самые замечательные произведения не могут существовать без читателей. Можно, конечно, ждать подарков Судьбы, улыбок Фортуны, денежного Дождя! Конечно, можно и нужно участвовать в литературных конкурсах, но даже в том случае, если вас наградят очень престижными грамотами и медалями, это вовсе не гарантия, что бесплатно выпустят вашу книгу, да ещё большим тиражом, хотя «высокие награды», которыми уже завешаны все стены вашего жилища, льстят вашему самолюбию и прибавляют уверенности в самом себе, усиливают желание писать дальше и дальше.

Публикуйтесь в журналах, альманахах, на интерне-порталах, хотя и здесь нет никакой гарантии, что это серьезно «продвинет» ваше творчество и путь к читателям. Конечно, издание книг, да ещё и на хорошей бумаге, с иллюстрациями (особенно это касается книг для детей!), большими тиражами – это пока «Мечта поэта», вернее всех писателей, но так было всегда, во все времена! Умелый и опытный литературный агент, какой-нибудь меценат, который вложил бы в «вас» деньги, мог бы раскрыть ваш талант публике куда успешнее, а вы, окрылённый успехом, смогли бы писать гораздо лучше или даже гениально. Так было и со многими классиками. Но пока это журавль в небе, а занятой пером рукой невозможно схватиться за... синицу! И все же не опускайте руки! Участвуйте в фестивалях, питчингах, показывайте себя «лицом» везде, где только возможно! Возможность «А вдруг?» существует всегда, порой подстерегает даже в самых неожиданных местах... Желаю в этом отношении удачи и вам, друзья и коллеги, дорогие собратья по перу, и себе! А закончу словами Чехова: «Стать писателем, которого печатают и читают, очень трудно. Для этого: будь безусловно грамотен и имей талант величиною хотя бы с чечевичное зерно. За отсутствием больших талантов дороги и маленькие».

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГИЛЬДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ
INTERNATIONALE SCHRIFTSTELLERGILDE
STELLA-VERLAG.COM
verlag
ingild.com

Содержание

В качестве предисловия 5
Татьяна Бадакова 11
Екатерина Кордюкова 17
Татьяна Кайзер 35
Валентина Бендерская 49
Леонид Колганов 59
Конкурс на приз Премии им. Л. Колганова 66
Натали Биссо 69
Михаил Ландбург 83
Ханох Дашевский 93
Геннадий Леушин 109
Яков Каплан 119
Ирина Сапир 127
Виктория Левина 133
Юлия Ольшевская-Хатценбёллер 143
Марина Ламбертц-Симонова 161
Владимир Рабинович 189
Кира Османова 213
Надежда Волынкина 221
Валентина Чайковская 231
Александр Василенко 241
Ирина Яворовская 249
Владимир Иванов 263
Ольга Труба 269
В качестве послесловия 319

© Мастера словесности. Новое время
Литературный альманах
Коллектив современных авторов

© Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-200-3

9 783957 722003